

ISSN 2313-5182

ЕВРАЗИЙСТВО: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

**Материалы
XI Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции
Барнаул, 23–24 июня 2022 г.**

Алтайский государственный университет
Институт гуманитарных наук
Кафедра философии и политологии
Международный координационный совет
«Наш общий дом – Алтай»
Институт философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук
Ассоциация азиатских университетов
Алтайский государственный аграрный университет
Кафедра гуманитарных дисциплин
Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова
Институт комплексных исследований Большого Алтая АлтГТУ

**ЕВРАЗИЙСТВО:
теоретический потенциал
и практические приложения**

*Материалы
XI Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции*

Барнаул, 23-24 июня 2022 г.

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

УДК 327
ББК 66.0я431
Е 22

Ответственные редакторы:

М.А. Широкова, доктор философских наук, профессор;
А.В. Иванов, доктор философских наук, профессор

Редакционная коллегия:

В.Я. Баркалов, кандидат философских наук, доцент;
Ю.В. Попков, доктор философских наук, профессор;
Я.Ю. Шашкова, доктор политических наук, профессор;
М.Ю. Шишин, доктор философских наук, профессор

Е 22 Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы XI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Барнаул, 23-24 июня 2022 г. / под ред. М.А. Широковой, А.В. Иванова – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. – 273 с.

ISSN 2313-5182

В сборнике материалов XI конференции «Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения» рассматривается широкий круг теоретических, философско-мировоззренческих, экономических, социально-политических и социокультурных проблем развития трансграничных территорий Большого Алтая в социокультурном и геополитическом евразийском пространстве.

Издание адресовано политологам, социологам, культурологам, философам, историкам, этнологам, работникам управления и всем, интересующимся евразийской проблематикой.

УДК 327
ББК 66.0я431

ISSN 2313-5182

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2022

УДК 009

Сто лет евразийства: взгляд в историю и в будущее

Ольга Васильевна Плебанек

Университет при МПА ЕврАзЭС, Санкт-Петербург, Россия

plebanek@mail.ru

Аннотация. В современной науке значительно оживилось изучение теории евразийства, особенно после выступления Н.А. Назарбаева в стенах Московского университета, когда он предложил свой прагматичный взгляд на эту теорию. В статье рассматриваются некоторые аспекты развития философии евразийства за сто лет. Охарактеризовано современное состояние научного поиска в этой сфере, влияние классического евразийства на жизнедеятельность новых евразийских государств, образовавшихся после распада СССР. Относительно подробно рассматривается эволюция российского государства и его политика в отношении евро-азиатских народов. Названа возможная перспектива дальнейшего развития евразийской идеологии в условиях шестого технологического уклада.

Ключевые слова: евразийство, история, научная оценка, особенности, перспективы развития.

**One Hundred Years of Eurasianism:
A look into history and into the future**

Olga V. Plebanek

University associated with the IPA of EurAsEC,

Saint Petersburg, Russia

plebanek@mail.ru

Summary. The study of the theory of Eurasianism has significantly revived in modern science, especially after N.A. Nazarbayev's speech at Moscow University, when he offered his pragmatic view of this theory. The article discusses some aspects of the development of the philosophy of Eurasianism over a hundred years. The article describes the current state of scientific research in this area, the influ-

ence of classical Eurasianism on the life of the new Eurasian states formed after the collapse of the USSR. The evolution of the Russian state and its policy towards Euro-Asian peoples is considered in relative detail. The possible prospect of further development of the Eurasian ideology in the conditions of the sixth technological order is named.

Keywords: eurasianism, history, scientific assessment, features, development prospects.

В 1921 г. мир познакомился со сборником философско-публицистических эссе «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» [4]. Принято считать, что эти эссе отражали мнение противников большевизма, не принявших Октябрьскую революцию в России и эмигрировавших на запад. На самом деле образовавшийся в 1922 г. Союз Советских Социалистических республик явился завершением формирования евразийского государства, которое можно рассматривать как институционализацию интенций, содержащихся в самом месторазвитии севера евразийского континента. Благожелательное отношение евразийцев к СССР оказалось не понято и не поддержано большей частью русской эмиграции, но и отношение к евразийцам в Советском Союзе было не просто прохладным, но резко отрицательным. Причиной явилась критика многих аспектов политики Советского государства со стороны евразийцев, но даже она не могла заслонить тот факт, что ориентация на самостоятельность политики и антизападный тренд позволили СССР достигнуть столь высокого уровня в геополитической иерархии, что тот период всемирной истории получил название двухполярного мира.

Последующую историю Советского Союза и его гибель можно интерпретировать двояко: 1) непродолжительное существование и распад СССР являются свидетельством эфемерности и искусственности «славяно-тюркского союза»; 2) экономическая политика и индустриализация по развитию востока страны были позитивным процессом, продолжающим серию циклов объединения Евразии, но отрицание идеократического принципа евразийской цивилизации в лице православия и извращение тем самым евразийской идеи не позволили завершить этот про-

цесс образованием устойчивого государства, что можно оценить как признание справедливости и перспективности евразийской идеологии. Однако, в XXI в. концепция не только вновь заявила о себе уже в неоевразийском варианте, но проявилась в двух лицах: славяно-тюркском (путинский проект БЕП) и пантюркистском (Н.А. Назарбаев [5] под влиянием идеи «Великий Туран» Р.Т. Эрдогана).

Основная идея евразийцев заключалась в идее самодостаточности и локальности культурных систем. Они не задавались вопросом о возможности всеобщих законов социальной динамики, они подчёркивали в Декларации (1932) полную независимость России-Евразии от остального мира, полагая, что «судьбы евразийского мира протекают в основном и важнейшем особо от судеб стран к западу от нее (Европа), а также к югу и востоку от нее (Азия)» [3]. Евразийцы определяли сверхзадачей достижение «братского сотрудничества и взаимопонимания». В лучших традициях эссенциализма, утвердившегося как один из принципов неклассической парадигмы науки, они считали, что цивилизации обладают заданным определённым набором свойств и качеств, за пределы которых они выйти не могут, и этого не нужно, так как это приводит, в лучшем случае, к отклонению от заданного пути развития, в худшем случае, – к гибели культурной личности (цивилизации).

Такое видение истории довольно быстро обнаружило свои ограничения в контексте событий XX в. Растущая взаимозависимость мира и появление на геополитическом поле обществ, не предусмотренных конечным характером социальных целостностей, не укладывались в картину локальных, самодостаточных культур. Неклассические подходы в западной науке стали иссякать уже в середине XX в., и наряду с разработкой и углублением цивилизационной теории стали появляться социальные концепции, выходящие за пределы неклассической парадигмы.

Евразийцы утверждали, что идея (религия) создаёт государство. Хочется сказать, что все как раз наоборот: государства создают религию. Точнее, они используют институционализированную веру в организационных целях. Во всяком случае, так было на Руси, так было с исламизацией государств чингизидов. И в настоящее время новая национальная элита всеми силами

стремится использовать, помимо этнической карты, религиозный фактор, что детерминировало процесс реанимации этно-религиозной идентичности. В реальном геополитическом процессе так называемый туранский компонент в евразийской симфонии на глазах превращается пантюркский союз.

Реанимация православия в России является результатом обрушения советской идентичности, что сразу же стало использоваться политическим руководством страны. Политическая элита исламских республик также использовала эту карту, что довершило раскол. Евразийская идентичность так и не сформировалась, так как, если не считать разведывательных походов купцов и государственных служащих, присутствие Российской империи в Средней Азии можно отсчитывать только с разгрома Кокандского ханства, то есть с середины XIX в.

В представлениях евразийцев Россия – страна православная, хотя они и признают право на свободное вероисповедание. В России и сейчас признают себя православными только 66% населения, а в имперский период, хотя мусульман и было существенно меньше (на перепись населения 1987 г. – 87 млн. православных и 13 млн. мусульман), этот раскол совпадал с этническим размежеванием. Общей истории, на самом деле, было не так и много. Среднеазиатские республики получили культурное наследие персов через Сасанидскую державу, а потом и наследовали арабам через принятие ислама и пришедшую с ним письменность. И если для сибирских, а также северных народов обретение письменности на основе кириллицы предоставляло возможность приобщения к культурным ресурсам, позволяющим повысить статус и уровень жизни, то для среднеазиатских народов ближневосточное культурное наследие по своему объёму, истории и культурному содержанию ничем не уступает христианско-православному источнику. Культурное наследие России, полученное через православие, отделило восточное славянство от его европейских корней, но не приблизило и не могло приблизить к тюрко-исламскому миру. Л.Н. Гумилев предлагал считать татаро-монгольские взаимодействия русско-татарским симбиозом [2]. Это может быть верно в отношении именно татарского и башкирского населения в послеордынское время (часть татарского населения даже приняла православие),

но такого симбиоза не состоялось с тюркскими народами Средней Азии – слишком мало было на это отведено времени (как указано выше, завершение присоединения Средней Азии к России состоялось только в 40-е гг. XIX в. Отметим, что немногим менее века спустя сохраняли силу центробежные движения, которые возобновились ещё через чуть более полувека и логично завершились отпадением от православной цивилизации. Имелся и альтернативный центр культурного притяжения, – исламский мир, – и общее культурное наследие через арабскую письменность.

Следует признать, что в евразийском культурном пространстве, контролируемом российским государством (включая СССР), так и не был достигнут тот уровень интеграции, который бы позволял говорить о цивилизационном единстве: на этом пространстве в настоящее время существуют мощные центробежные тенденции и поиски альтернативных цивилизационных центров даже среди государств, входящих в Большое евразийское партнёрство. Русский этнический компонент в формировании геоцивилизации оказался доминирующим в социально-политическом отношении, но не численно; большая часть контролируемого и осваиваемого русскими пространства населена неславянскими и неправославными автохтонами; отсутствие естественных границ позволяло не строить администрацию по образцу заморских колоний, а включать в состав государства на правах губернского управления (ограниченная интеграция).

Россия может стать цивилизационным ядром на основе разделения труда и вновь привлекательным цивилизационным центром для евроазиатского сообщества, если превратится в лидера и доминанта нового шестого технологического уклада[1].

Библиографический список

1. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993. 310 с.
2. Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. / Послесл. С.Б. Лаврова. М.: Экспресс, 1992. 336 с.
3. Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. 1932
Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziystvo-deklaratsiya-formulirovka-tezisy-1932>

4. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod.php>

5. Селивёрстов С.В. От евразийства XX века к евразийству XXI века. URL: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/ot-evraziystva-khkh-veka-k-evraziystvu-xxi-veka/?ysclid=14fgnd3wsp295328501>

УДК 215

Наука и религия в наследии евразийцев

Андрей Владимирович Иванов

Алтайский государственный аграрный университет,

Барнаул, Россия

ivanov_a_v_58@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения науки и религии в научном наследии евразийцев. Подчеркивается, что взгляд основателей евразийства на религию в целом не является сильной стороной их учения, ибо привилегированное положение они отводят православию, хотя евразийский культурно-географический мир является поликонфессиональным и поликультурным. Вместе с тем, некоторые их идеи о соотношении науки и религии не устарели и сохраняют свое значение. Анализируются взгляды на эту проблему трех евразийских авторов: П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого и Н.Н. Алексеева.

Ключевые слова: Евразийство, наука, религия, П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Н.Н. Алексеев.

Science and religion in the Eurasian heritage

Andrej V. Ivanov

Altai State Agrarian University, Barnaul, Russia *iva-*

nov_a_v_58@mail.ru

Summary. The article deals with the problem of the correlation of science and religion in the scientific heritage of the Eurasians. It is emphasized that the view of the founders of Eurasianism on religion as a whole is not a strong side of their teaching, because they assign a privileged position to Orthodoxy, although the Eurasian cultural

and geographical world is multi-confessional and multicultural. At the same time, some of their ideas about the relationship between science and religion are not outdated and retain their significance. The views of three Eurasian authors on this problem are analyzed: P.N. Savitsky, N.S. Trubetskoy and N.N. Alekseev.

Keywords: Eurasionism, science, religion, P.N. Savitskiy, N.S. Trubetskoy, N.N. Alekseev.

Тема соотношения науки и религии не была центральной для основателей евразийства, а их религиозные взгляды в целом являются отнюдь не самой сильной стороной их учения. Тем не менее, ряд их идей важен для современного диалога между наукой и религией.

Прежде всего, следует отметить, что классики евразийства (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев) были воцерковленными людьми, и для них именно православная церковь была краеугольным основанием духовного единства народов Евразии. Эта позиция была зафиксирована во многих коллективных декларациях евразийского движения, а у П.Н. Савицкого в работе «Евразийство (опыт систематического изложения)» мы даже можем встретить идею, что дух иных вероисповеданий, как христианских (католицизм и протестантизм), так и нехристианских (языческие верования, буддизм и ислам) можно считать «потенциально православным не в том смысле, что он хочет, может и должен быть обращенным в Православие извне и принудительно..., но в том, что, если он свободно устремится к саморазвитию, свободное его саморазвитие будет его развитием к Православию и приведет к созданию новых, специфических его форм» [1, с.29–30]. Подобная позиция вызвала естественные возражения со стороны их оппонентов, на которые сами евразийцы убедительно ответить так и не смогли. Например, эмигрантский публицист С. Рогозин по поводу евразийского «примата православия» убедительно писал, что он является «паразитическим по своей неуместности и вредности именно в отношении к Евразии, где столько не-христианских вероисповеданий» [Цит. по 1, с. 189].

Наиболее «вредоносной» работой евразийцев, посвященной проблемам религии, является, на наш взгляд, статья Н.С. Тру-

бецкого «Религии Индии и христианство», в которой он дает крайне тенденциозную и несправедливую трактовку буддизма, говоря о его пропитанности «духом сатаны» [2, с.315]. При этом трактовка русского православия у Н.С. Трубецкого носит весьма специфический характер. Он настаивает на том, что в допетровские времена русская православная вера носила характер «бытового исповедничества». «Вера входила в быт, – пишет Н.С. Трубецкой, – быт – в веру, оба сливались воедино, в целостную систему “бытового исповедничества”. Органическую часть этого бытового исповедничества составляла и государственная идеология, которая, как и все в русской жизни, было неотделимо от религиозного мирозерцания. Во главе государства эта идеология поставила царя, который представлялся воплощением национальной воли...» [2, с. 253]. Реформы Петра, по Н.С. Трубецкому, сломали это исконное русское единство «между бытом, государственностью и религией» [2, с. 289], к которому необходимо вернуться. Исторические факты эту концепцию выдающегося евразийца решительно опровергают: все духовные взлеты России связаны вовсе не с религиозным бытом, а с героическим нравственным, социально-политическим и просветительским «горением» религиозного духа, нестяжательским по самому своему существу. Здесь достаточно вспомнить подвиги преподобного Сергия Радонежского, митрополита Филиппа Колычева, патриарха Гермогена или митрополита Платона Левшина. Бытовое же исповедничество в русской истории сплошь и рядом оборачивалось иосифлянским механическим обрядоверием и смирением с неправой верховной властью, как это было, например, во времена Ивана Грозного.

К нестяжательской религиозной традиции мы еще обратимся ниже, а теперь вернемся к главной теме – взглядам евразийцев на соотношение религии и науки. Сразу отметим, что горячая православная религиозность евразийцев органически соседствует у них с горячей любовью к науке; и вполне в духе всей русской религиозно-философской традиции они настаивают на необходимости согласия, а не конфронтации между наукой и религией. И, опять-таки в русле отечественных религиозно-философских традиций, с которыми евразийцы осознают неразрывную связь, они ориентируются на идеал цельного знания,

заложенный еще славянофилами. Это находит свое отражение в их программных документах. Так, в коллективном манифесте 1927 года мы встречаем следующую программную формулировку: «...В культурной деятельности интеллектуальных верхов, в частности, в современной науке – в противоположность тому, что утверждают коммунисты – именно в самых передовых течениях (например, биологии, физики и астрономии) выяснилась и подтвердилась ограниченность сферы, доступной научному исследованию, и невозможность познать так называемыми «научными методами» последние источники бытия. В этих условиях становится ясным, что только идея Творца делает возможным цельное понимание мира» [3, с.218–219].

Эта позиция получает развитие в небольшой статье П.Н. Савицкого «Единство мироздания». Отталкиваясь от результатов развития биологической науки того времени, где особое внимание стало уделяться целостности биологических систем (так называемое «организмическое движение») и проблемам направленности эволюции (возникновение номогенетических концепций), П.Н. Савицкий делает важный вывод о наличии в процессах эволюции самоорганизации, четкой векторизованности и смысла, т.е. порядка, который никак не может быть присущим безжизненной физической материи. Это требует признания духовного измерения в природном бытии, о котором всегда говорила религия. «Современной наукой в материи вскрываются предопределения и смыслы, и смысл выступает из глубин материи, – пишет П.Н. Савицкий. – С физико-математической точки зрения, организованное состояние мира есть наименее вероятное... И, в то же время, организация есть верховный закон, которому подчиняется сущее. Здесь обозначается религиозный упор современной науки: Вселенная необъяснима вне допущения всемирного бытия, благодаря которому невероятное становится осуществимым... Понятие организации в этом плане становится основным научным понятием. И можно сказать, что организация и есть дух, пребывающий в материи» [1, с. 134–135].

Отечественный мыслитель специально обращается к понятию «самоорганизации», которое станет центральным в синергетике только через пятьдесят лет. Он говорит, что в мире есть номогенез, т.е. «предопределенная способность материи к орга-

низации и самоорганизации» [1, с.135], но эта предопределенность не является жесткой даже в природе. Она может реализоваться, а может и не реализоваться, т.е. с предпосылками человеческой свободы в виде вероятностных процессов мы встречаемся уже в природе. В случае не реализованных возможностей природной самоорганизации мы сталкиваемся с «тупиком эволюции», когда процессы не приводят к созданию устойчивых биологических форм. Однако именно в бытии человека диалектика номогенетической предзаданности и свободы приобретает совершенно иное качество. У П.Н. Савицкого мы встречаем мысль, исключительно актуальную в современной мировой ситуации: духовное бытие человека есть всегда такая заданность самоорганизации, которая требует именно свободных усилий, но от самоорганизации человека и организации его социального бытия напрямую зависят самоорганизация и эволюция всего природного мира. Отсюда, с точки зрения выдающегося отечественного мыслителя, «отпадение от религиозной сущности мира есть помутнение и ущербление духа – ”тупик эволюции”» [1, с.135–136]. К сожалению, эти глубокие идеи об органическом схождении духовной эволюции человека и естественной эволюции природы, о единстве религии и науки П.Н. Савицкому развить не удалось.

Совсем другие, но не менее важные точки пересечения религии и науки обнаруживает Н.С. Трубецкой. В работе «Общеславянский элемент в русской культуре» он убедительно доказывает, что в основе русского литературного и научного языка лежит церковнославянский язык богослужений и церковных книг, восходящий к концу эпохи праславянского единства, причем «язык научный заключает в себе гораздо больше церковнославянских слов, чем язык беллетристики» [2, с. 183].

Выдающийся русский лингвист на конкретных примерах показывает, насколько удобным оказался церковнославянский язык для образования научных понятий, типа «млекопитающие», «пресмыкающиеся», «Млечный Путь». Н.С. Трубецкой отмечает огромную подвижническую работу, которую проделал в этом направлении М.В. Ломоносов. Благодаря Ломоносову русская наука обрела ключевые научные понятия, такие как «частица», «кислота», «рудник», «чернозем», «расстояние»,

«наблюдение», «окружность», «удельный вес», «взаимодействие». Н.С. Трубецкой отмечает важные объективные преимущества церковнославянского языка по сравнению с разговорным великорусским языком. «Вообще научному, философскому, публицистическому, «теоретическому» языку, – пишет Н.С. Трубецкой, – очень часто приходится стремиться к тому, чтобы обесплотить отдельные слова, потушить их слишком яркое конкретно житейское значение. Русский литературный язык уже обладает в этом отношении готовым словарным запасом церковнославянского происхождения, причем весь этот церковнославянский запас слов, корней и формальных элементов по самому месту, занимаемому им в русском языковом сознании, уже является обесплоченным, потушенным. И это – громадное преимущество» [2, с.204–205]. Н.С. Трубецкой, несмотря на всю свою научную гениальность, является, пожалуй, наиболее догматически религиозно мыслящим классиком евразийства. Для него не только религии Востока предстают результатом бесовского соблазна, но и протестантизм с католицизмом – весьма близкие к ним ереси и заблуждения. Никакой продуктивный религиозный диалог между ветвями христианства для него невозможен в принципе, а примирение этих ветвей, если и возможно, то только в конце времен, чудесным образом и по Божественном Промыслу [2, с. 355–356].

Гораздо более гибкую позицию в понимании сущности религии занимает Н.Н. Алексеев. В целом ряде своих работ он четко разделяет два течения в русском православии – нестяжательство и иосифлянство, безусловно отдавая свои симпатии нестяжательской православной традиции. Последней свойственна ориентация не на внешнее обрядоверие и религиозное принуждение, не на сращенность с государственной властью, а на внутреннее «духовное делание». Суть нестяжательского идеала религиозной жизни и нестяжательски ориентированного «праведного государства» очень точно и емко выражена Н.Н. Алексеевым в работе «На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности)»: «... У человека, в сущности говоря, есть только одно неоспоримое право – это право на внутреннее, духовное развитие. Отрицание этого права уничтожает у человека качества быть человеком и делает нормальное

развитие государства невозможным. Свойственное всем великим религиям, и особенно, браманизму, буддизму и христианству, учение о царствии Божием как о царстве внутреннем, духовном, которого человек может и должен достичь внутренним деланием, доставляет непререкаемую основу для учения о человеческих правах, которые обязано защищать праведное государство. Праведное государство призвано создать те условия, при которых человеку дана была бы возможность на полное духовное совершенствование, на достижение этого Божьего царствия» [5, с. 317].

Понятно, что если целью индивидуального развития является всестороннее духовное совершенствование, то человек должен укреплять в себе не только веру и трансцендентно-мистические способности, но и волю, воображение, эстетический вкус, нравственную интуицию, и, конечно, способности к систематическому мышлению. Евразийский человек, по Н.Н. Алексееву, должен быть синтетической личностью, как бы отражая свое срединное синтетическое геополитическое и культурное положение между цивилизациями Востока и Запада. Эта тема отчетливо звучит в известной работе Н.Н. Алексеева «Духовные предпосылки Евразийской культуры». В ней мыслитель дает свой вариант решения вопроса о соотношении религии с наукой и техникой. «Техника должна стоять на службе у высших целей, познание которых не достигается ни в лабораториях, ни в производственном процессе. Познаются они в духовном ведении, которое в то же время является и духовным деланием... Только преображенному духу может быть открыто, как может быть преобразована материя» [5, с. 152–153]. Нетрудно заметить, что Н.Н. Алексеев, во-первых, четко отличает личный религиозный духовный опыт от официального церковного вероучения и, тем более, от деятельности церкви, как социального института; и, во-вторых, следуя традиции, идущей от славянофилов, все же отдает примат религиозному ведению по сравнению с научными исканиями разума. Если с первым тезисом, на наш взгляд, необходимо согласиться, то второй может быть оспорен, ибо то, «как может быть преобразована материя», открывается также и философскому, и научному умозрению – не менее значимым формам трансцендентного познавательного опыта, чем религия. Подводя итоги, можно утверждать, что ряд идей евразийцев о

соотношении науки и религии сохраняют свою актуальность и должны рассматриваться как важная и ценная часть их философского и культурного наследия.

Библиографический список

1. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.
2. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. 560 с.
3. Евразийство (формулировка 1927 г.)//Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С.217–229.
4. Ломоносов М.В. Для пользы общества. М.: Сов. Россия, 1990. 384 с.
5. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 640 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №21-011-44073 «Диалог науки и религии: исторические традиции, современные тенденции, проблемы и перспективы»

УДК 327

Проблемы интеграции евразийского пространства и подходы России к их решению

Юрий Владимирович Попков¹,

Всеволод Григорьевич Костюк

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

¹yuripopkov54@mail.ru

Аннотация. В работе акцентируются взгляды основоположников евразийства как идейно-политического течения на понятие «Евразия» и на механизмы интеграции евразийского социокультурного пространства. Их идеи по этим вопросам рассматриваются как принципиально значимые для определения приоритетов современной государственной политики России. С учетом этого отстаивается необходимость в первую очередь ориентироваться на обустройство России и внутриевразийский

интеграционный приоритет во взаимодействии народов и государств. В существующей сложной и острой ситуации российской государственной власти принципиально важно сосредоточиться на адекватном понимании сущности России-Евразии, заложенной классиками евразийства и понимаемой как пространства от границ Польши до Великой китайской стены.

Ключевые слова: классическое евразийство, Евразия, социокультурное пространство, интеграция, государственная политика, Россия.

Problems of Integration of the Eurasian and Russia's approaches to their solution

Yuri V. Popkov¹, Vsevolod G. Kostyuk

Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

¹*yuripopkov54@mail.ru*

Summary. The authors draw attention to the views of the founders of Eurasianism as an ideological and political trend on the concept of «Eurasia» and on the mechanisms of integration of the Eurasian socio-cultural space. They consider their ideas on these issues as fundamentally important for determining the priorities of modern Russian state policy. The authors defend the need, first of all, to focus on the development of Russia and the intra-Eurasian integration priority in the interaction of peoples and states. In the current complex and acute situation, the Russian state power should focus on an adequate understanding of the essence of Russia-Eurasia, laid down by the classics of Eurasianism and understood as the space from the borders of Poland to the Great Wall of China.

Keywords: classical Eurasianism, Eurasia, socio-cultural space, integration, state policy, Russia.

Мы являемся свидетелями нового этапа теоретической и практической актуализации тематики евразийства как идейно-политического течения. Это касается не только России и стран постсоветского пространства, но и других регионов мира, что особенно наглядно проявляется в периоды коренных социаль-

ных трансформаций (смены общественно-экономических, политических систем, геополитических объединений и др.). Именно такой период своей истории переживает современная эпоха, которая, по мнению многих известных экспертов и политиков, больна глобальным цивилизационным кризисом [1].

Известно, что евразийство характеризуется, скорее, постановкой вопросов, а не демонстрацией общепризнанных ответов на них. Но сам данный факт важен в силу принципиальной значимости этих вопросов. Так было в России в начале 1900-х гг. (когда рушилась Российская империя и родился Советский Союз) и в конце 1980-х – начале 2000-х гг. (когда рушился Советский Союз, проходил «парад суверенитетов» его бывших республик, а затем предпринимались первые попытки реинтеграции тех или иных частей бывшего советского пространства). И в ту, и в нынешнюю эпоху евразийство рассматривалось частью культурной и политической элиты России как идейно-политическое мировоззрение, более адекватное мироощущению граждан России, чем, например, имперское или советское. Фундаментальные вопросы, поставленные евразийцами, – «Что есть Россия?», «Россия – европейская, азиатская или евразийская (евро-азиатская) страна?», «Что есть Евразия: и Европа, и Азия или ни Европа, ни Азия...», «Куда идет Россия?», «Кто и куда именно ведет Россию?», – по-прежнему остаются остродискуссионными в научных и политических кругах. Ответы на них определяют разные траектории внутренней политики и геополитики России, а, следовательно, и ее перспективы. От этого зависит ход процессов социальной интеграции и дезинтеграции в отдельных обществах и сообществах евразийского мира.

Основополагающим стержнем для адекватных ответов на эти вопросы является содержание понятия «Евразия». Классики евразийства (П.Н. Савицкий, С.Н. Трубецкой, Н.Н. Алексеев, Л.П. Карсавин и др.) исходили из понимания «России-Евразии как особого исторического и географического мира, простирающегося от границ Польши до Великой китайской стены» [2, с. 124], приблизительно совпадающего с границами СССР.

Делая «смычку географии с историософией», Н.Я. Данилевский, а вслед за ним и П.Н. Савицкий говорят о культурно-

историческом типе или самобытной цивилизации. Выделяя цивилизации – египетскую, китайскую, романо-германскую (европейскую), индийскую, еврейскую и др., – последний включают в этот ряд цивилизацию евразийскую [3, с. 209–291].

В работе «Евразийство (опыт систематического изложения)», которая, по сути, является коллективным манифестом этого идейно-политического движения, содержатся многие идеи, актуальные в нынешнее время: народность в политике, ответственность государства за состояние хозяйства, культуры, особая роль образования в воспитании личности, гармонизация межэтнических отношений, воспитание общеевразийского национализма (патриотизма) и т. д. [4, с. 13–78].

Подчеркнем, что «месторазвитие» России-Евразии, евразийской цивилизации, как целостного социокультурного типа, определено классиками евразийства вполне конкретно и обосновано историко-культурно. Поэтому всякие трактовки евразийского пространства как Большой Евразии, включающей всю Европу – географическую часть Евразийского материка, – настойчиво навязываемые науке и политике современными неоевразийцами (в первую очередь, А.Г. Дугиным), ничего общего не имеют с истинным евразийством и являются современной формой «западничества», против которого всегда выступали евразийцы.

Понимание целостности Евразии (в обозначенном смысле) как цивилизации, исторического социокультурного типа, органически включает внутривевразийский интеграционный приоритет во взаимодействии народов: «... Над Евразией веет дух своеобразного “братства народов”, имеющий свои корни в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различных рас. Традиции “братства народов”, как отмечали евразийцы, бывали по временам замутнены нарочитым “западничеством”. Это “не приводило Россию ни к чему, кроме бедствий ... Нужно надеяться, что к настоящему времени эта концепция преодолена до конца в русском сознании”» [5, с. 302]. К сожалению, она до сих пор не преодолена, о чем речь впереди.

Отметим еще одну проблему интеграции евразийского пространства – игнорирование современным правящим классом России принципа единства культуры (государственности, соци-

ального строя, экономической системы, духовной культуры), доминирование в политике этого класса сферы материального производства и подмена примата культуры приматом государства. «Ошибочно всякое обоготворение государства и всякое признание его последней целью культурного развития и бытия. Подмена же примата культуры приматом государства и вера в единоспасающее значение второго как раз и ведут к непомерному расширению политической сферы, а в связи с ним к вредному формализму», – отмечал евразиец Л.П. Карсавин [6, с. 127–128].

Проблемы диалектической взаимосвязи дезинтеграционных и интеграционных трендов развития постсоветского социокультурного пространства, субъективных и объективных предпосылок сохранения дезинтеграционных трендов на современном этапе евразийской интеграции детально рассмотрены М.Л. Лагутиной. Ей выделены два уровня проявления дезинтеграции: региональный и глобальный. Сделан вывод, что по-прежнему процессы интеграции направляются больше «сверху», а не формируются объективно «снизу» – гражданским и бизнес-сообществом. «Большую часть проблем интеграции решить можно и необходимо (например, отсутствие у участников четко сформулированных целей интеграции, отсутствие концептуальных моделей эффективной интеграции...). В тоже время, на данном этапе серьезным объективным дезинтеграционным фактором развития постсоветского евразийского пространства является внешний фактор, который напрямую обусловлен общей геополитической ситуацией в мире» [7, с. 24].

Речь в первую очередь идет о кризисе отношений Российской Федерации со странами Запада и их союзниками. Как известно, в последние годы этот кризис обострился вплоть до специальной военной операции России на Украине.

Какова же в этих условиях в целом траектория подходов постсоветской России к Евразийскому пространству – к оценке тенденций его развития, своего места в этом развитии, приоритетов и форм участия? На основе проведенного анализа документов государственного стратегического планирования (Концепций, Стратегий, Планов внутренней и внешней политики) и

деятельности государственных структур и общественных организаций (типа Ассамблей народов) можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в деятельности государственных органов не просматривается учет евразийской сущности России в приоритетных направлениях политики, как и понимание евразийства в качестве целостной цивилизационной концепции. В ельцинский период все усилия внешней политики были направлены на «вхождение в Европу», а во внутренней национальной политике лишь в Концепции, утвержденной Указом Б. Ельцина № 909 от 15 июня 1996 г., отмечалось: «...В духовной сфере – сохранение исторического наследия и развития национальной самобытности взаимодействия ... народов России в рамках евразийского национально-культурного пространства» [8].

В последующих документах, касающихся государственной национальной политики, идеи, так или иначе связанные с евразийством, или ограничиваются вопросами миграционной политики [9], или они даже вообще не упоминаются [10]. Видимо, вопросы интеграции евразийского социокультурного пространства в том понимании, как они ставились представителями классического евразийства, не входят в число приоритетных государственных проблем.

Во внешней политике, начиная с 2000-х гг., откровенный «атлантизм» А. Козырева сменился идеей «формирования общего экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана на основе сопряжения процессов европейской и евразийской интеграции», определенная Президентом РФ как «проект Большая Евразия» [11]. Эта идея юридически действует и сейчас, несмотря на обещание С. Лаврова в 2022 г. утвердить новую концепцию.

Но идея Большой Евразии в обозначенном смысле продолжает «работать» до настоящего времени, несмотря на резкое обострение отношений России с Западом. 26 мая 2022 г. В.В. Путин заявил на пленарном заседании Евразийского экономического форума (г. Бишкек, Киргизия): «Большая Евразия – это без преувеличения *большой цивилизационный проект* (выделено нами – авт.), и его главная идея заключается в создании общего про-

странства равноправного сотрудничества для региональных организаций. Большое евразийское партнерство призвано изменить политическую и экономическую архитектуру, стать гарантом стабильности и процветания *на всем континенте* (выделено нами – авт.) и, конечно, при учете многообразия моделей развития, культур и традиций всех народов» [12].

Во всех государственных документах постоянно декларируемая формула «Россия – великая держава» распространяется правящим классом России не иначе как на весь континент Европа – Азия. Можно было бы признать такую ориентацию правильной при условии нормальных отношений со странами Запада и с точки зрения далекой перспективы. Но в текущей ситуации, на наш взгляд, следовало бы выстроить другие приоритеты: первостепенное обустройство самой России, а также Евразии в классическом ее понимании – как пространства бывшего СССР.

Мы, в принципе, не отрицаем правомерность использования понятия Большой Евразии, но, в то же время, считаем целесообразным вложить в него другой смысл, а именно: «Большая Евразия – это евроазиатский континент без Европы, который, объединяясь в первую очередь внутри себя, вовсе не отталкивает Европу и коллективный Запад, а готов и обязательно будет сотрудничать с ними, но только на иных, не западных и пока только формирующихся, международных принципах и ценностных устоях» [13, с. 25]. Причина такой позиции является для многих очевидной: «Запад не смог интегрировать мир на провозглашенных им еще в эпоху Просвещения принципах свободы, справедливости и гуманности, сведя все в конечном итоге к культу либерально-рыночных и индивидуалистических ценностей» (там же). Миссию справедливого и равноправного объединения человечества в настоящее время могут взять на себя страны Большой Евразии в предложенном варианте ее понимания (о цивилизационных задачах России в Большой Евразии и целях ее интеграции [см. подробнее 13, с. 25–36]).

Во-вторых, более реалистическую позицию в подходе к евразийской интеграции занимают такие неправительственные организации как Ассамблея народов Евразии и более конкретные структуры – Ассамблея народов России, Ассамблея народов Ка-

захстана и т. д., являющиеся, по верному замечанию В.В. Путина, «площадками диалога между народами, а также между общественностью и органами власти» [14]. Мы далеки от идеализации деятельности этих структур, но нельзя не признать важности проводимых ими мероприятий по интеграции в сфере науки, культуры, молодежной политики. Можно отметить также создание «Научного центра евразийской интеграции» (председатель С. Глазьев), «Евразийского мониторинга» (социологические опросы общественного мнения о проблемах Евразии), журнала «Вестник Евразийской науки» (до сих пор пока, к сожалению, без анализа результатов гуманитарных наук) и др.

С нашей точки зрения, в существующей достаточно сложной и острой ситуации российской государственной власти принципиально важно сосредоточиться на адекватном понимании сущности России-Евразии, заложенной классиками евразийства, и ее роли в геополитике. В этой связи весьма актуальной является реализация предвыборных обещаний В.В. Путина 2012 г., изложенных в статье: «Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить» [15]. Они, как известно, были объявлены СМИ Манифестом евразийской интеграции. Одновременно представителям российской гуманитарной науки следует занимать более адекватную позицию в разработке теоретических и политических проблем евразийского подхода к внутренней и внешней политике России на основе научных дискуссий и экспертизы программ и деятельности государственных органов.

Библиографический список

1. Иванов А.В., Попков Ю.В. Типология цивилизаций в диахроническом измерении: базовые модели и перспективы России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 2. С. 404–415.
2. Савицкий П.Н. Евразийская концепция русской истории // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 123–126.
3. Савицкий П.Н. Географический обзор России-Евразии // Савицкий П.Н. Континент Евразия. С. 209–291.
4. Савицкий П.Н. Евразийство (опыт систематического изложения) // Савицкий П.Н. Континент Евразия. С. 13–78.

5. Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства // Континент Евразия. С. 295–303.

6. Карсавин Л.П. Основы политики // Мир России – Евразия: Антология. М.: Высш. шк., 1995. С. 110–154.

7. Лагутина М.Л. Роль дезинтеграционного фактора в современной Евразии // Научно-технические ведомости СПбГУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 1 (239). С. 16–27.

8. Указ Президента Российской Федерации от 15.06.1996 г. № 909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9571>.

9. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512>.

10. Указ Президента Российской Федерации от 06.12.2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43843>.

11. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451>.

12. Большая Евразия станет центром, который многих заинтересует, заявил Путин // РИА Новости. 26.05.2022. URL: <https://ria.ru/20220526/evraziya-1790846611.html>.

13. Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития / Под ред. А.В. Иванова. Барнаул: Новый формат, 2022. 368 с.

14. Емельяненко В.В. В Москве прошла Ассамблея народов Евразии // Российская газета. 11.07.2021. URL: <https://rg.ru/2021/07/11/reg-cfo/v-moskve-proshla-assambleia-narodov-evrazii.html>.

15. Путин В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. 2012. 16 янв.

УДК 930.85

К вопросу о политических идеях А.С. Пушкина

Марина Алексеевна Широкова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

mshirokova1@rambler.ru

Аннотация. В работе выделен один из ключевых эпизодов российской политической жизни, повлиявших на формирование политических взглядов А.С. Пушкина и нашедших отражение в его творчестве – события польского восстания 1830-1831 гг. Приводятся как позитивные, так и негативные оценки со стороны современников и друзей поэта относительно государственно-патриотической позиции, высказанной Пушкиным в стихотворении «Клеветникам России», а также в личной переписке и заметках.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, русская культура, русское искусство, национальное самосознание, патриотизм, история политической мысли.

To the Question of the Political Ideas of A.S. Pushkin

Marina A. Shirokova

Altai State University, Barnaul, Russia

mshirokova1@rambler.ru

Summary. The paper highlights one of the key episodes of Russian political life that influenced the formation of political views of A.S. Pushkin and reflected in his work – the events of the Polish insurrection of 1830-1831. Both positive and negative assessments are given by the poet's contemporaries and friends regarding the state-patriotic position expressed by Pushkin in the poem "Slanderers of Russia", as well as in personal correspondence and notes.

Keywords: A.S. Pushkin, Russian culture, Russian art, national identity, patriotism, history of political thought.

Политические взгляды А.С. Пушкина, с одной стороны, перенесли заметную эволюцию, с другой же стороны, великий поэт до конца жизни оставался верен тем идеалам, которые сформировались в его сознании в ранней юности, еще в период Оте-

чественной войны 1812 года. Не претендуя на полноту обзора всего политико-мировоззренческого комплекса идей Пушкина, включавшего, без сомнения, и евразийские ценности, остановимся на одном из ярких эпизодов российской политической жизни, нашедшем отражение в творчестве поэта. События польского восстания 1830-1831 гг. подтолкнули Пушкина к написанию оды «Клеветникам России». Споры о политической роли этого стихотворения, о политических и личных мотивах автора при его создании не прекращаются со времени выхода стихов до наших дней. В интернет-пространстве возникли и продолжают формироваться множество научных, художественных, публицистических площадок, где происходит активное обсуждение «Клеветникам России». В исследовательской литературе последних лет также наблюдается устойчивый интерес к идеям, выраженным Пушкиным в упомянутом стихотворении, к литературной репутации поэта конца 1820-х – начала 1830-х гг. и к причинам, побудившим его опубликовать эти стихи, невзирая на возможные репутационные издержки.

Актуальность оды, как и еще нескольких стихотворений, написанных поэтом в конце 1820-х – начале 1830-х годов, обусловлена никогда не теряющей своей остроты и весьма интенсивно обсуждаемой в современной России проблемой патриотизма как ценности национального самосознания, а также понимания данной ценности представителями различных общественных групп и идейно-политических течений.

В пушкинскую эпоху происходило бурное формирование исторического сознания русского образованного общества. Прежде всего – благодаря знаменитой «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина, под впечатлением которой находился и сам поэт. В начале оды Пушкин, как известно, обращается к истории того, что принято было называть в России XIX в. «польским вопросом». Он пишет: «Не раз клонилась под грозю То их, то наша сторона» [1, с. 222], пробуждая, тем самым, в исторической памяти российских читателей ключевые события «старого спора» с поляками. Прежде всего, современникам поэта должен был вспомниться сюжет об оккупации Москвы польскими войсками во времена Смуты (1610–1612 гг.). В конце последнего тома «Истории...» Карамзина, вышедшего в 1829 г.,

незадолго до начала польского восстания, весьма эмоционально описывались бесчинства завоевателей в древнем «сердце России» (как называл Москву Пушкин).

Важно понимать, что предыстория «польского вопроса» в сознании поколения Пушкина включала и гораздо более свежие воспоминания времен Отечественной войны 1812 года. Роль поляков в войне России с Наполеоном во многом была обусловлена состоявшимися во времена Екатерины II тремя разделами Польши между Австрией, Пруссией и Россией – в 1772, 1773 и в 1795 гг., в ходе которых некогда мощное государство, называвшееся Речью Посполитой, окончательно утратило свою независимость. Примечательно, что Пушкин, еще в 1822 году, в период увлечения либеральными идеями, жестко критикуя политику Екатерины II по отношению к дворянству в заметке «О русской истории XVIII века», написал: «Униженная Швеция и уничтоженная Польша – вот великие права Екатерины на благодарность русского народа» [2, с. 128] .

После заключения Тильзитского мира в 1807 г. Наполеон образовал новое польское государство, Герцогство Варшавское, находившееся под протекторатом Франции и включавшее в себя польские земли, ранее принадлежавшие Пруссии и Австрии. Когда же император Франции начал войну против России, польский сейм объявил о восстановлении Королевства Польского, к которому предполагалось присоединить не только российскую часть Польши, но и значительные территории Малороссии (Украины) и Белоруссии, с преимущественно православным населением. В надежде на то, что Наполеон осуществит эти планы, Польша стала его союзницей. Десятки тысяч польских солдат и офицеров, ранее являвшихся подданными России, влились в Великую армию и вместе с французами принимали участие в новом пожаре и разорении Москвы. Именно эти события были живы в памяти Пушкина и его современников.

После победы над Наполеоном большая часть Герцогства Варшавского оказалась присоединенной к Российской империи под названием Царства Польского. Однако, благодаря полонифильским наклонностям Александра I, данное территориальное образование обрело значительные права и привилегии, недоступные населению великорусских губерний. В 1815 году Царст-

ву Польскому была дарована конституция, право выбирать законодательный орган – сейм – и свое правительство, а также иметь собственную армию. Заметим, значительная часть личного состава этой армии участвовала в войне 1812 года на стороне французов. Неудивительно, что подобные симпатии царя к побежденной Польше вызывали недоумение и ропот российской общественности.

Когда же, несмотря на имеющуюся достаточно широкую автономию, в Польше началось очередное восстание 17 ноября 1830 года, патриотически настроенная часть русского дворянства, в том числе бывшие представители движения декабристов, восприняли его как захватническую и несправедливую войну против России. Близкий приятель Пушкина, декабрист А.А. Бестужев, разжалованный в солдаты и находившийся в то время в Дербенте, 5 января 1831 г писал матери: «... Я был чрезвычайно огорчен и раздосадован известием об измене Варшавской. Как жаль, что мне не придется променять пуля с панами добродзеями... Одно только замечу, что поляки никогда не будут искренними друзьями русских... Как волка ни корми...» [3].

Восставшие провозгласили целью не только независимость территории Царства Польского, но и восстановление «Великой Польши» в границах 1772 года, что означало отторжение от Российской империи Украины и Белоруссии. Многие участники войны 1812 г. с возмущением отзывались об этих польских планах, считая их лишенными какой-либо исторической и правовой почвы. Так, друг Пушкина П.Я. Чаадаев откликнулся на известия о намерениях поляков заметкой «Несколько слов о польском вопросе», в которой утверждал: «Расчленив Россию, отторгая от нее силой оружия западные губернии, оставшиеся русскими по своему национальному чувству, было бы безумием. Сохранение же их составляет для России жизненный вопрос» [4, с. 514–515]. Эти слова абсолютно перекликаются с пушкинскими строками из «Клеветникам России»: «Славянские ль ручьи сольются в русском море? Оно ль иссякнет? Вот вопрос» [1, с. 222]. В данной связи понятной становится и высокая оценка Чаадаевым стихотворения в целом. Чаадаев высказал ее Пушкину в личном письме из Москвы 18 сентября 1831 г: «Вот вы, наконец, и национальный поэт; вы, наконец, угадали свое

призвание... Особенно изумительны стихи к врагам России... В них мыслей больше, чем было сказано и создано у нас в целый век» [Цит. по: 5, с. 198]. Примечательно, что к этому времени из-под пера Чаадаева уже вышли, хотя и оставались пока неопубликованными, известные «Философические письма», в которых автор выразил крайне пессимистический взгляд на роль России в мире, на ее прошлое и будущее.

Пушкин очень живо интересовался ходом дел в Польше. Вернувшись в Москву после знаменитой болдинской осени, он писал Э.М. Хитрово: «Известие о Польском восстании меня совершенно перевернуло. Наши исконные враги, очевидно, будут в конец истреблены и, таким образом, ничто из того, что сделал Александр, не сохранится, потому что... не основано на действительных нуждах России, а лишь на соображениях личного тщеславия, театрального эффekte и т. д.» [6, с. 68–69]. Эти строки подтверждают, что Пушкин расценивал польское восстание как внутреннее дело России, как посягательство на ее территориальную целостность. С другой стороны, великий поэт «всегда держал руку на пульсе политической жизни Европы» [7, с. 252]. «Клеветниками России» он называл не бунтующих поляков, а французских парламентариев, для которых в этот период обычной стала антирусская риторика. Депутаты парламента Франции характеризовали восстание в Царстве Польском как событие международное, а самих повстанцев – как представителей общеевропейского движения за права и свободы. Больше всего усилий прикладывала либеральная оппозиция, подчеркивавшая особую «роль Польши в европейской истории как оплота против России» [8, с. 100]. Пушкин понимал, что французскими депутатами движет не сочувствие Польше и не отстаивание европейских либеральных ценностей, а давно вызревающая враждебность к России: «Оставьте нас: вы не читали Сию кровавые скрижали... И ненавидите вы нас» [1, с. 222].

Стихотворение заметно повлияло на литературную репутацию Пушкина, поскольку далеко не все, в том числе из ближайших друзей поэта, разделяли его взгляды. Публикация стихов спровоцировала обвинения в «казенном патриотизме», в заигрывании с властью и даже в стремлении к личной выгоде. Особенно жесткую позицию по данному вопросу занимал П.А. Вя-

земский, мнение которого известно нам по его переписке и записям в дневнике. Вяземский хорошо знал ситуацию в Польше, поскольку служил в Варшаве в 1818–1821 гг. Восстание поляков он не поддерживал, но был убежден, что Польша не стала и не сможет стать подлинной частью России, и что для самой России лучше было бы от нее избавиться: «Есть одно средство: бросить Царство Польское, как даем мы отпускную негодяю, которого ни держать у себя не можем, ни поставить в рекруты... Какая выгода России быть внутренней стражей Польши? Гораздо лучше при случае иметь ее явным врагом» [9]. Вяземский упрекал Пушкина, а также Жуковского, чье стихотворение «Старая песня на новый лад», тоже проникнутое государственно-патриотическим пафосом, было опубликовано вместе с пушкинскими стихами. Произведения обоих поэтов Вяземский назвал «шинельными», хотя к Жуковскому относился более снисходительно: «Я уверен, что в стихах Жуковского нет царедворческого побуждения, – тут просто русское невежество» [9].

Однако показательна эволюция взглядов самого Вяземского. Четверть века спустя после упомянутых здесь польских событий, в период Крымской кампании, находясь в Европе, он издал брошюру «Письма русского ветерана 1812 г.» и сборник стихов под названием «К ружью». Обе публикации были вызваны поразившей его пропагандой против России, настоящей «информационной войной», развернутой в европейской прессе. Таким образом, Вяземский сам совершил переход к тому мировоззрению, которое он назвал, характеризуя политические взгляды зрелого Пушкина, «свободным консерватизмом».

Библиографический список

1. Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 558 с.
2. Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Т. VIII. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 596 с.
3. Тыркова-Вильямс А.В. Жизнь Пушкина. Т. 2. 1824–1837. М.: Молодая гвардия, 2004. URL: <https://www.libfox.ru/139693-ariadna-tyrkova-vilyams-zhizn-pushkina-tom-2-1824-1837.html>

4. Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. М.: Наука, 1991. Т. 1. 798 с.
5. Муравьева О.С. «Вражды бессмысленной позор...» (Ода «Клеветникам России» в оценках современников) // Новый мир. 1994. № 6. С. 198–204.
6. Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827–1832. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1927.
7. Зобин Г.С. «...Спор славян между собою». Польские события 1831 г. глазами участников войны с Наполеоном // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XXI Международной научной конференции. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный бородинский военно-исторический музей-заповедник» (Бородино) 2018. С. 248–255.
8. Белоусов М.С., Белоусов А.С. Ода А.С. Пушкина «Клеветникам России» в контексте французской прессы // Русская литература. 2021. №4. С. 89–103.
9. Вяземский П.А. Старая записная книжка. // Собрание сочинений П.А. Вяземского в 12-ти т. Т. IX. СПб.: Изд. графа С.Д. Шереметева, 1884. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0070.shtml?ysclid=15q0iqj0i863766107

УДК 130.2

О роли русского мира на евразийском пространстве

Владимир Юрьевич Инговатов

Алтайский государственный технический университет

им. И.И. Ползунова, Барнаул, Россия

Ingvlad@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема метафизического единства русского мира и евразийского пространства. Показывается необходимость переоценки трансформаций, происходящих в современном российском обществе. Обосновывается важность ренессанса духовных ценностей и установок русого мира.

Ключевые слова: евразийство, русский мир, ценности, история.

On the role of the Russian world in the Eurasian space

Vladimir Yu. Ingovatov

Altai State Technical University I.I. Polzunova, Barnaul, Russia

Ingvlad@mail.ru

Summary: The problem of the metaphysical unity of the Russian world and the Eurasian space is considered. The necessity of reassessment of the transformations taking place in modern Russian society is shown. The importance of the renaissance of spiritual values and attitudes of the Russian world is substantiated.

Keywords: Eurasianism, Russian world, values, history.

Осмысление исторического опыта и понимание его существенных глубинных оснований – постоянная задача общества. Для адекватной социально-философской рефлексии требуется не только пристальный интерес, но и отстраненность взгляда, что обеспечивается вполне определенным «сроком давности»: «большое», как известно, видится на расстоянии.

Либеральная революция 90-х годов прошлого века оказалась одним из драматических эпизодов в истории российской цивилизации. Она имплицитно содержала в себе неразрешимое противоречие: по своим глубинным внутренним основаниям революция была антинациональной и, вместе с тем, выступала как вполне русская революция по целям, формам и методам. В ней с самого начала обнаружилось известное российское противопоставление народно-сакральной аксиологической шкалы бытия – ценностям внешним, либеральным, но настойчиво декларирующим «цивилизованный» вектор в понимании смысла и назначения России во всемирной истории. Оказалось, что интересы русского и всех других народов страны, взятых в своей массе, стоят в стороне по отношению к интересам малой, но, однозначно, прозападно настроенной элиты. Сама эта «новая» элита также есть продукт русского мира, но опирающаяся не на аскетико-православный и традиционалистский тип ценностей, а исповедующая древнюю хилиастическую утопию. Её соблазны всегда очаровывали наших восторженных неофитов-окциденталистов. На наш взгляд, это есть застарелый цивилизационный конфликт и он по-прежнему раскалывает нашу идентичность на перифе-

рийную и элитарную составляющие. Народ (периферийное начало) и властно-идейный центр (элита) оказываются в разных онтологических измерениях исторического времени. Но, особенно с учетом сегодняшних реалий, этот цивилизационный разлом обнажает и более глобальный конфликт Запада и Евразии, также обострившийся сегодня.

В этой связи вполне оправданным выглядит предложение А.С. Панарина о том, что следует различать философемы «старых» и «новых» западников. Если первые едва ли не религиозно переживали достижения западной культуры, видя в ней идеальный образец для подражания и стараясь работать для её устроения во всей России, то последние готовы лишь цинично использовать эти достижения в собственных узкокорыстных целях [1, с. 222]. В условиях сегодняшнего революционного слома, совершенно очевидно, что их установка на «спасение тела», на узаконивание собственного материального эгоизма есть «бесплодная смоковница» в русской судьбе.

Серьезный вызов в разрешении проблемы самобытности существования русского мира поджидает нас в образе так называемого «евразийского соблазна» (Г.В. Флоровский) [2]. Известно, что сам евразийский проект начинался с осмысления истории евразийского континента как столкновения двух геополитических целостностей: европейской и неевропейской. Россия, с этой точки зрения, ошибочно причислила себя к первой – европейской – системе ценностей [3, с. 32–33]. В результате она стала жертвой исторического катаклизма, вызванного столкновением внутри западного мира и вылившегося в Первую мировую и Гражданские войны. В известной формулировке П.Н. Савицкого – «Европа – злейший враг человечества» – отражается весь пафос раннего евразийства, живущего ожиданием геополитического реванша за гибель Российской империи [3]. Можно сказать, что в евразийстве оживают хилиастические предсказания таких мыслителей как К.Н. Леонтьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов, идейно несхожих, но согласно утверждавших о необходимости особого пути России во всемирной истории. Они, действительно, по-разному смотрели, например, на перспективу славянского единства или на роль туранского элемента в истории страны. Но у них было и нечто общее, что было пере-

нято и их духовными наследниками в евразийском движении – установка на идейную борьбу с Западом. Эта установка выступает в качестве весьма важного условия для становления русского мира и общеевразийской интеграции, на исторической неизбежности которой они настаивают самым решительным образом. В сущности, в евразийстве обнаруживает себя метафизическая тоска по империи и государственному могуществу России. Многие евразийцы именно поэтому с удовольствием обращаются к наследию инока Филофея, своеобразно толкуя идею Москвы как «Третьего Рима».

В этом смысле евразийское движение изначально несло в себе внутреннюю двойственность: отрицание прошлого и чужого в русской истории. Внутренним содержательным импульсом их, пусть в чем-то и разнонаправленных, исканий выступала установка на отторжение двух геоисторических и даже геофилософских концептов, а именно: императорской России и западной цивилизации. Империя была в прошлом, вернуть которое не представлялось возможным, Запад был в настоящем, но являлся чуждой и даже враждебной духовной общностью.

Развивая философию евразийского проекта, В.В. Кожин будет утверждать о том, что русские смогли определить судьбу огромного континента, не навязывая ему собственной национальной идеи в традиционном для Запада этническом смысле [4, с. 21]. В частности, и потому, что отсутствие русской национальной идеи не отменяет наличие её национального характера. В этом контексте совершенно уместно говорить о специфике русского характера, которому свойственны, среди прочего, такие качества как терпимость и уважительное отношение к историческим формам жизни евразийских народов. Именно эти духовные качества русского народа выступили одними из фундаментальных оснований в определении временных и пространственных границ русского мира. С нашей позиции, сегодня особенно важно осознание того простого исторического факта, что не столько территориальное, сколько духовное единство является базовым смыслом евразийского бытия. Следовательно, и «суперэтническая целостность» (термин Л.Н. Гумилёва), сформированная за несколько столетий совместного бытия русского и

других народов Евразии, есть прямое отражение общей исторической судьбы целого континента.

Библиографический список

1. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 544 с.
2. Флоровский Г.В. Евразийский соблазн. URL: <https://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=323>
3. Иванов А.В., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Шишин М.Ю. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007. 243 с.
4. Савицкий П.Н. Европа и Евразия. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-PNS-eur.php>
5. Кожин В.В. Победы и беды России. М.: Эксмо, 2002. 512 с.

УДК 1:316.4

Противоречия идеологии евразийства в интеграционных процессах на постсоветском пространстве

Анна Анатольевна Изгарская

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия
aizgarskaya@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена противоречиям использования философии евразийства в качестве идеологического основания процессов интеграции на постсоветском пространстве. В постсоветскую эпоху евразийство было востребовано политическими элитами, однако его идеи подвергались трансформации, искажившей его аутентичное содержание. В зависимости от политической конъюнктуры, постсоветский евразийский дискурс утрачивает или свою, присущую еще традиции славянофилов, антисистемную направленность, состоящую в отказе от интеграции с европоцентричной мировой системой, или идею мирной интеграции евразийского пространства вокруг России.

Ключевые слова: евразийство, миросистема, антисистемная идеология, интеграция, постсоветское пространство.

Contradictions of the Eurasian ideology in the integration processes in the post-Soviet space

Anna A. Izgarskaya

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
aizgarskaya@gmail.com

Summary. The article is devoted to the contradictions of using the philosophy of Eurasianism as an ideological basis for the integration processes in the post-Soviet space. Eurasianism was in demand by political elites in the post-Soviet era, but the content of its ideas underwent a significant transformation that distorted its authentic content. The political conjuncture leads post-Soviet Eurasian discourse either to the rejection of the antisystem orientation (refusal to integrate with the Eurocentric world-system), which was still inherent in the tradition of the Slavophiles, or to the loss of the idea of peaceful integration of the Eurasian space around Russia.

Keywords: eurasianism, world system, antisystem ideology, integration, post-Soviet space.

В 1920-е годы евразийство возникло как направление русской историософской мысли. Оно представляло собой, с одной стороны, обоснование культуроцентричного геополитического подхода к русской истории, а с другой стороны, программу преобразований российской действительности. Сформировавшееся на основании философских идей славянофилов и концепции культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, евразийство смещало центр рефлексии с истории славянства на процесс интеграции многочисленных народов, населявших просторы ушедшей в небытие Российской империи. Концепция Евразии, как отличного от Европы и Азии образования, содержала в себе необходимые идеологические основания для конструирования образа единой постреволюционной общности многокультурных народов, но в советскую эпоху она не была востребована. Именно наличие идеи интеграции многокультурных народов сделало евразийскую философию востребованной после распада Советского Союза, когда возникла потребность в идеологических основаниях для конструирования образа новой общности, но ме-

нее интегрированной и не имеющей политического единства. В отличие от советской идеологии евразийство не становится основанием идентичности для широких масс, оно берется на вооружение политическими и интеллектуальными элитами бывших советских республик. Однако использование евразийской философии в новых условиях вело к противоречию. Дело в том, что, как и учение марксизма-ленинизма, господствовавшее в советском блоке государств, евразийство изначально являлось антисистемной идеологией.

Антисистемные идеологии, понимаемые как идеологии противостояния мировой системе, появляются на этапе накопления противоречий расширяющейся миросистемы. Расширение миросистемы сопровождается распространением идеологии либерализма. Данная идеология с момента своего возникновения всегда была связана с идеей нации, но взятая на вооружение европейским капитализмом, в процессе территориального расширения миросистемы она превращается в глобальный либерализм и становится идеологическим основанием распространения «принципов свободного движения факторов производства (товаров, капиталов и труда) по всему миру-экономике» [1, с. 44]. Ценности либеральных демократий декларируются в качестве универсальных общечеловеческих ценностей.

Антисистемные идеологии возникают и получают поддержку государств, которые, по словам К. Поланьи, оказываются в ситуации побега из институционального тупика, созданного либеральным капитализмом [2, р. 245]. Это, как правило, государства «второго эшелона», достаточно сильные, чтобы бросить вызов лидеру мировой системы и предложить новый мировой порядок. Такой вызов был брошен Великобритании в 1776 г. США, в 1789 г. революционной и далее наполеоновской Францией. Слом сословного общества и рождение нации – было сутью и результатом этих процессов. В разгар Первой мировой войны революционная Россия, а в 1949 году и Китай провозглашают идею переустройства общества на новых основаниях. Германия, потерпевшая поражение в Первой мировой войне, начинает вместе с Италией и Японией борьбу за новый мировой порядок в конце 1930-х гг. Обращает на себя внимание тот факт, что совер-

шающие побег из «институционального тупика» государства предлагают новую идеологию и альтернативный проект развития.

Как антисистемная идеология, евразийство отрицало и либеральную модель развития Запада, и, на первых порах, проект большевистской России. По мнению евразийцев, Россия противостоит Европе. Европейский мир осознает Россию как вызванный «не революционной энергией русского коммунизма, а историческим предопределением всего русского народа» источник опасности, и поэтому «пытается окружить Россию заставами» [3]. В постсоветскую эпоху евразийство предоставляло политическим элитам возможность обосновать и поддерживать остатки разорванных ими связей, но оно не соответствовало общей стратегии развития их стран. Государства постсоветского пространства активно встраивали свои экономики в мировую систему разделения труда. Политические элиты бывших советских обществ боролись за благоприятные экономические ниши для себя и выживания подконтрольных им обществ, но не с Европой и США, а в большей мере друг с другом. С позиции аутентичного евразийского подхода затруднительно объяснить и стремление постсоветских государств встроиться в мировую систему, и их взаимную конкуренцию.

После 2014 г. и на фоне текущих событий в Украине, названных Президентом Российской Федерации трагедией [4], философия евразийства, как может показаться, обретает новый импульс. Теперь возобладали антисистемные тенденции, российское государство снова готово противостоять всему миру. Идеи первой половины XX в., созданные в условиях эмиграции представителями российской философии, как никогда востребованы политической элитой России. Однако нельзя не обратить внимание на то, что и сегодня идеи евразийской философии подвергаются трансформации. Дело в том, что евразийская геополитика – геополитика цивилизационная, невоенная. Интеграция обществ внутри евразийского пространства виделась основоположникам как мирный процесс «братания» народов разных культур на основе многовековой исторической общности. В этом плане важнейшим условием роста влияния идеологии евразийства могло бы стать укрепление экономического могу-

щества России, но в современной российской политике возобладал иной подход. Поэтому в сложившихся условиях евразийство не может быть консолидирующей идеологией, не утратив в очередной раз своего содержания.

Библиографический список

1. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. М.: Университетская книга, 2001. 200 с.
2. Polanyi K. The great transformation: the political and economic origins of our time. Boston: Beacon Press, 2001. 317 p.
3. Сувчинский П.П. Сила слабых // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isход.php>.
4. Путин назвал трагедией происходящее на Украине // Российская газета. 12. 04. 2022. URL: <https://rg.ru/2022/04/12/putin-nazval-tragediej-proishodiashchee-na-ukraine.html>.

УДК 008

Традиционные ценности и евразийская культура

Марина Юрьевна Спирина

Университет при МПА ЕврАзЭС, Санкт-Петербург, Россия

mus931@inbox.ru

Аннотация. В последние годы в научных публикациях всё чаще встречаются упоминания и обращения к традиционным ценностям. Рядом исследователей обсуждается проблема образования и развития евразийской культуры. В статье обращается внимание на соотношение традиционных ценностей и евразийской культуры. Подчёркнута настоятельная потребность уточнения терминов и их содержания. Названы возможные направления включения основ традиционной культуры в жизнь современных государства, общества и человека.

Ключевые слова: евразийская интеграция, перспективы эволюции, гуманитарное измерение, традиции, евразийская культура.

Traditional values and Eurasian culture

Marina Yu. Spirina

University associated with the IPA of EurAsEC,

Saint Petersburg, Russia

mus931@inbox.ru

Summary. In recent years, references and references to traditional values have been increasingly found in scientific publications. A number of researchers discuss the problem of education and development of Eurasian culture. The article draws attention to the correlation of traditional values and Eurasian culture. The urgent need to clarify the terms and their content is emphasized. The possible directions of the inclusion of the foundations of traditional culture in the life of the modern state, society and person are named.

Keywords: Eurasian integration, prospects of evolution, humanitarian dimension, traditions, Eurasian culture.

После распада СССР в политическом ландшафте Евразии произошли значительные изменения: на карте континента появились новые независимые евразийские государства. Первоначально они занялись экономическими и политическими проблемами, ибо выявилась необходимость сохранить и дальше развивать совместную хозяйственную деятельность. Со временем прагматичное прочтение классического евразийства дополнилось потребностью придать евразийской интеграции «гуманитарное измерение» (С. Ю. Глазьев). Вследствие этого объектами научного поиска стали традиционные ценности и евразийская культура.

Именно традиционные ценности привлекли внимание сменивших Советский Союз евразийских государств, когда они обратились к формированию базиса устойчивого развития. Духовно-нравственные ценности сформировались в давние времена, когда человек существовал и действовал в рамках традиционной культуры. Принято считать эту культуру принадлежащей низам феодального и частично капиталистического общества, появилась оценка её как «уходящего прошлого». Западные исследователи традиционной или народной культурой полагают жизнедеятельность австралийских туземцев, африканских аборигенов,

иных малых народов. Однако, подобная оценка некорректна и вызвана недостаточной степенью изученности традиционной культуры. Выдающийся русский философ Г.П. Федотов писал: «Мы очень мало знаем о народе, его жизни, его затаённых мыслях – до XIX века, когда русская интеллигенция начала жадно приглядываться и прислушиваться к нему» [4, с. 155]. Именно в традиционной культуре сформировались традиционные ценности, и сегодня сохраняющие судьбоносное значение для формирования гармоничной личности человека, его жизнедеятельности, развития социума.

Руководители большинства евразийских государств говорят о традиционных ценностях как базовом, фундаментальном, стержневом, основополагающем, системообразующем факторе независимого и благополучного развития общества и государства в нынешнее время. Ярким примером успешного применения достижений традиционной культуры в жизни современного общества и государства является бурное продвижение Китайской Народной Республики в верхние строчки мировых рейтингов, определяющих уровень социально-экономического развития государств. За последние 30 лет ВВП этой страны вырос более чем в 37 раз.

Когда в разного рода государственных документах появились упоминания традиционных ценностей, выяснилось, что адекватного представления о том, что есть традиционные ценности, не имеет ни одна гуманитарная наука. В качестве примера достаточно привести Стратегию национальной безопасности Российской Федерации (2015), где к «традиционным российским духовно-нравственным ценностям» причислены понятия, не соотнесённые друг с другом: «приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины» [3].

По мере изучения реалий регионального интеграционного процесса стало ясно, что многие традиционные ценности являются общими для евро-азиатских народов, и тогда в научном общении появился термин «евразийская культура». Вспомним, что извест-

ный российский философ белорусского происхождения В.С. Стёпин в своей концепции культуры определил традиционные ценности (в его трактовке – «мировоззренческие универсалии») как культурно-генетический код общественной жизни, поскольку они имеют истоки в прошлом, являются результатом исторического саморазвития ценностной системы этноса, нации, цивилизации. Традиционная культура несёт в себе также опыт успешного хозяйствования (малое и среднее предпринимательство).

Традиционные ценности содержат потенциал будущего развития человека, общества, государства. Известнейший отечественный фольклорист Б.Н. Путилов в своё время отметил: «Фольклорная традиционная культура в своем конкретном наполнении всегда региональна и локальна. Её естественная, нормальная жизнь повязана с жизнью определённого, ограниченно-го теми или иными рамками, коллектива, включена в его деятельность, необходима ему и регулируется характерными для него социально-бытовыми нормами. Поскольку этнический коллектив занимает определённое исторически сложившееся пространство, обладающее своими географическими, природными и иными характеристиками, то его традиционная культура региональна, как в историко-социальном, так и в пространственном отношении» [1]. Напомним, что история Древнего мира и Средневековья содержит свидетельства существования единого евразийского культурного пространства в разные хронологические периоды.

Сегодня сведений о традиционной культуре и традиционных ценностях явно недостаточно, отдельные отрасли научного знания добились некоторых результатов в изучении традиционной культуры. В дальнейшем исследователям и практическим работникам потребуется трансдисциплинарный подход. Он позволит выявить в традиционной культуре понимание и принятие самых общих (общечеловеческих) ценностей: Добра, Красоты, Блага, Человека, др., на основе которых строилась, развивается и будет основываться общечеловеческая (в том числе и евразийская) культура. Известно, что «генеральной функцией» в традиционной культуре выступает «воспроизводство человеческого в человеке», воссоздание связей личности с общенародным, общечеловеческим при сохранении национальной укоренённости. С такой позиции традиционные ценности можно определить

фундаментом евразийской культуры. Сам термин нуждается в углублённом научном обосновании. Только научные знания в этой сфере помогут точно определить методы включения традиционной культуры (традиционных ценностей) в жизнедеятельность современного человека, в культурный диалог новых евразийских государств; в формирование культуры будущего большого евразийского партнёрства.

Отметим, что культурные связи выступают постоянным и существенным компонентом общения между народами и государствами, в результате чего создаются, сохраняются и накапливаются ценности, нормы, знания, происходит взаимное обогащение разных культур. В истории евразийского континента имели место нарушения нормальных отношений между народами, что прерывало (или просто затрудняло) культурные контакты. Однако взаимодействие культур сохранялось, хотя временами и принимало своеобразные формы [2]. В целом, культурный евро-азиатский текст оказался практически неизученным. Своего исследователя ждёт и проблема формирования единого евразийского пространства, связанная с эволюцией теории евразийства. Сегодня необходимо полностью использовать разнообразный потенциал традиционной культуры, не ограничиваясь только духовно-умственными ценностями.

Особое внимание следует обратить на такую сферу культуры, как образовательная деятельность, в содержание которой жизненно важно включить традиционные ценности, поскольку главной целью профессиональной подготовки специалистов для Большой Евразии является ориентированность на формирование творческой, с развитым образным мышлением, самостоятельной личности, несущей полную ответственность за результаты своей деятельности. Знакомство с традиционной культурой является наиболее простым, но эффективным средством духовного развития подрастающих поколений. Приобщение ребенка с раннего возраста к культуре своего народа способствует возрождению генетической и культурной памяти детей и развитию их духовного потенциала.

Включения традиционных ценностей в жизнь современного социума требует вхождение евразийских государств в мировую постиндустриальную информационную цивилизацию, идущий сегодня переход к новому мирохозяйственному укладу.

Библиографический список

1. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 238 с.
2. Спирина М.Ю. Межкультурные контакты в евразийском пространстве // Межкультурные коммуникации: социально-гуманитарный аспект: сборник материалов Международной научной конференции 7 июня 2013 года / Под ред. В.Г. Орешкина. СПб.: МИЭП, 2013. 149 с. С. 84–101.
3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/
4. Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избр. статьи по философии русской истории и культуры. В 2-х т. / Сост., вступ. ст., прим. Бойкова В.Ф. СПб.: София, 1991. Т. 1. 352 с.

УДК 117

Великий восточный лимитроф:

Междумирье в сердце Евразии

Максим Сергеевич Михалев

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия

maxmikhalev@yahoo.com

Аннотация. В буферных зонах, тяготеющих к разделительным линиям цивилизаций, из непрочных швов, скрепляющих социальные системы, из культурного небытия и хаоса бесструктурности часто рождаются мифы, доктрины, учения и пророчества, способные обогатить и придать новую форму культурам, их окружающим. Самым протяженным из всех подобных междумирий является российско-китайское трансграничье, или Великий восточный лимитроф. Неосязаемый и невидимый, он, тем не менее, может быть описан как сакральная ось в сердце Евразии, разделяющая и одновременно связывающая между собой две ее крупнейшие державы, Россию и Китай.

Ключевые слова: Евразия, Россия, Китай, трансграничные территории, пустота, лимитроф.

**The Great Eastern Limitrophe:
The Axis Gap in the Heart of Eurasia**

Maxim S. Mikhalev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

maxmikhalev@yahoo.com

Summary. The buffer zones exist along the separation lines of the different civilizations, and it is exactly from here, from these obscure borderlands, from inside the cracks of the social systems, from the cultural non-existence and the creative chaos of structureless-ness, that new myths, doctrines, ideologies, symbols and prophecies are evolved, destined to fertilize and shape the cultures around them. The longest of such buffer zones is the chain of regions along the Russia-China border, or to say it more evocative, the Great Eastern Limitrophe. Invisible and untouchable, it can be described as the sacred axis of Eurasia that binds and separates from each other its two mammoth states, China and Russia.

Keywords: Eurasia, China, transborder regions, void, limitrophe.

Китай и Россия – это не просто две крупнейшие державы Евразии и не просто стратегические партнеры. В своей совокупности они представляют прошитое государственной границей двух стран сердце целого континента, и от того, как складываются отношения между двумя геополитическими гигантами, по большому счету, зависит и его сегодняшнее, и его завтрашнее. Особая роль в поддержании их единства отводится приграничным регионам двух стран. В работах В. Цымбурского, проливающих свет на сущность введенного им самим же термина «Великий Лимитроф», под восточной частью которого он понимал, в частности, территории вдоль границы России и Китая, выражалась надежда, что в годы нового самоопределения нашей страны он станет для нее «защищающим и подпитывающим пределом» [1, с. 25]. Думается, что это не просто одна из ярких метафор, а скорее удачно схваченная и предельно точно сформулированная автором сущность и предназначение российско-китайского трансграничного пространства.

С одной стороны, оно действительно выполняет функцию амортизатора, представляя собой не что иное, как одну большую зыбкую буферную зону, расположенную вдоль линии со-

прикосновения двух крупнейших стран Евразии. С другой, – обладает уникальным культурным, духовным, социально-экономическим и политическим ресурсом [2, с. 251]. В свою очередь, эта его особенность проистекает из свойственной любым подобным территориям открытости иным типам знания, политическим традициям и системам ценностей. Решающее значение при этом имеет географическая удаленность, которая существенно затрудняет осуществление полноценного контроля над ходом протекающих здесь процессов. Конечным же результатом можно считать формирование в пределах российско-китайского трансграничья своеобразного «бульона творения», постоянно порождающего новые подходы, идеи, образы и доктрины и таким образом действительно «подпитывающим» страну.

Связано это с тем, что никакая граница не может считаться просто линией, разделяющей между собой районы географической карты. Скорее, ее следует признать самостоятельным объектом, рождающимся и развивающимся в соответствии со своей внутренней логикой, который лишь входит в соприкосновение с окружающими его политическими регионами, но никогда не принадлежит ни одному из них полностью. Граница всегда остается вещью в себе и в то же время является полностью реальной. Ее в этом случае следует определить как последовательность полостей, лакун, котловин и впадин, образовавшихся в местах соприкосновения частей, составляющих Ойкумену. Все эти пустоты могут быть сведены к минимуму, но они никогда не могут быть устранены полностью. Они обнаруживаются везде, где происходит контакт, ибо неровная поверхность соприкасающихся объектов всегда оставляет место для их образования.

При этом они, как правило, еще и неуловимы, ибо постоянно меняют форму и размер, сегодня сливаясь с соседними котловинами или поглощая их, завтра вновь распадаясь на множество независимых полостей и впадин, послезавтра же образуя совершенно новые конгломераты. Другими словами, пустоты, которые составляют фактическое содержание приграничья, прогрессируют, регрессируют и стагнируют, и делают это в независимости от того, чем в это время заняты приотлившие их объекты географической карты. При этом они остаются полностью объективными сущностями, что рождаются, растут и, в конце концов, умирают.

По ошибке или по недоразумению принято считать, что пустоты не обладают собственным содержанием. На самом деле, любые подобные аномалии, образовавшиеся на поверхностях объектов, всегда наполнены, но наполнены иной, противоположной содержанию объектов субстанцией. Эта субстанция превращает впадину в выступ, а туннель в мост в том случае, если мы меняем угол зрения и начинаем глядеть на объект с противоположной точки зрения. В соответствии с положениями теории отверстий, разработанной Казати и Варзи [3], любые пустоты выглядят как отсутствие материи только в том случае, если мы наблюдаем их изнутри системы. В том же случае, однако, когда мы рассматриваем систему с изнаночной стороны, мы замечаем, что любые полости и впадины представляют собой не что иное, как избыток внешней по отношению к системе материи, вклинившийся в нее и расширяющий свою территорию за ее счет. При такой постановке вопроса любая пустота, является всего лишь видом материи, отличным того, что наполняет принимающий ее объект. Она представляется пустой потому, что ее содержимое коренным образом отличается от того, к чему привык наблюдатель, находящейся внутри системы.

Другими словами, трансграничные территории России и Китая, составляющие Великий Восточный Лимитроф, как и любые подобные пустоты, являются не чем иным, как вкраплениями внедрившейся извне самой Ойкумены социальной материи иного вида. Точным эпитетом для ее обозначения была бы слово *гостевая*, ибо именно это отражает ее оппозицию *принимающей* материи цивилизационных плит. Данное утверждение даст, в свою очередь, право предположить, что российско-китайское приграничье предоставляет редкую возможность прикоснуться к субстанции, заполняющей пространство, лежащее за пределами обычного нам мира идей и представлений. Территории неплотного смыкания плит в этом случае становятся воротами в заповедные зоны, расположенные вне основных цивилизационных систем и, таким образом, за рубежами нашего обыденного восприятия. Они позволяют материи из-за пределов системы проникать в ее внутреннее пространство и быть обнаруженной наблюдателем, находящимся внутри ее. Другими словами, они действительно являются незаменимым источником знания о том

большом мире, который в буквальном смысле слова окружает нас, оставаясь при этом практически не исследованным.

Подводя итог, можно утверждать, что у Великого Восточного Лимитрофа, российско-китайского трансграничья, существует, кроме геополитической, защитной, еще и особая мировоззренческая функция, подпитывающая, которая, к сожалению, до сих пор редко кем принимается во внимание. Это досадно, ведь тот свет из-за пределов социально обусловленного мира, что проникает сквозь трещины и сочленения культурных и социальных систем, та гостевая материя, что наполняет пустоты в местах их неплотного соприкосновения – все они могут быть использованы в целях познания. Очевидно в этой связи, что те страх и пренебрежение, что часто характеризуют отношение к местам разрыва структур, к которым, в том числе, относятся и приграничные территории, должны уступить место самому живому к ним интересу. В случае, если мы попытаемся понять и поставить на благо человечества, их способность являться воротами в заповедные пространства, лежащие за пределами социальных и культурных систем, эти пустоты на карте могут стать значительными центрами знания, что будут способны связывать миры и приводить их в движение.

Библиографический список

1. Цымбурский В.Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М.: URSS, 2000. 144 с.
2. Михалев М.С. Великий восточный лимитроф: трансграничные народы в государственной политике России и Китая. М.: ИДВ РАН – Восточная литература, 2022. 295 с.
3. Casati R., Varzi A.C. Holes and Other Superficialities. Cambridge: MIT Press, 1994. 264 p.

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Роль этнического фактора в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации и социально-экономического развития приграничных территорий Сибири и Дальнего Востока» (Программа фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.)

СЕКЦИЯ 1

**Евразийство как феномен отечественной философской
и социально-политической мысли.**

Современные дискуссии вокруг евразийской идеи

УДК 130.2, 304.4

**Тема «Россия – Запад» в трудах евразийцев: оценки,
прогнозы и сегодняшние реалии**

Ирина Валерьевна Фотиева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

fotieva@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы «русского западничества», как они представлены в трудах Н.Н. Алексеева, одного из основоположников евразийства. Отмечены выделенные им базовые установки и ценности западной культуры, перенятые некоторыми российскими теоретиками и практиками; показана верность критических оценок и прогнозов, данных Н.Н. Алексеевым относительно этих установок и ценностей, подтверждаемая сегодняшними реалиями.

Ключевые слова: евразийство, Н.Н. Алексеев, русское западничество.

**The theme «Russia – the West» in the writings of Eurasians:
assessments, forecasts and today's realities**

Irina V. Fotieva

Altay State University, Barnaul, Russia

fotieva@bk.ru

Summary. The article deals with the problems of «Russian Westernism», as they are presented in the works of N.N. Alekseev, one of the founders of Eurasianism. The basic attitudes and values of Western culture identified by him and adopted by some Russian theorists and practitioners are noted; the fidelity of critical assessments and

forecasts given by N.N. Alekseev regarding these attitudes and values, confirmed by today's realities.

Keywords: Eurasianism, N.N. Alekseev, Russian Westernism

Тема взаимодействия российской и западной культур вот уже два века является одной из постоянно обсуждаемых в отечественной мысли, в том числе, в наследии евразийцев. Более того, она была тем камертоном, на который настраивалось их исследование по другим вопросам. Интерес к этой теме усиливается в наиболее сложные, переломные моменты нашей истории. Таким переломным моментом, судя по всему, является и сегодняшний период, и неудивительно, что в массовых дискуссиях мы вновь видим столкновение мнений, а в официальной политике – очередной поворот в сторону «антизападничества» после десятилетий «вхождения в глобализованный мир». В связи с этим представляет интерес вновь обратиться к данной теме, сопоставив оценки и прогнозы евразийцев с сегодняшней ситуацией.

Их исходный тезис об ошибочности представления о едином пути цивилизации сегодня принят большинством ученых – геополитиков, историков, культурологов, антропологов и т.д. Но насколько правомерно не просто утверждение о многополярности и поликультурности мира, а оценка различных культур по каким-либо критериям? Как известно, это весьма дискуссионная тема, которая выходит за рамки нашей статьи, поэтому конкретизируем вопрос: насколько обоснованной являлась критика евразийцами (вслед за славянофилами, да и многими отечественными мыслителями) именно западных базовых ценностных и идейных установок, социальных и политических институтов? Подтвердились ли их выводы спустя столетие?

Пожалуй, наиболее четко и системно эти оценки и выводы изложены в труде Н.Н. Алексеева «Русский народ и государство». Обратимся к этому труду и отметим основные моменты.

Прежде всего, Алексеев напоминает: «Сам Запад не представляется чем-то однородным: можно говорить об единых принципах западной культуры, но нельзя думать, что принципы эти имели одинаковое проявление в пространстве и во времени» [1, с. 111]. Соответственно, разнородно и русское западничество, и здесь он выделяет два основных направления – радикализм

и либерализм. При этом «программа либерального западничества... только методами отличалась от программы западничества реакционного. Петр европеизировал русский народ ремнем, его потомки – военными поселениями, русский либерал предлагает отдать его в культурную учебу по всем правилам западного гуманизма» [1, с. 119]. Радикализм западного типа привел к революции 1917 года, ему «удалось сделаться огромной фактической силой, сумевшей организовать народные массы и долго руководить судьбами государства» [1, с. 119]; либерализм же оказал огромное мировоззренческое, идейно-культурное влияние на российскую интеллигенцию, но в революционный и постреволюционный период оказался невостребованным в силу своей «буржуазности». Отметим основные положения, выделенные Алексеевым, которые объединяли оба направления русского западничества.

1. Убежденность в том, что западная культура — «единственная настоящая и, кроме нее, вообще нет никакой истинной культуры... Из этого ... вытекало отрицание смысла и ценности других культур, а также и специфичности русской культуры. Оттого, пользуясь словами Достоевского, можно сказать, что все русские западники в народе русском видели лишь “косную массу”, “тормозящую развитие России к прогрессивному лучшему”, “которую всю надо пересоздать и переделать”» [1, с. 129].

2. «Вера в преимущественную культурную силу учреждений, призванных к перевоспитанию «косного» народа, и преимущественное служение “правде внешней”, а не “правде внутренней”, идеалам общественным, а не идеалам личным» [1, с. 129]. Алексеев в связи с этим вспоминает спор, возникший по поводу речи Достоевского на Пушкинском юбилее. Достоевский, как известно, «высказал мысль, что личное совершенствование является непременным условием общественного совершенства, откуда следовало, что нет никаких общественных идеалов, “не связанных органически с идеалами нравственными, а существующих сами по себе, в виде отдельной половинки”; и что нет идеалов, “которые могут быть взяты извне и пересажены на какое угодно новое место с успехом, в виде отдельного учреждения”. Против такой мысли решительно восстали наши западники» [1, с. 121].

3. Соответственно, «все они были убеждены, что для преуспевания России достаточно было взять чужие учреждения... пересадить их на русскую почву и осуществлять свойственные им цели так, как они применялись в их первоисточнике (например, парламентаризм, как в Англии, социализм, как в Европе и т. п.)» [1, с. 130].

4. И, наконец, в духовно-нравственном плане центральное место в западном менталитете занимает индивидуализм, права личности, «выше которой вообще ничего нет, кроме нее самой. Сама по себе защита человеческой личности была делом не плохим, но ведь не только об этой защите шла речь... Центр тяжести был в том, что личность человеческая утверждалась как наивысшее...» [1, с. 122].

Ограниченные рамками статьи, мы, конечно, предельно схематизировали анализ Н.Н. Алексева, но повторим, что эти тезисы можно считать ключевыми. Теперь оценим их прогностичность, то есть посмотрим, насколько устойчивыми во времени оказались данные установки западного мира, и к чему они привели сегодня.

Что касается первого тезиса, то, как уже сказано, за прошедшее столетие представления о равноценности разных культур уже прочно вошли в общественное сознание. Разумеется, западнорационалистские убеждения не исчезли, они лишь ушли под почву, и их сторонники не высказываются так открыто, но, тем не менее, и это уже прогресс.

Верность второго тезиса, в совокупности с третьим, прежде всего, подтверждает недавняя история нашей страны. Вера в господство «учреждений» потерпела крах, во-первых, с началом перестройки. Стало очевидно, что социалистические формы общественного устройства – хотя и безусловно куда более «человекообразные» и прогрессивные, чем сегодня – не смогли сами по себе обеспечить ни достаточного уровня единства нации, ни устойчивой нравственной позиции, что могло бы противостоять разрушению страны. Нельзя сказать, что в СССР не уделялось внимания духовному и культурному развитию людей; более того, по сравнению с нынешним периодом его качество было в разы выше. Но эти задачи на практике все же не стояли на первом плане – во многом в силу господствовавшего узкого

материализма, утверждавшего именно экономику в качестве «базиса» общественной жизни и процветания. Кроме того, многие формы культурно-воспитательной политики были, как известно, чрезмерно бюрократизированы; наличествовал тотальный и часто неоправданный и вредный контроль и т.д.; все это подрывало веру ряда граждан не только в правительство, но и в сами провозглашаемые идеалы. Мы не будем перечислять все факторы, повлиявшие на развал советской системы; резюмируем лишь, что отмеченные серьезные проблемы были фактором, имевшим достаточно большой «вес». Но намного более ярко верность этого тезиса Алексеева проявилась в процессе перестройки. Пересаженные на российскую почву и уже совершенно чуждые ей (в отличие от коммунистической идеи) ценности и «учреждения» не только стали разрушительными для практически всех сфер жизни, но и вызвали у множества людей прямое отторжение. Но показательно, что и на самом Западе нет никакого единства в этом вопросе. Так, Дж. Грей в своей известной работе «Поминок по Просвещению» однозначно негативно оценивает попытки внедрения экономических, политических, культурных форм и механизмов одной культуры в почву совершенно другой, ссылаясь на неудачи подобных проектов в целом ряде стран, в том числе, России [см.: 2].

Наконец, четвертый тезис – о безусловном приоритете личности и ее прав, о господствующем индивидуализме – сегодня как никогда обнаружил всю свою ущербность. Выявилась важнейшая проблема; причем, она даже не в том, что на самом деле должно быть оптимальное соотношение между правами личности и общества – это и так ясно. Но главная проблема в другом, и она лежит уже в философской плоскости: что именно мы понимаем под личностью и ее правами? То есть какие именно характеристики личности надо считать сущностными и способствующими ее полноценному бытию и развитию («добродетелями»), а какие – случайными или вредными? Постмодернистские «деструкции» уравнивали в сознании многих людей добро и зло, истину и ложь, красоту и безобразие; отсюда – ужасающие перекосы политкорректности, гей-парады, узаконение наркотиков и проституции, марши сторонников «BLM» и т.д., что ведет не только к социальным конфликтам и потрясениям, но и к явным

психическим отклонениям, как показано уже во многих исследованиях.

Таким образом, можно резюмировать, что оценки, данные Н.Н. Алексеевым базовым установкам и ценностям западной культуры, полностью подтверждаются, что следует принять во внимание при анализе прозападных тенденций в современной российской жизни.

Библиографический список

1. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 635 с.
2. Грей Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности М.: Практикс, 2003. 368 с.

УДК 1: 330.877: 316.722

Евразийская ценность коллективизма: современное состояние (по результатам опроса студенческой молодежи Сибири)

Татьяна Александровна Артамонова

Алтайский государственный аграрный университет,
Барнаул, Россия
art-katun@mail.ru

Аннотация. Коллективизм и индивидуализм в современных гуманитарных науках принято рассматривать как маркер определенных цивилизационных отношений. Евразийская цивилизационная общность народов традиционно опирается на коллективистские ценности. Исследовательский интерес представляет изучение этой ценностной ориентации у молодежи как актора будущих социокультурных и цивилизационных трансформаций. В статье приведены данные исследований различных исследовательских групп по изучению ценностных приоритетов студенческой молодежи Сибири. Сделан вывод о том, что большинство молодёжи имеет коллективистскую социально-ориентированную модель поведения. Перед исследователями стоит задача по прояснению смысла, который вкладывают респонденты в со-

держание понятий, входящих в семантический ряд понятия «коллективизм».

Ключевые слова: евразийство, система ценностей, коллективизм, коллективистские ценности, студенческая молодежь, Сибирь.

**The Eurasian value of collectivism: the current state
(according to the results of a survey of Siberian students)**

Tatyana A. Artamonova

Altai State Agriculture University, Barnaul, Russia

art-katun@mail.ru

Summary. Collectivism and individualism in modern humanities are considered as a marker of certain civilizational relations. The Eurasian civilizational community of peoples is traditionally based on collectivist values. The research interest is the study of this value orientation among young people as an actor of future socio-cultural and civilizational transformations. The article presents the research data of various research groups on the study of the value priorities of Siberian students. It is concluded that the majority of young people have a collectivist socially-oriented model of behavior. Researchers are faced with the task of clarifying the meaning that respondents put into the content of concepts included in the semantic range of the concept of «collectivism».

Keywords: Eurasianism, value system, collectivism, collectivist values, student youth, Siberia.

Как считают многие исследователи, коллективистские ценности традиционны для населения Евразии. Умения кооперироваться в решении социальных и хозяйственно-бытовых задач позволило народам евразийского пространства не только выжить в сложных природно-климатических условиях, но и создать особый культурно-цивилизационный уклад. В современности влияние глобализации с ценностями индивидуализма ослабили коллективистские ценности, но не искоренили их. Как показали исследования сектора этносоциальных исследований ИФПР СО РАН в регионе Южной Сибири (Республики Алтай, Тыва, Хакассия) и Восточно-Казахстанской области, в целом респонденты отдают предпочтение коллективистским устоям.

«Это проявляется в предпочтениях коллективной собственности над частной, чувства коллективизма и взаимопомощи как фактора развития своего народа над индивидуализмом, личной деловитостью. Первые (то есть коллективистски ориентированные) в каждой из выделенных этнических групп составляют от 58% до 82% опрошенных» [1].

Изучение ценностных приоритетов у современных народов Евразии, в том числе у молодого поколения – одна из важнейших многоаспектных и междисциплинарных задач. Оно позволяет прояснить как обстоятельства настоящего, так и спрогнозировать тенденции будущего в развитии общества и отдельной личности. В теоретическом плане оно может опираться на методiku выявления западно-восточных цивилизационных дихотомий предпочтений или на выявление антиномических пар ценностей [2].

Исследование ценностных ориентаций и жизненных планов студентов сибирских аграрных вузов (585 студентов 2-3 курсов из Барнаула, Новосибирска, Кемерово, Омска, Красноярска и Иркутска), проведенное в 2021-22 гг. под руководством профессора А.В. Иванова, показало, что студенческая молодежь Сибири подвержена общей тенденции роста индивидуалистических ценностей, которую многие исследователи связывают с господством установок техногенно-потребительской цивилизации [3]. Среди опрошенных 52% считают, что личные интересы человека должны быть важнее интересов его народа, а 46% отдают приоритет интересам народа. При этом склонность к взаимопомощи и взаимовыручке в сложных климатических сибирских условиях 21% респондентов считают основным качеством сибиряков. Анализ этих показателей говорит о том, что по отношению к коллективистским ценностям у молодежи проявляется двойственность. Современный образ жизни, сформированный под влиянием глобализации, закрепляет ценности индивидуализма, но исторический опыт прошлых поколений, который отражен в традиционной культуре взаимоотношений, закладывает в молодом поколении представление о важности коллективистских ценностей.

Исследование коллективистских ценностей молодежи Западной Сибири также проводили тюменские ученые, и, по их заключению, ценности коллективизма, преемственности поколе-

ний утрачены новыми поколениями [4, с. 5]. Авторы монографии «Сибирский характер как ценность» в процессе исследовательской работы также подошли к проблеме толкования коллективистских черт, проявляющихся в характере личности, и пришли к заключению, что достаточно большое количество фактов, полученных в результате наблюдений за повседневным поведением людей, показывают, что между содержанием характера и его формой не всегда имеется прямое соответствие. Например, у людей, позиционирующих себя как «душа» компании, вожак, заводила, на первый взгляд, проявление коллективизма доминирует и выражается в яркой форме, но за этим стоит исключительно потребность к индивидуальной самореализации и эмоциональном самовыражении. «Окружающие, глубоко не проникнув в личность такого человека, как правило, не в состоянии сразу понять, что наблюдаемая ими имитация коллективизма является проявлением другой имеющейся у него потребности – скажем, самоутверждения» [5, с.13–14]. У других же, наоборот, коллективистские черты сглажены, но могут ярко проявиться и обнаружить свою глубину и укорененность в характере в критической ситуации, когда нужна помощь в общем деле.

С проблемой трактовки отношения молодежи к коллективизму столкнулись и другие исследователи. Анализ ценностных установок молодежи Западной Сибири, проведенный тюменскими учеными, позволил прийти к заключению, что «такие элементы господствующей системы ценностей, как «индивидуализм – коллективизм» молодые респонденты отнесли к негативным конструктам, демонстрируя тем самым смену приоритетов в ценностных ориентациях современной молодежи» [4, с. 48]. У красноярских студентов последних курсов обучения исследователи также отметили потерю значимости коллективизма, хотя на первом курсе это качество отмечалось как важное. Следовательно, жизненный опыт в период обучения привел к нивелированию ценности этого качества, к его невостребованности в студенческой среде. Исследователи пришли к заключению, что в ответах молодежи отражаются запросы и ценности окружающего их общества, где высока потребность в самоутверждении и индивидуальной реализации, а также в успешности. Поэтому коллективизм у студентов получил самый низкий ранг

популярности из 13 предложенных черт сибирского характера. В качестве личной значимости он вообще не отмечен [5, с. 68–69].

Разность в оценках коллективистских ценностей имеет профессиональную специфику. Как показывают исследования студентов и курсантов военных образовательных учреждений г. Санкт-Петербург (выборка составляет 453 человека), ценности индивидуализма, материально обеспеченная жизнь, по мнению респондентов, менее значимы для них, чем для их ровесников и соотечественников. «Следовательно, респонденты полагают, что они в большей степени являются представителями культуры коллективизма, чем окружающие» [6, с. 318]. Респонденты в качестве коллективистских принципов отметили готовность жертвовать ради семьи и друзей своими интересами и комфортом, а также поддерживать единство и сотрудничество. Можно предположить, что большинство молодёжи имеет коллективистскую социально-ориентированную модель поведения. Хотя исследование коллег по изучению особенностей ценностных ориентаций студентов Аграрного вуза, проведенное в 2020 г., показывает, что такие жизненные ценности, как активность для достижения позитивных изменений в обществе, помощь другим людям и милосердие к ним занимают лишь средние ранговые места [7, с. 229].

При трактовке данных, полученных в результате соцпроса относительно коллективистских ценностей, встает исследовательская задача по прояснению смысла, который вкладывают респонденты в содержание понятий, входящих в семантический ряд понятия «коллективизм». Планируемая в будущем работа с экспертной группой позволит прояснить смысловое поле таких понятий, как «общественные интересы», «коллективистские ценности», «общественное благо» и другие.

Библиографический список

1. Попков Ю.В. Базисные ценности народов евразийской цивилизации в условиях глобализации // Новые исследования Тувы. 2009, №№ 1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bazisnye-tsennosti-narodov-evraziyskoy-tsivilizatsii-v-usloviyah-globalizatsii>
2. Захарова А.А. Исследование ценностей коллективизма и индивидуализма у студенческой молодежи // Вестник молодеж-

ной науки Алтайского государственного аграрного университета. 2021. № 2. С. 236–240.

3. Иванов А.В., Артамонова Т.А., Каланчина И.Н. Сибирь как ключевой локус перехода от техногенно-потребительской к духовно-экологической цивилизации: аксиологический аспект // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18. № 4. С. 60–76.

4. Образ будущего в оценках нового поколения россиян: монография / В.В. Гаврилюк, Л.Л. Мехришвили, Н.И. Скок и др. Тюмень: ТИУ, 2016. 166 с.

5. Сибирский характер как ценность: коллективная монография / Под общ. ред. доктора педагогических наук, профессора, члена-корреспондента РАО М.И. Шиловой; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Том 1. Красноярск, 2004. 256 с.

6. Ливач Е.А. Коллективизм и индивидуализм в системе ценностей студентов и курсантов // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2010. Вып. 4. с. 316–324. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollektivizm-i-individualizm-v-sisteme-tsennostey-studentov-i-kursantov>

7. Сивцова А.В., Берг М.А. Особенности ценностных ориентаций студентов Аграрного вуза // Вестник молодежной науки Алтайского государственного аграрного университета. 2020. № 1. С. 226–229.

УДК 101.1:316(470 + 571)

**Евразийский патриотизм и смысл русской идеи
в современном мире**

Иван Валериевич Демин

Алтайский государственный технический университет

им. И. И. Ползунова, Барнаул, Россия

IvanValDemin2012@mail.ru

Аннотация. В статье выявляются характерные константы способа существования евразийского патриотизма через понимание смысла русской идеи для современного мира. Автор обсуждает нормативные аспекты евразийского патриотизма, сравнивая его параллельно с псевдопатриотизмом, и предлагает рассматривать евразийский проект в контексте вопроса о новых типах всечеловеческого цивилизационного развития.

Ключевые слова: евразийство, патриотизм, русская идея, Модерн, цивилизация.

Eurasian patriotism and the meaning of the Russian idea in contemporary world

Ivan V. Demin

Polzunov Altai State Technical University, Barnaul, Russia

IvanValDemin2012@mail.ru

Summary. The article reveals the characteristic constants of the way Eurasian patriotism exists through an understanding of the meaning of the Russian idea for the contemporary world. The author discusses the normative aspects of Eurasian patriotism, comparing it in parallel with pseudo-patriotism, and proposes to consider the Eurasian project in the context of the question of new types of all-human civilizational development.

Keywords: Eurasianism, patriotism, Russian idea, Modernity, civilization.

В кризисные времена междивизиационных конфликтов, когда под угрозу ставятся интересы и ценности народов, неизменно возрастает влияние патриотических голосов. Любовь к Родине, Отечеству, своей земле – естественное чувство человека, ориентированного на цельное выстраивание своей идентичности. Любовь к Родине спасает, сохраняет, удерживает в органичности народной «почвы», но она же и нередко заводит в тупик, приносит в жертву истину и «живую жизнь». К сожалению, любовь к России-Евразии тоже часто находится в опасности поддаться соблазнам и ошибкам псевдопатриотизма, наносящим непоправимый урон самому существованию и ценностям евразийского мира. Чтобы не воспроизводить вновь и вновь никуда не ведущие «увядшие мотивы» (Е.Н. Трубецкой), не заниматься таким притягательным мечтательным утопизмом, нам необходимо трезво оценивать реальность и перспективы евразийской цивилизации в мире XXI в., тем самым содействуя и её реальному развитию, и развитию всего человечества. В этом докладе мы контурно затронем несколько констант, составляющих или

должных составлять, на наш взгляд, саму суть подлинного способа существования евразийского патриотизма.

Всякий патриотизм имеет скрытую тенденцию к перерастанию в узкий партикуляризм. И евразийский – не исключение. Благодаря исторической традиции русского национального мессианизма легко с невероятным упорством конструировать новые идеологические варианты «Москвы – Третьего Рима» как особой цивилизации, удерживающей от зла и обладающей какой-то загадочной самобытностью, иной душой. Ничуть не отрицая известную правоту цивилизационного подхода, стоит подчеркнуть, что как раз такое восприятие России-Евразии ни к какому обнаружению национально-цивилизационной самобытности и не приводит. Русская идея в наследии творцов метафизики всеединства носит ясно выраженный универсалистский, вселенский характер. Это не бесцветный космополитизм, а именно такой универсализм, который открывает подлинное богатство и русского, и евразийского патриотизма. В блестящей работе 1912 г. «Старый и новый национальный мессианизм» Е.Н. Трубецкой убедительно показал, что понять свою самобытность народ может только на пути мессианизма, отказавшись от ложной идеализации относительного, земного бытия нации и увидев себя не единственным «избранным народом», но одним из народов, совместно участвующих в едином Богочеловеческом процессе. «Чтобы сохранить свою душу, народ должен не возлюбить, а возненавидеть ее в мире сем» [1, с. 257].

Национальная особенность раскрывается, когда признаётся единый корень у всечеловеческого дерева, а этот корень, по Трубецкому, и есть вселенское христианство. Православная ветвь этого дерева должна обогатить и одновременно обогатиться особенностями иных ветвей, в частности, католической и протестантской.

Кроме универсализма, подлинный евразийский патриотизм в способе своего существования должен, соответственно, быть открытым иным народам и цивилизациям, но без традиционно русского максималистского крена то в сторону Запада, то Востока. Привыкнув, по заветам славянофилов, резко противопоставлять православный и евразийский тип культуры западной холодной рассудочности, механистичности и формализованности за-

падного социального устройства, не впадаем ли мы в иллюзию о своей привилегированной, избраннической духовности?

Действительно, может быть, вслед за Г. В. Флоровским необходимо подумать о том, исключительно ли это западная проблема (бездуховно-потребительская, атомизированная цивилизация), или же это общий вызов, «заложенный в самой динамике греховно-естественного человеческого строя», от которого не застрахован и евразийский Восток [2, с. 255–256]? Во многом «западная» утрата духовности – социально-антропологическая цена, которую пришлось платить за проект Модерна – тот переход от традиционного к техногенному обществу, который произошёл впервые в европейском регионе. Порождённый Западом, тем не менее, Модерн впоследствии распространился на весь остальной мир, запустив в XX–XXI вв. стремительные процессы глобализации. Иначе говоря, чтобы продолжать существовать и тем более развиваться в технико-технологическом отношении, традиционное общество обязано модернизироваться. Однако вместе с модернизацией неизбежно приходят побочные эффекты – все те изъяны антикультурной цивилизации, о которых так много писали и пишут отечественные мыслители славянофильского и евразийского толка. Закрыться от Модерна нельзя (в этом смысле и советский проект – порождение, прежде всего, Модерна, только альтернативного западному), но вполне правильно стараться трансформировать даже его заключительное – постмодерновое – состояние в иную стратегию всечеловеческого цивилизационного развития, где как раз уже востребованы ценности тех традиционных обществ, которые получили техногенную культуру извне, путём вестернизации [3, с. 297–302].

Традиционные духовные ценности евразийского человека – нестяжательство, самопожертвование, соборность, служение общему делу – должны и могут быть включены в новую стратегию глобального цивилизационного развития, если мы расстанемся с самозамыканием и самолюбованием перед лицом «чужих» проблем и вызовов. Подлинный евразийский патриотизм должен не чураться актуализированного Западом содержания, а, приняв его, обновить и дополнить.

В самосознании России-Евразии борются две противоположные линии – успокоенного, «домашнего» истолкования русской

идеи в тональности И.А. Ильина, которому нужны исключительно национальные недостатки и достоинства («Мы ученики Богу и учителя себе самим») [1, с. 438–441], и гораздо более плодотворного – требовательного к себе самим и через это вселенского истолкования этой же идеи, настраивающего неизменно на зрячий патриотизм. К примеру, Л.П. Карсавин неслучайно, размышляя о ленивой потенциальности православной культуры, отмечает: «Мы видим – в противовес католически-протестантскому антропоморфизму, православное религиозное сознание выдвигает понимание всего как божественного, вплоть до готовности оправдывать свои недостатки, и обнаруживает равнодушное невнимание к человеческому, иногда превращающееся в специфическую холодную жестокость» [1, с. 320].

Постулируя императивы братства, родства, любви и совести в качестве фундаментальных ценностей, евразийство не может пассивно довольствоваться лишь их заданностью Абсолютом оно призвано их активно-творчески осуществлять. Значит, и любовь к евразийской общности народов не должна обходиться без подлинной любви к образующему это многоединство человеку. В то же время, объективируя евразийское государство и общество, любя их больше личности, можно получить деперсонализированный традиционалистский коллективизм.

Отошедший от евразийства Г. Флоровский упрекал его как раз за тенденцию к упоению «народной» силой «от плоти и от земли», а не от Духа, к превознесению сильной власти [2, с. 241–243]. Упование на органически-инстинктивное движение «народа» крайне опасно, поскольку акцентирует не духовно-нравственную высоту общества, а его до известной степени языческую стихийность. «Когда человек безличен и в нем не раскрывается никакое универсальное содержание, – писал Н.А. Бердяев, – то порабощение разного рода объективациями дает ему ощущение наполненности. <...> «Национальное» легче всего наполняет пустоту, это оказывается возможным для огромных масс и не предполагает никаких качественных достижений. При этом отрицательные чувства, ненависть к евреям или к другим национальностям играют большую роль, чем положительные чувства» [4, с. 102].

Недостаточно любить свою землю, каждый раз наивно апеллируя к идеальному плану национально-цивилизационных ценностей, подвергающихся нападкам во «враждебном окружении». Требуются качественные достижения, актуализирующие иное – евразийское – прочтение бытия человека и общества. Если некто претендует на звание русского (евразийского) патриота, то он должен старательно содействовать установлению в жизни народов Евразии ценностей евразийского проекта – того же «хозяйнодержавия» П.Н. Савицкого или «государства правды» Н.Н. Алексеева и др. [5]. Если будут созданы конкретные социальные и государственные институты в духе этих ценностей, то можно говорить, что патриоты по-настоящему выполнили своё дело, укрепляя Россию-Евразию посредством придания ей статуса актуализированной альтернативы всечеловеческого объединения в эпоху после Постмодерна, притягательной для иных народов и цивилизаций.

Наконец, стоит упомянуть ещё одну константу способа существования евразийского патриотизма. Она касается метода утверждения любви к Родине. Эта константа – безглагольность: чем меньше объективаций патриотизма в виде чиновничьей и журналистской шумихи будет, тем лучше; чем больше концентрации внутренней энергии на исполнение задач национально-государственного строительства будет, тем больше это принесёт реальных, а не декларативно-казённых плодов.

Евразийская цивилизация должна не симулировать, а действительно и жизненно-практически воплощать патриотические чувства и мысли в экономике, социальной сфере, культуре и образовании.

В заключение хочется сказать также, что, помимо гносеологического потенциала русской религиозной философии в обосновании русско-евразийского патриотизма, очень полезным будет использовать потенциал отечественной диалогичности культуры. Ведь для философии XXI в. уже как прописная истина звучит тезис о том, что, говоря словами видного представителя этого направления В.С. Библера, понимаемое нами бытие – это «феномен соучастия, со-разумения бесконечно-многих разумов, форм актуализации бесконечно-возможного бытия» [6, с. 404]. Но это уже отдельная тема внутри философского анализа евразийства.

Библиографический список

1. Русская идея / сост. М.А. Маслин. М.: Республика, 1992. 496 с.
2. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. 368 с.
3. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.
4. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. 383 с.
5. Иванов А.В. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты: монография / А.В. Иванов, Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев, М.Ю. Шишин. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007. 243 с.
6. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. 413 с.

УДК 811.161.1: 323.1

Консолидирующая роль русского языка

в межнациональном диалоге

Ирина Николаевна Каланчина

Алтайский государственный аграрный университет,

Барнаул, Россия

kalanchina62@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается система ценностных доминант, отраженных в русском языке и в классической литературе, отражающих установку на межкультурный диалог. Рассмотрена ключевая культурема «всемирная отзывчивость», выявленная в работах Ф.М. Достоевского, в которых рассмотрены пути консолидации разных народов и культур. Эксплицирована тенденция целенаправленного вытеснения русского языка из информационного, культурного ландшафта стран евразийского культурно-географического пространства. Это является следствием действий со стороны политических структур глобалистского толка для ослабления позиций русского языка и культуры на евразийском пространстве и на международной арене в целом. Данные процессы могут привести к утрате независимости и культурной идентичности народов постсоветского простран-

ва, так как в русском языке сконцентрирован сплав общеевразийских культурных и ценностных доминант, необходимых для выхода из глобального кризиса и перехода на путь поступательного цивилизационного развития.

Ключевые слова: консолидирующая роль русского языка, культурема «всемирная отзывчивость», межнациональный диалог, евразийское культурно-географическое пространство, ценностные доминанты, цивилизационный потенциал.

The consolidating role of the Russian language and literature in international dialogue

Irina N. Kalanchina

Altai State Agrarian University, Barnaul, Russia

kalanchina62@mail.ru

Summary. The article considers the system of value dominants reflected in the Russian language and in classical literature, reflecting the attitude towards intercultural dialogue. The key cultureme «global responsiveness» is considered, it is revealed in the works of F.M. Dostoevsky, who was looking for ways to consolidate different peoples and cultures. The tendency of purposeful exclusion of the Russian language from the information, cultural landscape of the countries of the Eurasian cultural and geographical space is explicated. This is a consequence of the actions of globalist political structures to weaken the positions of the Russian language and culture in the Eurasian space and in general in the international arena. These processes can lead to the loss of independence and cultural identity of the peoples of the post-Soviet space, since the Russian language contains an alloy of common Eurasian cultural and value dominants necessary to overcome the global crisis and move on to the path of progressive development of civilization.

Keywords: consolidating role of the Russian language, cultureme «worldwide responsiveness», interethnic dialogue, Eurasian cultural and geographical space, value dominants, civilizational potential

В многонациональном евразийском мире Россия на протяжении многих веков играла важную интегрирующую роль в социокультурном, политическом, хозяйственном взаимодействии

различных этносов. Уточним, что в данном случае мы используем топоним «Россия» как обобщенное наименование преемствующих друг другу культурно-географических, государственных образований, таких как Российская империя, СССР (ныне страны СНГ или постсоветское пространство), Российская Федерация, которая вопреки острейшему современному политическому кризису продолжает выполнять консолидирующую роль в межкультурной коммуникации между евразийскими народами.

Соответственно, и русский язык благодаря целому комплексу факторов (политико-экономических, социокультурных, географических и др.) всегда выполнял функцию универсального средства межнационального диалога между этносами, проживающими на российско-евразийском пространстве. И действительно, русский – «это язык народа, имеющего более чем тысячелетнюю историю, культуру и письменность, многовековой опыт государственного и культурного строительства, освоения новых земель и хозяйствования, огромные достижения в области науки и техники» [1, с. 17].

Более подробно остановимся на интегрирующей функции русского языка. Известно, что язык представляет собой мощный инструмент, интегрирующий различные этносы в суперэтнос (единую нацию) через воспроизводство общего ценностно-культурного кода. Соответственно, язык выполняет важнейшую функцию национального характера, народа, нации, многонациональной общности.

Поскольку русский язык, впитавший богатое культурное наследие и имеющий большой цивилизационный потенциал, на протяжении многих веков выполнял роль языка межнационального общения и объединения всех евразийских этносов в один суперэтнос, что наиболее ярко проявилось в эпоху Советского Союза, в нем сконцентрировался сплав выдержавших испытание временем общевразийских культурных и нравственных ценностных доминант.

Эти закономерности в 30-е годы XIX века выделил Вильгельм фон Гумбольдт, одним из первых создавший учение о тесной взаимосвязи явлений культуры и языка. Согласно Гумбольдту, характер нации оказывает большое влияние на характер языка, а последний, в свою очередь, представляет собой «объединенную

духовную энергию народа» и воплощает своеобразие целого народа; то есть язык выражает определенное видение мира, и не является просто отпечатком идей народа [2, с. 348–349].

Если говорить применительно к русскому языку как социокультурному феномену, то, по оценкам многих исследователей, он обладает ярко выраженной ценностной окрашенностью, а также высоким интеллектуально-нравственным потенциалом, который отразился в осевых, классических текстах отечественной литературной и философской мысли, прежде всего, XIX–XX веков. К текстам с высоким ценностным содержанием принято относить лучшие образцы устного народного творчества и русской классики, которая включает «произведения художественной литературы, публицистики, журналистики, философские трактаты, чьи авторы заслужили всеобщее признание и пользуются безусловным авторитетом» [3].

В качестве основных, доминантных черт (но не исчерпывающих), структурирующих систему общеевразийских ценностей, проявленных в русском языке и литературе, можно выделить следующие:

- 1) соборность/ коллективизм/ всеединство/общинность;
- 2) религиозность/вера;
- 3) искание абсолютного добра;
- 4) приоритет духовных ценностей над материальными;
- 5) поиск смысла жизни;
- 6) всемирная отзывчивость.

Доминанты общеевразийских ценностей не только объединены общим языковым и экстра-языковым содержанием, но и взаимнообусловлены. Так, соборность (в своих двух аспектах: коллективизм и общинность) неразрывно связана с религиозностью. Как отмечал, А.С. Хомяков, соборность – это добровольное соединение (собор) личностей на основе любви друг к другу и Богу, и русской культуре присущ дух соборности, под которой подразумевается высокая ценность в культуре братских отношений и воплощение их во всех сферах жизненной практики [4, с. 83].

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает ценностная доминанта, выраженная на уровне языка в культуре «всемирная отзывчивость» (всеединство, всемирная любовь, всечеловечность), как высшее воплощение дружелюбия и к соотечест-

венникам, и представителям других культур и народов в противовес культу эгоцентризма и индивидуализма. Подчеркнем, что рассмотренные выше доминантные черты евразийского культурного кода: стремление к соборному единению, поиски смысла жизни, искание добра, приоритет духовных ценностей над материальными в единстве со всемирной отзывчивостью уже в XIX в. стали восприниматься (осознанно и неосознанно) в России как высоко значимый социальный идеал.

Впервые культурема «всемирная отзывчивость» была эксплицирована Ф. М. Достоевским и применена в целом ряде произведений, являясь сквозной для его философских и творческих размышлений. Если рассмотреть в единстве все фрагменты публицистических и художественных произведений, где звучит эта тема, то можно сделать вывод, что в творчестве Ф.М. Достоевского доминирует проблематика, имеющая непреходящее значение в проблематике межкультурного диалога и поиска объединяющих различные народы ценностных основ. Достоевский полагал, что путь к гармонизации, к совершенному обществу, проходит через страдание и смирение, с помощью которых человек сможет преодолеть нравственный кризис и свободно выбрать идеал богочеловечества (единения во Христе), – иначе утвердятся inferнальное «все дозволено» и общество ввергнется в хаос. При этом центральный стержень творчества и устремлений писателя состоит из двух аспектов: во-первых, «утверждение "высшего синтеза" как основного метода постижения любых мировых, социальных, духовных проблем. Во-вторых, блестяще – и художественно, и своеобразно философски – обоснованный тезис о том, что без «высшей идеи» и общество, и человеческая личность лишаются своего главного измерения и рано или поздно распадаются в хаос» [5, с. 495–496].

Из целого ряда граней понятия «всемирная отзывчивость» рассмотрим три основных. Первый аспект – это ориентация на «значимого Другого», иного культурно-исторического субъекта (у Достоевского – Западной цивилизации), выстраивание гармоничных взаимоотношений с которым признается для России чрезвычайно важным. При этом подчеркнем, такого «значимого Другого» в истории, ментальности и языке западных народов никогда не было, что подтверждено множеством научных ис-

следований. В частности, до сих пор существует (как одна из основных тенденций современности) негативное отношение к России со стороны европейцев, которое было очевидным и в середине XIX века: «Поневоле родится чувство досады, поневоле спрашиваешь: на чем основана такая злость, чем мы ее заслужили? Вспомнишь, как того-то мы спасли от неизбежной гибели; как другого, поработанного, мы подняли, укрепили; как третьего, победив, мы спасли от мщенья и т. д... И на это сочувствие, и на это дружеское стремление мы никогда не находим ответа: ни разу слова любви и братства, почти ни разу слова правды и беспристрастия. Всегда один отзыв – насмешка и ругательство; всегда одно чувство – смешение страха с презрением. Не того желал бы человек от человека» [4, с. 83].

Достоевский же сумел раскрыть и эксплицировать на уровне языковых средств в своих работах такой феномен русской ментальности, как ориентации на «значимого Другого», который описал в романе «Подросток»: «У нас создался веками какой-то еще нигде не виданный высший культурный тип, которого нет в целом мире – тип всемирного боления за всех. Это тип русский... Для настоящего русского Европа и удел всего арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретённая, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей» [6, с. 376].

В качестве второго аспекта, остановимся на свойственных российскому национальному типу способностях к состраданию, альтруизму, чуткости, восприимчивости к чужим эмоциям и переживаниям, которыми пронизаны произведения Достоевского. В своей знаменитой речи о Пушкине он отмечает: «В европейских литературах были громадной величины художественные гении – Шекспир, Сервантес, Шиллеры. Но укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такую способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин. И эту-то способность, главнейшую способность нашей национальности, он именно разделяет с народом нашим, и тем, главнейшее, он и народный поэт... И не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, в перевоплощении своего духа в дух чужих народов» [7, с. 184, 186].

Третий аспект «всемирной отзывчивости» – это установка на осуществление идеала всеобщего братства: «Назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть и значит только... стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите... Ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено [6, с. 378]».

При этом осуществление «всемирной отзывчивости» Достоевский видит реализующимся по трем линиям: стремление людей и разных этносов к братскому единению внутри одной страны; настроенность на формирование доброжелательных, дружеских отношений между представителями разных государств и народов (в частности, между Россией и Западом, Россией и Азией, Россией и странами постсоветского пространства); реализация идеала «все люди – братья», то есть единение на уровне всей человеческой цивилизации: «Русскому Европа так же драгоценна, как Россия: каждый камень в ней мил и дорог... О, русским дороги эти старые чужие камни, эти чудеса старого божьего мира, эти осколки святых чудес; и даже это нам дороже, чем им самим! У них теперь другие мысли и другие чувства... Один лишь русский, даже в наше время, то есть гораздо еще раньше, чем будет подведен всеобщий итог, получил уже способность становиться наиболее русским именно лишь тогда, когда он наиболее европеец. Это и есть самое существенное национальное различие наше от всех, и у нас на этот счет – как нигде. Я во Франции – француз, с немцем – немец, с древним греком – грек и тем самым наиболее русский» [6, с. 378].

Сегодня особенно важно акцентировать, что проблема будущего России в творческом наследии Достоевского освобождена от духа одномерного антизападничества. В нем доминируют стремление к объединению в единый соборный организм, в симфоническую личность всех народов и всех культур; удивительная вера во всечеловеческую отзывчивость, всемирно-историческую направленность духа. Вероятно, поэтому писатель пользуется безусловным уважением не только у соотечественников, но и среди передовых слоев западного общества, интеллектуалов всего мира, сумевших понять и оценить по досто-

инству глубокий философский, миротворческий, общецивилизационный смысл его идеи «всемирной отзывчивости». Так, английский критик М. Марри, не скрывая своего восхищения, писал: «В одной лишь русской литературе можно услышать трубный глас нового слова. Писатели прочих наций всего лишь играют у ног этих титанов – Толстого и Достоевского» [8].

Говоря о положении русского языка в современном мире, необходимо отметить, что, к сожалению, в последние годы определенные политические силы прикладывают большие усилия для ослабления позиций русского языка, литературы и культуры в целом на международной арене. В частности, это проявляется в странах постсоветского пространства в таких тенденциях, как перевод национального письменного языка с кириллицы на латиницу, сокращение часов на преподавание русского языка не только в государственных, но и даже в частных русскоязычных школах, запрет и вытеснение русского языка в целом из информационного, культурного и образовательного пространства. [9, с. 6].

При этом показательно, что до сих пор вопреки активному противодействию со стороны Запада в бывших советских республиках большая часть населения продолжает не только говорить, но и мыслить по-русски, что зафиксировано в изданном Государственным институтом русского языка имени А.С. Пушкина (ГИРЯП) «Индексе положения русского языка в мире» за 2022 год [10]. Это проявляется, в частности, в том, что в интернет-пространстве, представители разных стран СНГ (имеющих многовековые общие культурные корни и архетипы) общаются между собой не на английском или немецком, а на русском языке. Часто, находясь в эмиграции, выходцы с постсоветского пространства также общаются между собой не на языке страны проживания, а преимущественно на русском. Весьма показательно, что выехавших на Запад выходцев из Казахстана, Армении, Киргизии и др. бывших республик СССР представители титульной нации идентифицируют как носителей русского культурно-исторического типа и называют, соответственно, «русскими». Этот феномен был описан еще Н.Я. Данилевским, который полагал, что основу для дифференциации каждого культурно-исторического типа составляет именно язык, т. е. в основе многонациональной общности лежит не единство по

крови и не географическое единство, а ментальное, языковое единство, определяющее культуру мышления нации.

Поэтому полагаем важным предостеречь всех стремящихся отказаться от русского языка. Попытки переписать свою историю, аннигилировать наследие предыдущих поколений представляются, как минимум, недальновидными. Как показывает исторический опыт, как только народы предают свое прошлое, они оказываются под внешним управлением, теряют независимость и позитивный образ будущего и, следовательно, потенциал к цивилизационному прорыву.

Наш общий евразийский культурно-географический мир сегодня находится именно в подобной ситуации. Потому жизненно важно осознать свое культурное единство, свою общую историческую миссию – по формированию и претворению в жизнь модели (о которой мечтали и которую разрабатывали наши выдающиеся мыслители) общества всемирной отзывчивости, справедливости и братства. А для этого, в свою очередь, необходимо сохранить в образовательной и культурно-социальной сфере достойное место для русского языка и литературы, которые являются основой для консолидации и взаимодействия различных этносов на едином культурно-географическом евразийском пространстве.

Библиографический список

1. Современный русский литературный язык в 2 ч. Часть 2: учебник для вузов / Под редакцией В. Г. Костомарова, В. И. Максимова. М: Издательство Юрайт, 2022. 352 с.
2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М: Прогресс, 1984. 400 с.
3. Каланчина И.Н. Влияние русской литературы на формирование евразийской идентичности// Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 110–115.
4. Хомяков А.С. О старом и новом. Статьи и очерки. М: Современник, 1998. 462 с.
5. Иванов А.В. Фотиева И.В. Шишин М.Ю. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации.

Барнаул: Изд-во АлтГТУ им. И.И. Ползунова; Изд-во Фонда «Алтай – 21 век», 2006. 640 с.

6. Достоевский Ф.М. Подросток. М: АСТ, Люкс, 2005. 560 с.

7. Достоевский Ф.М. Пушкин // Русская идея. Сост. М.А. Маслин. М: Республика, 1992. С. 162–190.

8. Murry J.M. Fyodor Dostoyevsky. A critical study. London, 1916.; Simmons E.J. Dostoevsky: The making of a novelist. N.Y. 1962. 263 p.

9. Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. 482 с.

10. Индекс положения русского языка в мире (Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина). М., 2022. URL: http://www.pushkin.institute/news/index_2022.pdf (10.09.2022).

УДК 130.2

**Духовно-идейные и социокультурные основания
диалогической миссии русской культуры в современном
глобализирующемся мире**

Аурика Германовна Инговатова

Алтайский государственный технический университет

им. И.И. Ползунова, Барнаул, Россия

auriking@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема диалога культур в условиях доминирующей стратегии неоглобализма. Производится критический анализ неолиберального проекта глобализации, который с точки зрения автора является тупиковым, с позиций рассмотрения развития мировой культуры и будущего мирового сообщества – крайне опасным, ставящим под сомнение само их существование и сохранение. Кроме того, в статье выявляются духовные, идейные, ментальные основания диалогического потенциала русской культуры в условиях нарастающей нестабильности современного мира.

Ключевые слова: глобализация, неоглобализм, неолиберальная идеология, проблема диалога культур, диалогическая миссия, духовный потенциал русской культуры.

Spiritual, ideological and socio-cultural foundations of the dialogical mission of Russian culture in the modern globalizing world

Aurika G. Ingovatova

Altai State Technical University, Barnaul, Russia

auriking@mail.ru

Summary. The article deals with the problem of the dialogue of cultures in the conditions of the dominant strategy of neo-globalism. It gives a critical analysis of the neoliberal globalization project, which, from the author's point of view, is a dead end. Besides, when it comes to the world culture development and the world community in general this approach is found to be extremely dangerous and is questioning their very existence and preservation. In addition, the article reveals the spiritual, ideological, mental foundations of the dialogical potential of Russian culture in the context the growing instability of the modern world.

Keywords: globalization, neo-globalism, neoliberal ideology, the problem of the cultural dialogue, dialogic mission, the moral potential of Russian culture.

К XXI веку в социально-философской и культурологической рефлексии однозначно не осталось сомнений в неотвратимой поступи эпохи постмодерна, несущей в себе целый набор жизненных установок и характеристик, которые превращают человеческую цивилизацию в постчеловеческую.

Русская культура с ее самобытным духовным строем, определившим характер многовекового опыта цивилизационного строительства, государственных начал и саму специфику исторической судьбы народа и государства им создаваемого, безусловно, занимает не только одно из центральных мест в пространстве Евразии, но и, с нашей точки зрения, представляет собой один из ее эффективных культурно-цивилизационных проектов.

Чем продиктована современная острота проблемы диалога культур? Необходимо начать с констатации, что в предлагаемом сегодня миру глобалистском проекте, в идее неоглобализма произведена очевидная смысловая подмена. Человечество испокон веков демонстрирует тягу к мировому единству, но содержание этих усилий в разные периоды истории напрямую связано с идейными основаниями эмпирических доминат общемирового процесса. Исторический шанс на то, чтобы надолго стать цивилизационно-культурным авангардом, безусловно, имел Западный мир. Идеалы эпохи Просвещения и общекультурное звучание гуманизма – более слабый, но исторически приемлемый и имеющий перспективы отголосок христианской морали: достижения философской, художественной культуры и аскетическое служение человеку научного гения, выпестованного в колыбели рациональной культуры, «Декларация прав человека и гражданина» – все говорило в пользу идейного лидерства просвещенной Европы.

Глубинная причина смысловой подмены в том, что энергия воспроизводства нужного идейного настроения западной мысли не смогла преодолеть одностороннего звучания онтологического наивного реализма и натурализма – с одной стороны, а в теории познания – не достигла нужной цельности в определении статуса познающего субъекта в его отношении к миру. Именно «асинтетизм» ума и сердца, дезинтеграция человеческих начал (телесно-природное, душевное, разумное и духовное) и номиналистический настрой в современной превалирующей аналитической традиции, с нашей точки зрения и не позволили выстроить значимую для мировой культуры концепцию мирового единства. То есть, развившаяся внутренняя несостоятельность не позволила европейскому разуму принять объективную реальность «Другого» и он принял отказ от собственных идеалов. Это тяжелей всего признать, поэтому они остались формально звучащими и декларируемыми.

Постмодернистский настрой, в котором вступают в отношение не «человек – мир», не «человек – вещь», «не вещь – понятие», а «понятие – понятие» или вовсе только «реальность отношений» [1, с. 9]. Под новоявленными обликами сугубо позитивистского и наивно-реалистического мышления – так назы-

ваемой техннауки и неоглобалисткой трансгуманистической идеологии, – совершенно не трудно разглядеть умело закамуфлированное банальное радение о собственном материальном статус-кво, от которого, привыкший подчиняться своему потребительскому кредо, мир так называемого «золотого миллиарда» ни за что не откажется. Установка на самообогащение и сведение понятия человеческого счастья к долларовой массе и технологическому комфорту и чувственному гедонизму, воспитание в этих устремлениях многомиллионной в глобальном измерении внекультурно-существующей и путешествующей по миру армии зарабатывающих деньги там, где больше платят – сознательных сибаритов, не могла не привести к феномену масштабированного неоварварства. «В лице современного глобализма мы имеем дело с новейшей формой нигилизма, ищущего себе алиби в так называемых объективных тенденциях» [2, с. 5]. Сегодня, при господстве философии «отмены» культуры, тотальному превалярованию монетаристских принципов очень мешает историческая память народа, его духовно-ментальное кредо и историческое самоопределение, неразрывно связанное с ценностями и идеалами, которые он, народ сознательно отстаивал, ради которых жертвовал собой в веках. В своей работе «Искушении глобализмом», А.С. Панарин 20 лет назад писал о характере новых управляющих мирового процесса: «По мере нарастания тенденций глобализации, национальные политические и экономические элиты все меньше прислушиваются к голосу своих избирателей и все больше связывают себя с принятыми за спиной народов решениями нового интернационала. Кажется, и мораль, и обычная логика требуют, чтобы избирателю это объяснили, прямо заявив, что в его услугах больше не нуждаются. Вместо этого ему льстят, называя его сувереном, источником демократической легитимности власти» [2, с. 7]. На деле «отмена» последних времен при продолжающемся низведении духовных основ человека просто сметает со своего пути все, что мешает скорой наживе глобального олигархата.

С объявленным «концом истории» разрушительный сплав установок аналитической философии, утилитаристской этики, индивидуалистической морали и протестантской однонаправленно-плоскостной практической энергичности привел к тому,

что, с упорством, диктуемым прагматическим подходом наши геополитические оппоненты стремятся самосохраниться и обеспечить, вернее сохранить себе высокий уровень доходов и высокое качество жизни не просто за счет теоретического отрицания объективной реальности «Другого» – иного по духу и опыту жизни, – они действительно хотят, чтобы нас не было, даже и близко не допуская мысли, что с распадом СССР мир русской культуры, как объективного существующего феномена, не исчез, а возможно, напротив, вновь получил исторический шанс на самораскрытие и расцвет. Диалог в международной политике и отношениях исчез. Только материально-потребительский интерес может заставить их вернуться к диалогу. Это горько осознавать, но таков сегодня Запад.

Данный, принятый за норму «порядок» и является на сегодня самым дестабилизирующим фактором. А.С. Панарин был одним из тех, кто поставил 20 лет назад вопрос о цивилизации, способной противостоять новой форме глобального тоталитаризма, который позиционируется как царство свободы и демократии. И такая цивилизация есть. «Мы говорим о православной цивилизации не как обособленном культурно-историческом типе (здесь изначальное несогласие с Н.Я. Данилевским), противопоставленном другим типам и самой особостью обреченном на столкновение с ними. Не о «конфликте» цивилизаций идет речь, а о конфликте человечества с историей, которая ставит новые задачи – такие, какие западный цивилизационный тип не только выполнить, но даже адекватно воспринять сегодня явно не готов. Мы не исключаем, что в будущем он откажется от догмата непогрешимости, вернется к творческой самокритике» [3, с. 210]

Духовный потенциал русской культуры огромен и глубок в своих основах. На сегодняшний день вряд ли можно говорить о другой культуре, которая именно «духовно» способна превозмочь новый и по-новому же опасный вызов человеческой природе – неоглобализм потребительской стратегии жизни в условиях информационно-цифровой эпохи, когда «спрут» материально-гедонистических установок получил такое массовое оружие для самоутверждения. Естественно, что против безумства потребительской культуры может устоять только общество, в котором имеет место жизненно воплощаемый аскетический

идеал. Фактически ни в XX, ни в XXI веке наш народ из аскетического режима существования и не выходил. Те, кто не с ним, в этом смысле – не народ. Второй момент, подтверждаемый самой жизнью: именно такой аскетический народ только и оказывается способным к осознанному отстаиванию (ценой жизни) высших ценностей и смыслов, делающих жизнь человека подлинной. И в более ранней истории, несмотря на многонациональность и многоконфессиональность, имеется опыт исторического отстаивания идеального образа, идеи совершенной жизни, то есть – историческая активность русского народа не была обусловлена мотивами низменного обогащения, а всегда имела мирозерцательный настрой. Считаем, что Россия и сегодня – одна из немногих держав, которая предлагает миру, погрязшему в атрибутике потребительства и принижающего природу человека и культуры им творимой, миру глобального меркантилизма спасительный мирозерцательный настрой, именно потому, что в логику наживы за счет других народов русский народ никогда не был погружен, не имел материальных дивидендов от многочисленных побед именно потому, что к ним не стремился, не имел колоний, именно потому, что это всегда в его понимании противоречило подлинно христианскому отношению к человеку. Напротив, он сам «вкладывал» свои жизненные силы, ресурсы, энергию для строительства цивилизации, ее защиты и сохранения, чтобы построить другим народам то же, что и себе, а зачастую – больше, чем себе, лучше, чем себе. Только действительные неоварвары сегодня факт исторически демонстрируемой жертвенности делают поводом для национального уничтожения.

В пользу воплощенной диалогической миссии русской культуры говорит очень наглядный, лежащий на поверхности социально-исторический факт: вряд ли на планете Земля найдется государство, объединившее в своем составе такое количество народов и этносов более-менее крупных, средних и совсем малых по составу – более 190 народов и народностей. У России, таким образом – давняя внутренняя готовность к диалогу с внешними партнерами и культурами всего мира, именно потому, что в русском национальном самосознании идея национального образа никогда не вступала в конфликт с идеей общечеловеческой. Национализм, или как говорил В.С. Соловьев, «идея

народности» – тем более в такой крайней его извращенной форме как нацизм, – всегда был чужд душе нашего народа и воспринимался как воплощение зла и лжи. Русский мир исторически имел общие границы с культурами монотеистических вероисповеданий, в силу своей открытости, и присущего миролюбия научился понимать и принимать народы, каждый из которых воспитан в своей религиозной традиции. Не нарушая религиозных притязаний других народов, тем не менее, он всегда выступал в роли некоего исторического «застрельщика» именно в силу идейной концентрированности, максималистской самоотдачи и служения тому, во что сам уверовал, например, в идею социализма. Именно деятельно выражающееся максималистское служение идее не могло не быть вдохновляющим и заразительным, что помогало преодолевать разницу и между разными народами, и между разными слоями населения внутри общества.

Русский человек не злопамятен и великодушен. В него самого стреляли, но, если он взял верх и пленил противника, прощение, естественно селящееся в его душе, искренно и простодушно. Кем надо быть, чтоб не оценить духовную, подлинно христианскую основу естественно присущего русской душе прощения, величия души? Сила и высота глубинной незлобivosti и человеколюбивого прощения – одни из тех ведущих духовных оплотов, легших в основу исторического строительства русского мира и цивилизации, сконцентрировавшейся и построенной вокруг него. Наконец, последний аргумент в пользу особой готовности к пониманию и диалогу с другими народами. В своем историческом самоутверждении, принимая вызов исторических испытаний, брошенных народу извне и изнутри, русский народ обладает таким широким и глубоким диапазоном «жизненного мира», что это можно считать несомненным залогом более глубокого и скорого понимания опыта «Другого». Кто же поймет суть происходящего лучше, чем тот, кто сам все это пережил. И отсюда его готовность помочь по первому зову. Ему ясна подоплека: «сами плавали – знаем». Человеческому миру, в каком бы состоянии он ни находился, всегда нужны проявления подлинной человечности. Русская культура, которая в своем самополагании духовно и практически соединяла национальное и общечеловеческое, родное и вселенское, имеет все основания к

тому, чтобы вернуть сегодняшний мир в поле спасительного и взаимоуважительного диалога.

Библиографический список

1. Кутырев В.А. Философия постмодернизма. Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2006. 95 с.
2. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. 416 с.
3. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Изд-во ЭКСМО, ООО «Алгоритм-Книга», 2003. 544 с.
4. Бердяев Н.А. Русская идея. Харьков: Фолио, М: АСТ, 1999. 400 с.

УДК 159.9.01

**Духовность как основа интегрированного
социокультурного пространства**

Борис Алексеевич Сосновский

Уральский государственный экономический университет,
Екатеринбург, Россия
sosnovsk@list.ru

Аннотация: Главным условием надежной интеграции евразийского социокультурного пространства является оптимальное соответствие нравственных и духовных ценностей всех его участников.

Ключевые слова: евразийская идея, психика, человек, идеология, культура, духовность, нравственность, мораль.

Spirituality as the basis of an integrated socio-cultural space

Boris A. Sosnovsky

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia
sosnovsk@list.ru

Summary. The main condition for the reliable integration of the Eurasian socio-cultural space is the optimal correspondence of the moral and spiritual values of all its participants.

Keywords: Eurasian idea, psyche, person, ideology, culture, spirituality, morality, morality.

Развивающая отечественная философская концепция о наличии (и целенаправленном созидании) евразийского социокультурного пространства [1] является, несомненно, гуманной, перспективной как теоретически, так и, что особенно важно, практически. Такое евразийство чрезвычайно многомерно и сложно, ибо содержит в себе множество вопросов и актуальных проблем: экономических, политических, культурных, широко социальных, этнических, религиозных. Построение евразийства является мощным направлением современной цивилизации к созиданию будущего и более справедливого многополярного Мира. Однако все идеи и их практическую реализацию осуществляют конкретные люди, то есть живая и целостная человеческая психика или просто Душа. Поэтому в самой идее евразийства содержатся неустранимые и мощные влияния вездесущих «человеческих факторов» и «человеческих отношений». основополагающее значение в организации любого социального бытия и межчеловеческих отношений имеет исходная идеология (не всегда сформулированная), выраженная в конкретных категориях ситуативной морали и обобщенной (общечеловеческой) нравственности и реальной духовности.

Идеология – это некий дискуссионный перечень, незавершенный набор, не нуждающийся в логической аргументации. Это произвольный список взглядов и субъективных представлений об идеальных (образцовых) и желаемых человеческих ценностях. Это лично базовые мнения (мечты, идеи) о том, как устроен Мир и справедливое общество, что есть правда жизни и идеальный человек, каковы правильные отношения между ним и социумом, между разными людьми, народностями и государствами и т.п. Это некие исходные, духовные, обобщенно нравственные или зауженные моральные постулаты, выражаемые обычно на языке философии, политики, правоведения, этики, эстетики, экономики, социологии, культурологи и психологии, но более откровенно и ранее всего – на поучительном языке различных (мировых и локальных) религий и верований. Все разноязыкие и разноименные идеологии (христианская, проле-

тарская, коммунистическая, исламская, буржуазная, рыночная и т.п.), разумеется, немало различаются, но по причинам не столько языковым, сколько исконно идеологическим, ценностным. Каждая идеология исходит из определенных аксиом, которым придаётся (не всегда открыто и гласно) ведущее значение по отношению к другим ценностям, правилам и идеалам.

Объективно заданы три обстоятельства, исключаящие возможность создания и торжества универсальной и единственной общемировой идеологии.

Во-первых, это факт сосуществования и борьбы «добра» и «зла», света и тьмы, Бога и дьявола, плюса и минуса, «я» и «они», жизни и смерти, наконец. Без выделения в индивидуальном сознании собственного Я невозможно само обнаружение, открытие Мира, понимание человеком факта собственного существования (Р. Декарт). Но при персональном выборе качественной оценки нравственных полюсов «добра» или «зла» включаются некие особые, личностные, собственно духовные «механизмы». Например, для одних людей непреложны старорежимные каноны чести и совести, субъективно ценимые выше жизни. Другие люди считают «благом» изошрённое нарушение таких законов, а для третьих эти нравственные категории остаются просто бессмысленными словами, не вошедшими в индивидуальное сознание и самосознание.

Например, современный «цивилизованный» и якобы христианский Запад упоенно гордится юридически узаконенной толерантностью по отношению к однополым бракам, гневно защищая при этом осквернителей православных храмов в Москве и в Украине. В отнюдь не давние времена воинствующего в советской России атеизма всякая религиозная или духовная вера безоговорочно называлась реакционным буржуазным мракобесием и бескультурьем, подлежащим нещадному уничтожению.

Второй причиной невозможности универсальной идеологической системы является многомерная субъективность самой человеческой психики. На неизбежную природную неодинаковость людей накладывается априорная уникальность индивидуальной психики. Образ мира, создаваемый и носимый психикой, – это идеальная, живая, избирательная, пристрастная, одним словом, субъективная модель мира. В этой субъективности пси-

хики существуют, вероятно, и некие пределы возможного понимания и осознания человеком каких-то явлений реального мира – внешнего, материального и внутреннего, идеального. Это ограничения, обусловленные не только известными пределами органов человеческой чувствительности, но и какими-то «защитными», сверхинтеллектуальными, духовными факторами бытия. «Человек познающий» будет всегда стремиться к пониманию извечных истин и загадок мироздания, но «человек одушевлённый» непременно примиряет, соотносит свои объективные знания с личностным, субъективным смыслом этих знаний.

В-третьих, это биосоциальная природа человека как личности, которой нельзя стать, психологически не войдя в людское общество, не введя в себя это общество, не приобретя общие видовые психические особенности, существующие в диалектическом единстве с индивидуальными особенностями. Это единство допускает и наличие противоречий, и динамику, и развитие, в процессе которых возможна и смена оценочных полюсов этического «плюса» и «минуса».

Скажем, возможно деление людей на социальные классы (марксизм), можно различать людей по вероисповеданию, по цвету кожи, по этносу, по национальности и т.д. Всякая градация будет условной, зачастую таящей в себе сокрытую оценочность, поскольку даст упрощенную дискретную модель того, что в действительности распределено связно, непрерывно и подчиняется каким-то многомерным вероятностным законам.

Поэтому психологически необходимо выделить именно существенные моральные и нравственные ценности: не убий, не укради и т.д., и как-то соотнести их с иными людскими градациями. Положим, отношение к иноверцу или к представителю враждебного класса принципиально отличается от моральных норм и правил поведения, принятых по отношению к признаваемому «собрату».

Эта общечеловеческая проблема различия морали и нравственности объективно усложняется ввиду недопустимо затянувшегося отсутствия в современной России какой-то сформулированной государственной идеологии («национальной идеи»). Поэтому перед устойчивым евразийском социокультурном странством остро стоит неординарная воспитательная задача.

Воспитание – это не просто обучение, тренировка или пропаганда. Это трудоемкий психологический путь к сознанию и самосознанию, к их адекватному пере структурированию, к порождению и принятию людьми субъективных смыслов евразийства. Тогда абстрактное знание психологически преобразуется в «живое» знание, в нравственное сознание индивида, которое выступает базисом социального поведения, качественным мериллом собственного бытия.

Независимо от уровня образованности и социального статуса безнравственный человек опасен для окружающих людей. Но и формально узаконенная общественная мораль может быть по сути своей безнравственной, негуманной. В таком неустрашимом диалектическом расхождении, в противоречии морали и нравственности заключается одна из глобальных проблем человеческого существования и всего мироздания. Эта проблема не имеет однозначного решения, подобного безоговорочной победе во вселенской борьбе света и тьмы, добра и зла, любви и ненависти, жизни и смерти. Известны, например, утопические мечты о социализме и коммунизме, о Божественном Рае, о всемирном торжестве справедливости, о «благах» глобальной цифровизации и т.п. Но в нескончаемых поисках человеком лучшей жизни, благополучия, всемогущей истины проявляется не упрощенная до рефлексов «психика», а живая и целостная Душа и духовность человека. В.А. Пономаренко убедительно показал, что духовность является проявлением высшего уровня профессионализма человека, находящегося в объективно экстремальных условиях бытия [2].

Понятие «культуры» (подобно «идеологии») является чрезвычайно многозначным, а потому содержащим словесно размытые и зачастую противоречивые трактовки. Культура – это и общий уровень развития человечества (цивилизации) или отдельных составляющих целостного социума (субкультур), и особая сфера общественной жизни (искусство, литература, наука, творчество), и социально одобряемые формы поведения, и пестрый набор личностных качеств «культурного» человека. Однако при любом понимании культуры основополагающим и самым сложным является вопрос о её критериях. Для научного исследования необходимо наличие «нормы», эталона, т.е. фор-

мализованного описания неких культурных постулатов, ценностей или принципов. Однако именно здесь, как правило, исчезает возможность научных доказательств истинности, но властвуют догмы и повелительные мнения иных социальных институтов: традиций, политики, идеологии, этики, временно господствующей локальной морали.

В качестве иллюстрации приведу первоначальную для отечественной психологии формулировку А.Р. Лурии: «Огромное отличие *культурного* человека от примитива в том, что он обладает огромным инвентарем в процессе *культуры* созданных психологических механизмов – навыков, приемов поведения, *культурных* знаков и приспособлений и что вся его психика перестроена под влиянием тех сложных условий, которые его создали» [3, с.157].

В приведенной цитате термин «культура» трижды употреблен (без объяснений) как нечто базовое для всей авторской концепции Л.С. Выготского, получившей название «культурно-исторической». Но разве все искусственно созданные, возделанные людьми знаки и приспособления следует считать действительно культурными? Внутреннее знаковое опосредствование психики неизбежно, но оно может иметь и негативные психические и культурные последствия. Тогда что есть именно культура и чем она отличается, например, от всякого общечеловеческого опыта?

Во многих интерпретациях понятие культуры, по существу, растворяется и переходит (вольно или невольно) в услужение «объективным» обстоятельствам и текущему общественному бытию. «Культурным» становится всё, что социально создано и дозволено гласно или негласно. Такое, сугубо ситуативное понимание культуры теряет некий философски возвышенный, а точнее, идеальный или духовный аспект. Массовая и личностная культура может быть аморальной, даже безнравственной, а потому опасной, разрушительной. При отсутствии чёткости исходного понятия становятся идеологически оправданными бесчисленные частные «культуры»: классовая, профессиональная, правовая, физическая, речевая, поведенческая, корпоративная, национальная и т.п. Потому давно, широко, легко и послушно «формируются» и реализуются всевозможные виды культур и

субкультур, сознания и воспитания, например, экологического, политического, правового, эстетического.

К сожалению, практически забытой становится перспективная идея А.Н. Леонтьева о сущности психологии воспитания личности как целенаправленного пути к сознанию [4]. Многократно доказано и подтверждено, что в структуру сознания личности, в систему усвоенных объективных значений входит то, что связано с целями выполняемой и по-особому организованной учебной деятельности (П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, Н.Ф. Талызина). Но главный психологический вопрос заключается в том, чем станет для личности присвоенное знание, какой субъективный смысл будет «вычерпан» личностью? Специфика индивидуального сознания заключается в отношении объективного значения и субъективного смысла. Но, в отличие от значения, смыслу обучить нельзя. Он воспитывается в работе целостной души, не только в деятельности личности, но и во всех взаимодействиях и общениях субъекта с миром и с самим собой [5].

Подобным образом возникает и существует духовная культура личности. Истинная культура – это не культура поведения или того или иного знания. Это именно внутренняя, психическая, духовная культура индивидуального сознания, культура иерархии субъективных смыслов, которые соответствуют базовым принципам человеческой нравственности.

Самое «культурное» мышление, например, может стать антикультурным, губительным для окружающих людей, если его носителем является человек, лишенный внутренней культуры и нравственности, не разделяющий понятий добра и зла, порядочности, верности и предательства, чести и бесчестия.

Широко тиражируемая в нашей стране иноязычная «культура» рыночных отношений, неумеренного материального потребления, развлечений и вседозволенных удовольствий совершенно неприемлема (бескультурна) в системе образования, в науке, искусстве, да и в любых гуманных взаимодействиях и общении людей. По существу, насильственное внедрение такой культуры уже имеет обильные негативные и удручающие проявления, особенно в обыденном мировоззрении молодого поколения нынешней России [6].

Становится, например, всё более привычным (а значит, «культурным») бесконтрольное распространение «образовательных услуг», покупка-продажа курсовых и дипломных работ, диссертаций, ученых званий и должностей. Такая «культура» губительна не только для субъектов купли-продажи, но и для многотрудного процесса содействия созиданию и развитию нравственной и духовной личности. Это ведет к победе «культуры» массового конформизма как неосознанного подчинения меняющимся общественным требованиям и правилам.

Единственно надежное социокультурное пространство психологически представлено человеку на языке личностных смыслов, ценностей и эмоций. Частные проявления внутренней культуры – поведенческие, речевые, узкопрофессиональные, ситуативные и все другие заданы и обусловлены неким нравственным или духовным «стержнем» личности. Поэтому культурный человек никогда не сможет поступить некультурно. Злободневная проблема в том, что научная психология уделяет вопросам человеческой нравственности и духовности недопустимо малое внимание, продолжая привычную «работу» с препарированными элементами «психики» и с «обездушенной» личностью.

Библиографический список

1. Иванов А.В. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты: монография / А.В. Иванов Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев. М.Ю. Шишин. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007. 243 с.
2. Пономаренко В.А. Психология духовности профессионала. М.: Международный институт восстановительной медицины, 1997. 100 с.
3. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребёнок, М.: Педагогика-Пресс, 1993. 224 с.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 130 с.
5. Сосновский Б.А. Мотив и смысл. М.: Прометей, 1993. 200 с.
6. Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2011. 448 с.

Экотеология Прабхупады
Вадим Владимирович Останин¹
Илья Владимирович Григорьев²

¹Алтайский государственный аграрный университет,
Барнаул, Россия
vadim_bh@mail.ru

²Новосибирский государственный медицинский университет,
Новосибирск, Россия
ilyag2@yandex.ru

Аннотация. Исследование выявляет философские и праксеологические основания экотеологии известного индийского мыслителя Прабхупады (1896–1977). В качестве таковых выступают концепции тварности природы и космоса, а также природного равенства всех живых существ. В практическом смысле Прабхупада поддерживал идею вторичной переработки использованных предметов.

Ключевые слова: экотеология, А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада, индуизм, экологический кризис, теология XX века.

Ecoteology of Prabhupada
Vadim V. Ostanin¹, Ilya V. Grigoryev²

¹Altai State Agricultural University, Barnaul, Russia
vadim_bh@mail.ru

²Novosibirsk State Medical University, Novosibirsk, Russia
ilyag2@yandex.ru

Summary. The study reveals the philosophical and praxeological foundations of the ecoteology of the famous Indian thinker Prabhupada (1896-1977). These are the concepts of the createdness of nature and space, as well as the natural equality of all living beings. In a practical sense, Prabhupada supported the idea of recycling used items.

Keywords: ecoteology, A.C. Bhaktivedanta Swami Prabhupada, Hinduism, ecological crisis, theology of the 20th century.

Экология – весьма своевременная форма современной теологии, концентрирующаяся на проблемах экологического кризиса планеты с богословской точки зрения. Действительно, столь нужная в настоящее время практическая экология отчаянно нуждается в обретении ценностного фундамента. Почему нам нужно бороться за экологию и Природу? Ответ экологических теологов однозначен – ибо Природа есть Творение!

Как правило, под экологией имеют в виду именно христианскую экологию. Действительно, данная проблема в последнее время довольно сильно волнует современное христианство, доказательством чему является увеличение количества исследований [1] и статей [2], затрагивающих указанную проблематику. Так, знаменитый христианский мыслитель XX века митрополит Антоний Сурожский писал по этому поводу следующее: «Наша совесть ставит вопрос о том, что мы за последние полстолетия сделали с нашей землей. Мы все отравляем землю, отравляем воздух, все мы принимаем какое-то участие в разрушении того, что Бог создал. Дело не в том, что нам выгодно, чтобы земля была плодородна, а в том, какова наша нравственная ответственность перед миром, Богом сотворенным по любви и с любовью, миром, который Он призвал к общению с Собою» [2, с. 13]. Во многом лидерство в данном отношении сейчас принадлежит скандинавским странам с их практической заботой об экологии собственных территорий.

Однако и на Востоке, в частности, в Индии (не говоря уже о Японии), мы можем заметить некоторые характерные движения в эту сторону [3; 4]. Современный экологический кризис в Индии должен буквально заставить вспомнить такие высказывания «Рамаяны» и эпических хроник Пуран как «одно дерево тождественно десяти сыновьям» [3, р. 7] и др., подобные ему.

В такой ситуации особое внимание должно быть уделено деятелям мировой культуры, которые не только решительно высказывались в экологическом смысле, но своим примером служили делу сближения Востока и Запада. Одной из подобных фигур является Прабхупада (1896–1977) – знаменитый мыслитель, принесший учение вайшнавизма в страны Запада и на территорию современной РФ (визит в СССР состоялся в 1971 г.).

Проблемы экологии, несомненно, очень волновали Прабхупаду. В одной из своих многочисленных бесед (в данном случае, с доктором Вольфом) он высказывается по этому поводу совершенно без обиняков:

«Гость: Я имею в виду, что природа устроена как экологический баланс...

Прабхупада: Природа... Если вы будете следовать закону природы, тогда всё будет в порядке. Если вы отклоняетесь от закона природы, то получите неполноценное существование.

Гость: Но баланс природы был нарушен нами, нами... Сейчас на планете столько людей, и мы все время испытываем силы природы. Мы постоянно ограничиваем природу своими усилиями.

Прабхупада: Именно такова моя точка зрения на природу. Как только вы начинаете угнетать природу, вы становитесь ущербным. Вывод: человек должен жить гораздо более естественной жизнью» [5].

Основание экотеологических воззрений Прабхупады можно усмотреть в его известном совместном программном выступлении со знаменитым американским поэтом середины XX века – Алленом Гинзбергом (автором нашумевшей в свое время поэмы «Вопль»), состоявшемся в мае 1969 г. в университете штата Огайо, г. Колумбус. Будет интересным понаблюдать за обменом мнениями между знаменитым поэтом и успешным духовным просветителем, обеспокоенными одним и тем же обстоятельством:

«Гинзберг: Концепция Кали-юги в некотором смысле может быть интерпретирована экологически... Таково не только официальное заявление ООН; это также заявление большинства экологов, биологов и исследователей экосистем планеты, которые в настоящее время исследуют тот экологический сбой, который мы вызвали нашей жадностью и стремлением к деструктивности.

Прабхупада: Как объяснил вам поэт Гинзберг, это называется Кали-юга, или эпоха глубокой деградации. Практически мы видим, как в ООН пытаются прийти к единству всех наций, но им этого до сих пор так и не удалось. Просто увеличивается количество флагов. Вместо того, чтобы объединяться, мы поднимаем наши флаги... В материальном мире у нас есть две болезни: стремление к вещам, которыми мы не обладаем, и оплакивание того, что мы потеряли. Но на самом деле мы ничем не владеем;

все принадлежит Богу. Что бы мы ни видели вокруг, все это собственность Верховного Господа. А утверждение, что «это моя собственность», является иллюзией. На самом деле мы ничем не владеем. Итак, когда вы на самом деле приходите к духовному сознанию, вы понимаете, что вам ничего не принадлежит» [6].

Итак, центральным моментом экотеологии Прабхупады является проблема собственности. Прабхупада решительно ставит вопрос: «Кому принадлежит планета?!» И сам же отвечает: «Уж, во всяком случае, не нам, а ее Творцу, Богу». Без четкого осознания данного положения человек начинает мнить собственником именно себя, совершенно не обладая необходимой к тому квалификацией. Отсюда – экологический кризис, невероятное загрязнение окружающей среды и т.п.

Однако факт признания существования Бога, Творца и Собственника вселенной, представляет собой лишь первое положение экотеологии Прабхупады. Второй, но не менее важной концепцией является идея принятия равенства всех существ перед Творцом, что сильно отличается от концепции, заявленной в священных текстах авраамических религиозных традиций. Известно, что в христианстве и т.д. человек – венец творения, он – земной властитель, дающий имена всем существам, его душа – бессмертна в отличие от душ животных, не говоря уже о других. Напротив, в индо-буддийской культуре человек практически ничем не выделяется из общей массы живых существ, единственное его отличие – чрезвычайно высокий духовный потенциал, но ведь его еще нужно реализовать! Также несомненно, что одной из важнейших составляющих указанного потенциала является бережное отношение к Природе и любовь ко всем иным живым существам, без исключения (насекомые и растения тоже входят в этот список).

Подобная мысль ярко выражена Прабхупадой в беседе с доктором Стивеном Харрапом, здравствующим австралийским ученым-физиологом:

«Доктор Харрап: Попытка выращивать зерно на больших территориях Австралии нанесла бы значительный ущерб экологии, и, читая ваши писания, я подозреваю, что это было бы совершенно неприемлемо для вашего образа мыслей, ибо нельзя нарушать естественные жизненные циклы бесчисленных су-

ществ, чтобы выращивать больше зерна, потому что местность просто не подходит для выращивания зерна.

Прабхупада: Все это основано на заблуждении, потому что в действительности наше «Я» не является этим телом. «Я» – это духовная душа (spirit soul)... Однако люди больше подчеркивают физическое тело, а не активное начало, жизненную силу» [7].

Совсем не случайно Прабхупада использует в своем высказывании мнимую тавтологию – «духовная душа» (spirit soul). Данное словосочетание позволяет ему дистанцировать оригинальное понимание природы «души» (атман), свойственное индуизму (похожую мысль высказывал Иммануил Кант), от ее христианской трактовки (психеи). Дело в том, что, согласно индуизму, вечная душа любого живого существа идентична, различия между ними имеют место только на уровне психического и физического тел. В христианстве же вечная душа, скорее, отождествляется только с психикой человека, иные существа либо имеют примитивные (смертные) души, либо ими вовсе не обладают. Интересно, что, с другой стороны, Прабхупада полагал в качестве еще одного анти-экологического учения – дарвинизм, выводящий происхождение человека из животного состояния, ведь животное проблемы экологии или утилизации отходов совершенно не интересуют [8].

Несомненно, что для Прабхупады провозглашение равенства живых существ на планете – одна из наиболее действенных экологических методологий, препятствующая повсеместному массовому уничтожению и эксплуатации «братьев наших меньших».

Далее, для Прабхупады становится совершенно очевидным, что не только теология без экологии, но и экология без теологии не имеет действительного смысла своего существования. Экология без приставки тео- («теоэкология») настолько же непродуктивна, как и теология без приставки эко- («экологотеология»). Эту мысль он прямо высказывает в одной из своих многочисленных книг, изданных еще при жизни автора: «Закон природы устроен так, чтобы обеспечить каждое живое существо должной долей пищи и крова, но ненасытные прихоти людей нарушили порядок, установленный Всемогущим Отцом всех видов жизни. Таким же образом Бог предусмотрел достаточное количество воздуха и света, которое также необходимо. Любой может собрать любое количество соли из природного хранилища. В настоящее

время большое беспокойство вызывает тот факт, что наши природные ресурсы загрязняются и истощаются. На самом деле запасов предостаточно, но из-за неправильного использования и жадности все портится. Чего не понимают защитники природы и экологи, так это того, что все будет и дальше извращаться ненасытными вожделениями человечества, если не будет принят процесс осознания Кришны. Ни на каком уровне существования невозможно обрести покой без сознания Кришны» [9, с. 20].

Еще более конкретно и даже эмоционально Прабхупада высказывается на данную же тему в одном из своих многочисленных писем: «Мы не можем отклониться ни на дюйм, чтобы привлечь последователей философии экологии или любого другого материалистического, утопического движения» [10].

Не чуждался Прабхупада и экотеологической практики, ведь он вовсе не был исключительно теоретиком экотеологических принципов. Так, в беседе с индийскими представителями йоги и учения джайнизма Прабхупада живо и с обеспокоенностью обсуждал, насколько построенный им храм влияет на экологию занимаемой им локации [11].

Однако наиболее действенным методом экологического влияния на общество и Природу он считал процесс вторичной переработки использованных человеком изделий и т.п. Эту важнейшую экологическую стратегию Прабхупада прямо затрагивал на одной из утренних прогулок со своими многочисленными учениками, указывая на абсолютную неприемлемость использования «мусоропроизводящей» продукции:

«Ученик (1): Однако есть и другая философия. Это называется экология, она довольно популярна. Экологи говорят, что человек является частью вселенной, и что мы должны заботиться об окружающей среде, потому что в конечном итоге человек убьет себя, если не будет должным образом заботиться об окружающей среде. Люди так плохо эксплуатировали атмосферу и землю, особенно в последние двести лет, что, практически говоря, человек находится на грани самоуничтожения. Другими словами, они видят, что теперь сами стали проблемой.

Ученик (2): Экология означает, что они должны попытаться найти способы и средства избежать подобных вещей.

Прабхупада: Если они попытаются внести коррективы в материальную природу, это потерпит неудачу... Они никогда не смогут

приспособиться. Для них главное – лежать в небоскребе, вот чем они занимаются. Например, в Индии до сих пор используется металлическая посуда, и когда она ломается, вы можете продать ее. Ее берут за полцены и предлагают вам купить новую... Т.е. когда металлические кастрюли сломаны или стары, мы можем обменять их на новые изделия. А такие (пластиковые) миски придется выбросить. Вы не сможете их использовать снова» [12].

Таким образом, из высказываний и трудов Прабхупады мы можем эксплицировать достаточно стройную систему его экологии. Ее наиболее важными положениями стали: идея о Природе как Собственности, Творении Бога и одновременно идея равенства всех живых существ перед Ним. Наиболее современным и эффективным методом экологической практики Прабхупада считал принцип вторичной переработки мусоропроизводящей экологически адекватной продукции.

Библиографический список

1. Роальд Е. Кристиансен. Экология. Архангельск: Поморский гос. Ун-т им. М.В. Ломоносова, 2002. 297 с.
2. Экология. Голоса севера и юга (Сборник статей). М. 1997. 386 с.
3. Pankaj Jain. Dharma and Ecology of Hindu Communities. University of North Texas. Ashgate Publishing Limited, 2011. 213 p.
4. Кремо М., Мукунда Госвами. Божественная природа. Духовный взгляд на экологический кризис. Бхактиведанта Бук Траст, 2004. 132 с.
5. Prabhupada. Room Conversation with Dr. Wolf and Indian guests, March 2, 1975, Atlanta // Folio: Complete Works of Srila Prabhupada Pre-1978 Ed. URL: <https://prabhupada.com/Vedabase/VedaBase.html>.
6. Prabhupada. Lecture with Allen Ginsberg at Ohio State University, Columbus, May 12, 1969 // Folio: Complete Works of Srila Prabhupada Pre-1978 Ed. URL: <https://prabhupada.com/Vedabase/VedaBase.html>
7. Prabhupada. Room Conversation with Scientists (Dr. Harrap etc.), July 2, 1974, Melbourne // Folio: Complete Works of Srila Prabhupada Pre-1978 Ed. URL: <https://prabhupada.com/Vedabase/VedaBase.html>
8. Prabhupada. Morning Walk, April 20, 1973, Los Angeles // Folio: Complete Works of Srila Prabhupada Pre-1978 Ed. URL: <https://prabhupada.com/Vedabase/VedaBase.html>
9. Prabhupada. Elevation to Krishna Consciousness. The BBT, 1973. 99 p.

10. A.C. Bhaktivedanta Swami Prabhupada. Letter to: Mahadeva, 3 March, 1974 // Folio: Complete Works of Srila Prabhupada Pre-1978 Ed. URL: <https://prabhupada.com/Vedabase/VedaBase.html>

11. Prabhupada. Room Conversation with Yogi Bhajan and Jain Muni, July 21, 1975, San Francisco // Folio: Complete Works of Srila Prabhupada Pre-1978 Ed. URL: <https://prabhupada.com/Vedabase/VedaBase.html>

12. Prabhupada. Morning Walk, May 31, 1976, Honolulu // Folio: Complete Works of Srila Prabhupada Pre-1978 Ed. URL: <https://prabhupada.com/Vedabase/VedaBase.html>

УДК 321.01

**Славянский культурно-исторический тип
в работе Н.Я. Данилевского «Россия и Европа»**

Анжелика Олеговна Корчагина

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

angelika2401@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема славянской цивилизации в концепции Николая Яковлевича Данилевского. Россия противопоставляется европейской цивилизации как культурно-исторический тип. Выделяются особенности славянской цивилизации, перспективы всеславянского союза. Особое место отводится культурно-религиозному фактору объединения цивилизации, который разительно отличается от европейского варианта.

Ключевые слова: культурно-исторический тип, цивилизация, культура, религия, социально-политическое управление.

**Slavic cultural and historical type in the work
of N.Ya. Danilevsky «Russia and Europe»**

Anzhelika O. Korchagina

Altai State University, Barnaul, Russia

angelika2401@yandex.ru

Summary. The article deals with the problem of Slavic civilization in the concept of Nikolai Yakovlevich Danilevsky. Russia is opposed to European civilization as a cultural and historical type.

The features of the Slavic civilization, the prospects for an all-Slavic union are highlighted. A special place is given to the cultural and religious factor of the unification of civilization, which is strikingly different from the European version.

Keywords: cultural-historical type, civilization, culture, religion, socio-political management.

В XIX в Российской империи особенно остро стоял вопрос о выборе пути развития государства. Значительная часть образованного общества разделилась на западников и славянофилов. Первые выступали за европейский способ развития, видя в Западе образец для подражания. Вторые подчеркивали целесообразность собственного пути России. Данилевский также задавался этими проблемами, которые изучал с позиции исторического и цивилизационного подходов.

Обосновывая свои выводы, Данилевский приводит примеры присоединения к России территорий Финляндии, Польши, Закавказья. Философ категорически отвергает мнение о завоевательной политике Российской империи. «Россия – колоссальное завоевательное государство, беспрестанно расширяющее свои пределы, и, следовательно, угрожает спокойствию и независимости Европы. Это – одно обвинение. Другое состоит в том, что Россия будто бы представляет собой нечто вроде политического Аримана, какую-то мрачную силу, враждебную прогрессу и свободе» [1, с. 28]. Россия не проводит завоевательную политику, а оказывает им помощь, даже если это не выгодно самой России, утверждал Данилевский. Империя стремилась восстановить справедливость, вернув, например, Польше, ее прежние права.

Философ открыто выражал свое мнение против слияния России и Европы. Россия не относится к Европе, поскольку не участвовала в создании европейской культуры, имеет свои особенности развития. Объединение принципиально различных цивилизаций невозможно.

В сочинении Данилевского ясно прослеживается мысль о враждебности Европы России. Он высмеивал политиков, мечтающих о включении России в состав Европы, ведь российская империя стоит намного выше по своему уровню культуры, достигла большего. Объединение с Европой будет только мешать

развитию России, приведет к упадку государства. Представление о том, что Европа представляет собой прогресс, а Восток – регресс, ошибочно.

Ученый дает обоснование различий России и Европы. В центре – противодействие двух миров, что объясняется различными друг от друга культурно-историческими типами. Культурно-исторический тип включает систему взглядов, которая определяется различными условиями существования одного народа или нескольких, близких между собой по традициям, верованиям. Таких типов Данилевский выделил десять: египетский, китайский, ассирийско-вавилонско-финикийско-халдейский (древнесемитический), индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, новосемитический (аравийский), германо-романский (европейский). Они формировались постепенно, каждый вносил что-либо новое в мировое устройство. Данные типы независимы и замкнуты, но ни один из них не лучше другого. Каждый формировался на своей территории, что обуславливает их различия в историческом пути, вероисповедании, образцах социального поведения. Все они уникальны и, что особенно важно, не могут переноситься на другие территории. Насильственная пересадка одной культуры в другую недопустима, о чем неоднократно говорит Данилевский [1].

Особое значение Данилевский придавал германо-романскому и славянскому типам. Они наиболее перспективны, а отечественное славянство в будущем займет место павшего германо-романского типа. Перед Россией стоит задача – спасти славянские страны от раздоров, объединить их в единое по вероисповеданию государство. Это приведет к падению Европы, цель которой прямо противоположна – разбить Россию, не дать ей укрепить свои позиции. Такое государство будет иметь высокий религиозный потенциал, что поможет спасти культурные ценности славянства. При этом речь не идет о порабощении стран с отличными от славянского культурно-историческими типами, любая цивилизация имеет право на существование. Каждая культура несет в себе уникальные ценности, от которых нельзя отказываться [2].

Данилевский определил модель управления, соответствующую славянским государствам. Власть должна быть централизо-

ванной, если существует угроза со стороны соседей. Допускается федеративное устройство при отсутствии внешних опасностей [1].

Неограниченная монархия – единственная форма правления, которая подходит России, по мнению философа. Правитель должен обладать всей полнотой власти, но не распространять ее на духовную сферу общества. Именно культура всегда выступала основой социально-политического управления. Власти нельзя отклоняться от религиозных традиций, это может привести к внутреннему расколу. Западные элементы власти, такие как конституция и парламент, не приживутся на русской почве.

Ученый особенно подчеркивал тот факт, что государству нельзя ограничивать общественную свободу. Действие вызывает противодействие, поэтому агрессивное давление на общество со стороны правительства недопустимо ни при каких условиях. Гораздо эффективнее сочетать разумную политику проведения реформ с сильной государственной властью. Мыслитель вновь подчеркивает, что подражание Европе, с ее политическим радикализмом, России категорически не подходит. Общество должно развиваться естественно и постепенно, без резких скачков [3].

У каждого культурно-исторического типа имеются свои цивилизационные основания (язык, культура, религия), которые не передаются другим цивилизациям. В цивилизацию входят независимые государства со своей территорией, это позволяет избежать подавления одного народа другим. Цикл жизни цивилизации ограничен во времени.

Цивилизация имеет свой путь развития, отсюда и возникают конфликты между государствами. Особенно это касается Европы, которая проводила насильственную политику завоевания.

Ученый выделил особую славянскую цивилизацию с соответствующим культурно-историческим типом. В ее центре находится Россия, к ней присоединяются славянские народы, греки и румыны. Россия с точки зрения религии является хранителем православных ценностей, вместе с Грецией. Традиционно в славянских странах жизнь общества основывалась на религиозных традициях, поэтому отказ от них недопустим для властных структур.

Русский народ готов жертвовать личными интересами во благо других, при этом избегая большого ущерба для себя. Это говорит о потенциале в использовании государственных ресур-

сов. Общественно-экономический строй нашей страны также стабилен. Культурная деятельность способна к большим достижениям, что указывает на необходимость России быть в центре Всеславянского союза.

Социально-политическое управление в славянском культурно-историческом типе должно основываться на следующих элементах: абсолютная монархия; централизация власти; ведущая роль Церкви; участие граждан в принятии важных политических решений.

Данная концепция получила распространение во второй половине XIX в., в настоящее же время, в период глобализации, российское общество все чаще смотрит на Запад, который для многих представляет идеал, в том числе и государственного устройства. С другой стороны, многие представители правящей и культурной элиты сейчас говорят о возможности возвращения России к имперскому типу государственности.

Исходя из взглядов Данилевского, социально-политические принципы управления западных держав не приживутся в России, так как в нашей стране другие ценности и идеалы, значительно отличающиеся от европейских. Отношение Запада к России никогда не изменится, несмотря на помощь со стороны России в освобождении ряда европейских государств от фашизма во времена Второй мировой войны.

Воплощение модели социально-политического управления, организованного по Данилевскому, на современном этапе невозможно в полной мере, хотя определенные его составляющие будут актуальны еще очень долго. Так, идея сочетания развитого гражданского общества и централизации власти рассматривается в политической теории многих стран.

Библиографический список

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа М.: АСТ, 2019. 704 с.
2. Бажов С.И. Философия истории Н.Я. Данилевского. М.: ИФ РАН, 1997. 216 с.
3. Ахиезер А.С., Ильин В.В. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М.: Издательство МГУ, 2000. 301 с.

УДК 930.35

**Евразийский федерализм: теоретические основы,
возможности реализации на практике, перспективы
функционирования**

Екатерина Александровна Сулова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
kate98-12@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические основы евразийства, федерализма, евразийского федерализма и показаны связи между ними. Упомянуты исследователи, изучавшие проблематику евразийства и евразийского федерализма. Проанализированы возможные пути реализации политико-правового проекта евразийского федерализма и перспективы его осуществления.

Ключевые слова: евразийство, федерализм, евразийский федерализм, политико-правовой проект, эволюция государств.

**Eurasian federalism: theoretical foundations, possibilities
of implementation in practice, prospects of functioning**

Ekaterina A. Suslova

Altai State University, Barnaul, Russia
kate98-12@mail.ru

Summary. The article examines the theoretical foundations of Eurasianism, federalism, and Eurasian federalism and shows the interrelationships between them. It lists researchers who studied the problems of Eurasianism and Eurasian federalism. The possible ways of realization of the political and legal project of Eurasian federalism and the prospects for its implementation are analyzed.

Keywords: eurasianism, federalism, Eurasian federalism, political and legal project, evolution of the state.

Евразийство – первоначально идейно-мировоззренческое, затем идейно-политическое течение русской эмиграции 1920-х – 1930-х гг., истоки которого уходят в славянофильство. В его основе лежала концепция Евразии, как самостоятельного «географического и исторического мира», то есть, по сути, отдельной

цивилизации, созданная плеядой выдающихся общественных и политических деятелей и ученых. Среди них были Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский, Н.Н. Алексеев и другие. Их труды, посвященные данной тематике, содержат комплексные междисциплинарные исследования, выполненные на стыке нескольких научных дисциплин: истории, географии, философии, права, лингвистики, культурологии, политологии и др. Несмотря на свое исчезновение в конце 30-х гг. XX в., евразийство возродилось в работах авторов конца XX в. (А.Г. Дугина, А.С. Панарина, В.Я. Пашенко, Р.Р. Вахитова и др.) [1; 2].

Федерализм – теория и практика создания целостного союзного государства, образованного из ряда политически и юридически равнозначных частей (квази-государств) на основе общих интересов, исторических судеб, договорных конституционных отношений. Управление единым государственным целым может осуществляться по принципу федерации, предполагающему тесную взаимозависимость входящих в него субъектов, или по принципу конфедерации, предполагающему автономию субъектов союза [3]. Как не раз уже упоминалось автором в других его публикациях, есть множество примеров разнообразия региональных политико-правовых систем в рамках Российской империи в период XIX – начала XX вв., причем как в европейской ее части, так и в азиатской [4]. Кроме того, существовали планы закрепить упомянутое разнообразие законодательно, о чем свидетельствуют правительственные и общественные конституционные проекты первой четверти XIX в. (М.М. Сперанского, Н.М. Муравьева, др.) и иные малоизвестные конституционные проекты 60-х гг. XIX в. (Н.А. Орлова, Л.П. Блюммера, др.) [5].

Но что же такое «евразийский федерализм»? А.Г. Дугин описывает его сущность следующим образом: «Каждый субъект евразийской федерации является суверенным и по отношению к другим субъектам, и по отношению к федеральному центру в том, что касается организации своего внутреннего бытия. Ограничение этой суверенности начинается только там, где затрагивается стратегическая область, и волеизъявление субъекта Федерации начинает входить в противоречие с объективными геополитическими интересами всей Федерации в целом» [6].

Иными словами, «евразийский федерализм», в его понимании, – теория создания целостного союзного государства, образованного из ряда политически и юридически равнозначных частей (государств, находящихся на территории Евразии) на основе общих интересов, исторических судеб, договорных конституционных отношений. Управление единым государственным целым осуществляется по принципу конфедерации, предполагающему автономию субъектов союза. Данная концепция базируется на трех основных идеях: необходимость перехода от «вестфальской эпохи» к новой в силу изменившихся цивилизационных условий (глобализации, постмодерна, информационного общества); признание теории политико-правовой интеграции в качестве одной из наиболее адекватных моделей эволюции национальных государств; необходимость введения «народа» в качестве самостоятельного субъекта государственно-правовых отношений параллельно с соответствующими изменениями политико-правового режима. Первыми шагами к ее реализации принято считать: создание межгосударственных сообществ и организаций, таких как ЕвразЭС, ОДКБ, ШОС и др.; отказ от принципа постимперской легитимности, согласно которому границы РФ после распада СССР, соответствующие весьма условному делению административно-территориальных единиц в рамках бывшего союзного государства, считаются окончательными и естественными; признание возможности для РФ сохранить реальный суверенитет только при условии дальнейшего геополитического расширения своих границ, за счет укрепления и увеличения числа межгосударственных связей со странами евразийского континента и, в первую очередь, со странами бывшего Советского Союза; признание народов и этносов России в качестве самостоятельных субъектов федеративных отношений – автономий, но без какой-либо их привязки к конкретной территории [7].

Несмотря на неугасающий интерес к евразийству в целом и «евразийскому федерализму» в частности, данный проект до сих пор не реализован в полной мере и не исчерпал своего практического потенциала. Поэтому автору хотелось бы внести предложение, которое, возможно, поспособствует развитию

«евразийского федерализма». Поскольку анализируемый политико-правовой проект направлен на создание конфедерации на территории Евразии, то для его реализации в полном объеме, по мнению автора, было бы перспективно изучить и адаптировать для своих целей политико-правовой опыт, накопившийся у стран участниц АСЕАН. Вся деятельность АСЕАН базируется на двух принципах: «Единство в разнообразии» и «Асеаноцентричность». Первый подразумевает, что лидеры АСЕАН неизменно исходят из того, что необходимо развивать региональное сотрудничество, но не доводить его до полной интеграции. Второй означает лидирующую роль АСЕАН в региональной архитектуре безопасности. Чтобы защитить свои интересы и сохранить мир и безопасность в регионе, АСЕАН ведет политику балансирования между крупными игроками, используя противоречия между ними для реализации стратегического курса на «асеаноцентричную» интеграцию в Юго-Восточной, а затем, не исключено, что и во всей Восточной Азии. Данная политика получила название «вовлечение и управление рисками» [8]. Специалисты в сфере международных отношений классифицируют АСЕАН, как ассоциацию, но с оговоркой, ведь ассоциация – это объединение, союз, заключаемый для достижения общих политических, экономических, социальных целей, оформляемый соответствующим межгосударственным договором. Но в ассоциации существенно ограничивается суверенитет ее членов, в АСЕАН же, напротив, суверенитет стран-участниц остается неприкосновенным.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод: адаптация описанного политико-правового опыта для полноценной реализации проекта «евразийского федерализма» возможна и принесет неопределимую пользу как России в частности, так и всему мировому сообществу. Так как это позволит создать крупнейший межгосударственный союз (конфедерацию), на территории которого будет создано единое политико-правовое, социально-экономическое и культурное пространство, позволяющее увеличить уровень благосостояния его граждан. А у России, как у крупнейшего государства Евразии, есть все необходимое, чтобы стать мировым лидером и привнести максимум

стабильности во взаимоотношения между странами, как на евразийском континенте, так и на мировой арене.

Библиографический список

1. Евразийство // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/187285.html>

2. Самохин А.В. Концепции политического устройства России в классическом евразийстве // Локус: люди, общество, культуры, смыслы М., 2010. №2. С. 98–106

3. Федерализм // Новая философская энциклопедия. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/1482/federalizm.htm>

4. Сулова Е.А. Сегменты федеративного устройства в политической системе Российской Империи // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы Девятой Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Барнаул, 21–22 июня 2018 г. / Под ред. М.А. Широковой, А.В. Иванова. Барнаул, Изд-во АлтГУ, 2018. С. 162–166.

5. Сулова Е.А. Российский федерализм история и современность // Россия в XXI веке: стратегия и тактика социально-экономических, политических и правовых реформ: Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых (22–23 апреля 2021 г.). Барнаул: Алтайский филиал РАНХиГС, 2021. С. 835–836.

6. Дугин А.Г. Евразийский федерализм // Философия права. Ростов, 2001. №2(4). С. 75–79.

7. Шаповалова Т.Н. Евразийский федерализм: контуры политико-правового проекта федерализма // Философия права. Ростов, 2006. №3(19). С. 100–101.

8. Локшин Г.М., Кобелев Е.В., Мазырин В.М. Сообщество АСЕАН в современном мире. М.: ИД «ФОРУМ», 2019. 296 с.

СЕКЦИЯ 2

Влияние социальных институтов на интеграционные и дезинтеграционные тенденции в трансформации евразийского социокультурного пространства: опыт России и других стран

УДК 316.752

Феномен магистральных традиций

Евгений Александрович Тюгашев

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет, Новосибирск, Россия
filosof10@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы выделения магистральных традиций как основы институционального дизайна. Перечень таких социокультурных традиций для каждого социума невелик (не более 5-6 традиций). Они транслируют культурно оптимальные образцы (модели, нормы) поведения, которые и следует рассматривать как базовые ценности традиции.

Ключевые слова: институционализм, социальный институт, традиция, магистраль, ценности.

The phenomenon of trunk traditions

Evgeniy A. Tyugashev

Novosibirsk National Research State University,
Novosibirsk, Russia
filosof10@yandex.ru

Summary. The article deals with the problems of distinguishing the main traditions as the basis of institutional design. The list of such socio-cultural traditions for each society is small (no more than 5-6 traditions). They transmit culturally optimal patterns (models, norms) of behavior, which should be considered as the basic values of tradition.

Keywords: institutionalism, social institution, tradition, trunk, values.

В институциональном анализе признано, что основу многих социальных институтов составляют обычаи, традиции, ценности. Это верно и для традиционных обществ, и для обществ эпохи модерна. Данные детерминирующие факторы предлагается учитывать не только в виде рамочных условий, но в качестве социокультурной матрицы и ресурса в иницилируемых институциональных изменениях.

Так, например, Э.Д. Дагбаев отмечал, что политико-институциональная система, сконструированная с учетом этнических политических традиций, обеспечивает стабилизацию и дееспособность политической власти, относительно динамичный рост экономического потенциала [1, с. 169–170]. Поэтому длительные этнические политические традиции он оценивал в качестве принципиального фактора институционального дизайна.

Сегодня под традицией часто понимают любое устойчивое социальное явление (традиция демократии, традиция свободы и т.п.). Говоря о национальных политических традициях, Э.Д. Дагбаев выделяет устойчивые схемы (модели, практики) взаимодействий, которые специфичны для «монгольских» регионов и реализуются в любых формальных организационных рамках и которые выступают всего лишь средой и средством осуществления и продолжения традиции. Следовательно, он использует более узкое понимание традиции, подразумевающее сохранение на протяжении длительного времени конкретных моделей поведения. Такое понимание, на мой взгляд, более операционально и позволяет отличать традицию от иных устойчивых социальных форм.

Традиции дифференцируют не только по сфере их существования, но и по степени их значимости для социума. Различают великие, большие и малые традиции, генеральные и частные, центральные и периферийные, главные и подчиненные, первичные и производные (вторичные и т. д.), основные и дополнительные (факультативные) традиции. Но наряду с ними перспективным представляется выделение магистральных традиций.

Термин «магистральная традиция» впервые использовал, по видимому, М.М. Бахтин, который писал: «Нас интересовала лишь магистральная традиция народно-праздничного смеха, подготовлявшая Рабле (и вообще Ренессанс), и ее постепенное

затухание в последующие два века» [2, с. 133]. В современной научной литературе термин «магистральная традиция» используется редко. Судя по различным контекстам употребления термина, традиция данного типа воспринимается как существующая исторически длительное время и сравнительно мощная. Другие традиции по сравнению с ней оцениваются как малозначимые.

В естественном языке магистраль характеризуется как главный (или основной) путь (направление движения), связывающий центры (узловые точки). Магистраль обеспечивает высокую скорость (интенсивность) движения какого-либо ресурса. Благодаря высокой мощности по магистрали движется основной объем данного ресурса.

В панорамном видении исторического процесса традиция – от ее начала до возможного завершения – вполне может быть представлена как движение передачи исторического наследия. В диахронии это действительно траектория (путь) развития. В связи с этим привлекает внимание экономико-математическое понятие магистрали – траектории максимального сбалансированного роста, стационарной оптимальной траектории [3, с. 177]. Это путь развития, на котором теоретически за длительное время достигается максимальная скорость роста экономики. Обычно наиболее экономичная вариация движения отбирается и становится магистралью развития. Уход с магистрали возможен, но при стабильности условий окружающей среды неизбежно возвращение на магистраль. В целерациональной деятельности рекомендуется выход на магистраль, а затем уход с нее для достижения поставленной цели.

Очевидно, что не все традиции можно оценивать как магистральные. А некоторые известные традиции (например, конфуцианская традиция десяти тысяч поколений) действительно обладают свойствами магистрали. Наряду с конфуцианством, в духовной культуре Китая параллельно развивались сопоставимые по значимости традиции даосизма и легизма. Поэтому можно говорить о существовании нескольких магистральных традиций в одной национальной культуре. Перечень таких социокультурных традиций для каждого социума невелик (не более 5–6 традиций). Они транслируют культурно оптимальные образцы (модели, нормы) поведения, которые и следует рассматривать как базовые ценности традиции.

По-видимому, необходимо отличать консолидированные магистральные традиции от повседневно-бытовых традиций или, например, от внешне похожих христианской или буддийской традиций. Ввиду неопределенности признаков демаркации магистральных традиций, последние пока можно выделять только интуитивно. Одним критериев демаркации может являться наличие фиксированного комплекса передаваемых ценностей, подобно пяти конфуцианским постоянствам (человечность, искренность и т.д.).

При реализации предлагаемого подхода свод ценностей конкретного социума становится вполне обозримым и исторически конкретным. Удастся избежать обычного произвола и потенциальной «дурной бесконечности» в выделении ценностей. Ценность – не просто любое явление действительности. Каждое явление представляет ценность только при определенном способе обращения с ним, а этот способ как раз выражен и закреплён в традиции.

Сложность представляет распознавание как конкретных социокультурных традиций, так и их базовых ценностей. Применительно к российскому обществу признано существование только двух соперничающих магистральных традиций – кирилло-мефодиевской и киево-печерской традиций. Кроме того, параллельно развивались софийская традиция (представленная, в частности, иосифлянством) и святогорская традиция (представленная, например, нестяжателями). В качестве самостоятельной и значимой упоминается домостроевская традиция. Указанные традиции характеризуются фиксированными комплексами ценностей, сопоставимыми с основными ценностями конфуцианства [4]. Межкультурная сопоставимость ценностей магистральных традиций позволяет надеяться на продуктивный диалог в евразийском социокультурном пространстве.

Библиографический список

1. Дагбаев Э.Д. Национальные традиции в политико-институциональной системе «монгольских» регионов // Политическая наука. 2009. № 2. С. 154–170.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 4(2): «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965). «Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смехо-

вая культура)» (1940, 1970). Комментарии и приложение. М.: Языки славянских культур, 2010. 752 с.

3. Лопатников Л.И. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. М.: Дело, 2003. 520 с.

4. Тюгашев Е.А. Конфуцианская и кирилло-мефодиевская традиции: сравнительный аксиологический анализ // Историко-культурное наследие России и Китая: вопросы изучения, сохранения и развития: сборник материалов международной научно-практической конференции (Краснодар, 26 мая 2021 г.). Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2021. С. 173–176.

УДК 316.3

**«Национальный вопрос» и закат глобализма:
цивилизационная перспектива**

Елена Анатольевна Ерохина

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия
leroh@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы достижения технологического и гуманитарного суверенитета России в контексте текущего цивилизационного сдвига. Выявлена роль постсоветского пространства в трансформационных процессах. Сделан вывод о необходимости преодоления европоцентризма в отношениях со странами Ближнего зарубежья.

Ключевые слова: цивилизационная перспектива, национальная идентичность, глобализация, трансформация.

**The «National Question» and the decline of globalism:
Civilizational Perspective**

Elena A. Erokhina

Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
leroh@mail.ru

Summary. The problems of achievements of the technological and humanitarian sovereignty of Russia in the field of studying the civilizational movement are considered. The role of the post-Soviet space

in the transformation processes is revealed. It is concluded that it is necessary to eliminate the Eurocenter in relations with the countries of the Near Abroad.

Keywords: civilizational perspective, national commitment, globalization, transformation.

Одной из самых острых проблем, вызванных закатом глобализма, является проблема переоценки современных представлений о политической суверенности. Начиная со второй половины XX века глобализм, как система блокового противостояния и взаимного сдерживания, получил широкое распространение, побеждая национализм. Под национализмом мы понимаем комплекс идеологических представлений и политических практик, направленных на достижение и сохранение самоуправления и независимости от имени группы, члены которой считают, что она образует действительную или возможную «нацию» [1, с. 343]. Специфическими атрибутами нации считаются единый общенациональный рынок; гражданское сообщество («народ»), признающее легитимность государства, обладающего правом «на законное насилие» от имени «народа»; наличие политических институтов современного государства, позволяющих осуществлять контроль над определенной территорией и населением. Национализм стремится утвердить культурную однородность, унифицировать и стандартизировать культурное многообразие локальных, этнических и региональных сообществ за счет создания общей системы образования, единой системы налогообложения, всеобщей воинской повинности и др. Национализм обосновывает легитимность современного государства необходимостью защищать народ и культуру, от имени которых оно действует. Национализм через повседневные практики, включающие личность в систему образования, трудового найма, во взаимодействие с административными и политическими институтами, СМИ, трансформирует простые и естественные привязанности, такие, как любовь к семье, малой родине, обычаям среды, в приверженность абстрактным идеалам, таким, например, как служение Отечеству.

Отказ от национализма, культивирование космополитической идеологии, частичное делегирование ответственности суверенных национальных государств международным объединениям не остановил даже распад СССР. Его недолгий подъем благодаря усилиям советской номенклатуры и партийной бюрократии завершился образованием постсоветских и постсоциалистических государств. Они, в свою очередь, с разной степенью успешности поспешили стать частью глобального мира. Нужно сказать, что иной перспективы на рубеже XX и XXI веков не существовало.

Либеральная концепция «конца истории» Ф. Фукуямы идеологически только усилила позиции глобалистов [2]. ВТО, Всемирный банк, МВФ и другие структуры, выступающие с позиций суперобъединений, наращивали наступление на национальные суверенитеты отдельных стран. И новая Россия не оказалась исключением. Она вполне благополучно вписалась в международный миропорядок на правах региональной державы полупериферийного статуса.

Крах глобализма предсказывали консерваторы в лице С. Хантингтона, левые и представители анархической мысли [3]. Труды последних менее известны у нас в силу господствовавшего до недавнего времени в российском обществе антиреволюционного консенсуса. И, конечно, классик миро-системного анализа, недавно ушедший И. Валлерстайн, также говорил о надвигающемся кризисе [4].

Нужно отметить, что самими глобалистами эта проблема также была осознана, достаточно вспомнить Давосский форум-2020 года и предложенную К. Швабом концепцию капитализма с «человеческим лицом». При этом накануне, летом 2020 года, весь мир был свидетелем гражданского противостояния в самом центре мировой капиталистической миросистемы, в США. Речь идет о движении BLM.

Приоритет национального суверенитета возвращается в практиках санитарно-цифрового регулирования в период пандемии КОВИД-19. Оказалось, что его обеспечение зависит в значительной мере от состояния науки и технологий в отдельных странах.

В 2022 существующее в политологии понятие суверенности дополнилось еще одним новым смыслом, пониманием национального суверенитета как технологической самодостаточности.

9 июня 2022 спецпредставитель Президента по вопросам цифрового и технологического развития Дмитрий Песков обозначил четыре возможных сценария для России: возвращение к национализму, зеленый посткапитализм, островизация и полураспад. Первый и четвертый вариант видятся как пессимистичные. В качестве самого реального и перспективного он обозначил третий, понимая под островизацией «конец глобальной системы безопасности XX века, перезагрузку глобальных технологических рынков, национализацию техстандартов, релокацию производства критических товаров» [5].

Примечательно, что один из самых реальных сценариев отсылающих к концепту «острова Россия», возвращает к наследию В.Л. Цымбурского. В его концепции Россия и Европа представляют собой отдельные цивилизации со своими орбитами тяготения. В этой концепции «русский мир» освобождается от сугубо этнической трактовки, поскольку включает в свое пространство народы, тяготеющие к российской цивилизации. В этом случае не только народы РФ, но и население стран Ближнего зарубежья, ориентированное на Россию, сохраняя свой политический суверенитет, будет стремиться остаться в ее цивилизационном поле [6].

Так же, как у Цымбурского, у Пескова «островизация» не равнозначна изоляции. Напротив, это обладание неким «обменным фондом», который позволит создавать цепочки ценностей. Ключевым условием достижения технологического суверенитета является суверенитет когнитивный, обладание собственными смыслами развития и способностью конструировать тот образ будущего, который видится желательным. Чтобы избежать когнитивных ловушек, этот образ должен быть основан на хорошо осмысленных целях будущего развития, фундирован в систему цивилизационного самоопределения. В постсоветский период эта проблема была осмыслена в дискуссиях между сторонниками европейского выбора и почвенниками.

Представляется, что внедренное Песковым в инновационный дискурс понятие когнитивного суверенитета не может серьезно обсуждаться вне достижения суверенитета гуманитарного. Это означает, что сама Россия, уровень ее технологического развития и образования, жизненные стили и практики социального поведения ее граждан должны вернуть привлекательность, как для ее ближних соседей, так и для самих россиян.

Ближайшее окружение России – постсоветские независимые государства Центральной Азии и Закавказья, с которыми Россия делит общий евразийский дом. Это огромный рынок и множество ресурсов для построения желаемого будущего: сырьевых, финансовых, человеческих. На протяжении многих столетий образ России как «недоевропейской» страны довлеет в сознании западных элит, что стало препятствием для интеграции России в социокультурное пространство Европы. Россия сегодня должна избежать подобной ошибки по отношению к постсоветским странам, перенося на них аналогичный образ, несущий негативные колониальные коннотации. Это означает, что ей предстоит выстраивать отношения с этими странами как принципиально партнерские, а не патерналистские.

Библиографический список

1. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Практикс, 2004. 458 с.
2. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.
3. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 635 с.
4. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. М.: Логос, 2004.
5. Дмитрий Песков. Почему для России важен технологический суверенитет. РБК. Газета, № 077. 10 июня 2022. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/06/10/62a0e95b9a79472d8b713207>
6. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы (1993–2006). М.: РОССПЭН, 2007. 543 с.

УДК 316.3

**Цивилизационная идея и логики ее трансформации
в условиях современных глобализационных процессов:**

опыт России и Европы

Мария Рудольфовна Зазулина

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

zamashka@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности процесса формирования цивилизационной идентичности в различных условиях (Россия и Европа). Выделены общие тенденции в формировании цивилизационной идентичности: конструктивизм, политизация и ее выстраивание по отношению к институту национального государства. Сделан вывод о том, что разница в стратегиях выстраивания цивилизационной идентичности в России и Европе определяется формирующимися отношениями между цивилизационной идентичностью и институтом национального государства.

Ключевые слова: цивилизационная идентичность, глобальная идентичность, национальная идентичность, глобализация, трансформация.

**The civilizational idea and the logic of its transformation in the
conditions of modern globalization processes:**

the experience of Russia and Europe

Mariia R. Zazulina

Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

zamashka@yandex.ru

Summary. The features of the process of formation of civilizational identity in various conditions (Russia and Europe) are considered. The general trends in the formation of civilizational identity are highlighted: constructivism, politicization and its building in relation to the institution of the national state. It is concluded that the difference in the strategies of building civilizational identity in Russia and Europe is determined by the emerging relations between civilizational identity and the institution of the national state.

Keywords: civilizational identity, global identity, national identity, globalization, transformation.

Характерной чертой культурных и политических процессов, протекающих в последние десятилетия по всему миру, выступает возрождение интереса к цивилизационной идее. Распад государств Восточного блока сделал актуальным мышление в цивилизационных терминах, наиболее ярким проявлением которого можно считать появление программной работы С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Возрождение интереса к евразийству, произошедшее после развала Советского Союза также может рассматриваться в подобном ключе. Апелляция к идее цивилизационной общности на фоне развала общности политической предлагала достойную замену в виде концепции культурного единства, сложившегося естественно-исторически. Использование цивилизационной идеи, таким образом, может рассматриваться как один из факторов, позволивших сохранить и реконструировать на новых основаниях интеграцию государств и обществ, находящихся на территории евразийского региона. В европейском регионе создание такого надгосударственного объединения, как Евросоюз, также можно интерпретировать как попытку формирования общеевропейской цивилизационной общности.

Сравнение процессов возрождения цивилизационной парадигмы мышления в России и в Европе показывает, что для них характерны как общие, так и специфические черты. С одной стороны, и в России, и в Европе формирование идеи цивилизационной общности имеет специальный, запланированный характер. Цивилизационная общность и цивилизационная идентичность в данном случае рассматриваются как предмет и цель конструирования [1]. Оценивая процессы формирования идентичности, Ф. Фукуяма заметил, что в современном мире имеет место «политика идентичности», то есть идентичность оказывается «результатом намеренного социального творчества» [2].

Еще одной характерной чертой современности является политизация цивилизационной идентичности, то есть использование ее в качестве ресурса для укрепления политического единства или достижения политических интересов. Стоит также от-

метить, что формирование цивилизационной идентичности осуществляется в тесной связи с идентичностью национально-государственной. Отмеченная особенность характерна и для России, и для Европы, однако стратегии выстраивания отношений между идеей цивилизации и идеей национального государства оказываются различными.

В России происходит слияние цивилизационной идентичности с национально-государственной и формирование единой национально-цивилизационной идентичности. Современные исследователи отмечают, что речь идет об особом понятийном единстве, которое содержит не просто образ чистой национальной идентичности, а «представление об особой российской национально-цивилизационной общности» [3, с. 108].

Цивилизационная идентичность встраивается в национальную, легитимируя ее, но одновременно используя ее как ресурс поддержания собственной значимости и определенную гарантию от угроз со стороны глобализации. Именно в этом ключе необходимо интерпретировать концепцию государства-цивилизации, высказанную в 2013 г президентом России В.В. Путиным на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» [4], и вновь упомянутую им в ходе интервью 2020 г. [5]. В этом же ключе можно рассматривать содержательные изменения в современной концепции евразийства, отмечаемые исследователями, и, в частности, введение в нее экономического компонента [6]. Использование понятия «национально-цивилизационная идентичность» научным сообществом также может интерпретироваться как переосмысление соотношения понятий «цивилизационная» и «национально-государственная» идентичности в направлении их слияния и взаимной легитимации. Можно также утверждать, что становление подобного типа идентичности не является общемировой тенденцией и связано с позиционированием России как особого государства-цивилизации.

В Европе современные процессы конструирования европейской идентичности имеют транснациональный характер и направлены на формирование наднациональных общеевропейских институтов. Цивилизационная идентичность надстраивается над национальной, фактически становясь транснациональной идентичностью. Евросоюз, как политическое объединение, стоящее

во главе формирующейся цивилизационной общности, постепенно объединяет экономическое и социальное пространство европейских государств (единая валюта, единая торговая и экономическая зона, обеспечение возможности для беспрепятственного передвижения, работы и учебы внутри ЕС) и берет на себя решение все большего количества стратегических вопросов, соответственно, уменьшая уровень компетенции национальных государств. При этом исследователи отмечают, что в основе европейской интеграции лежит два противоречащих друг другу теоретических посыла: «Согласно первому европейская интеграция рассматривается как составной элемент процесса глобализации, согласно второму – как попытка противостояния отрицательным последствиям этого процесса. У каждой есть свои сторонники и противники» [7, с. 229]. Выстраивание европейской цивилизационной общности в данном случае можно рассматривать, как попытку со стороны европейских политиков контролировать происходящий процесс глобализации путем сознательного конструирования наднациональной общности в крупном географическом регионе, в котором существуют сообщества, имеющие много общих культурных, исторических, социальных черт. Однако с такой точки зрения формирование цивилизационной общности действительно видится лишь этапом на пути к выстраиванию общности глобальной.

Неоднозначное понимание цивилизационной идеи подразумевает широкие возможности ее использования в политических целях. Американский социолог Р. Брубейкер в одной из своих последних работ показывает, что в странах Северной и Западной Европы имеет место переход от национализма к «цивилизационизму», то есть идентификации себя прежде всего в цивилизационных терминах. Этот переход обусловлен представлением о цивилизационной угрозе со стороны ислама и шире – миграционным кризисом. При этом для вновь формирующегося цивилизационного дискурса характерно соединение христианской идентичности с секуляристской и либеральной риторикой [8]. Такую позицию разделяют многочисленные европейские исследователи, которые отмечают, что современный цивилизационный дискурс в Европе был относительно недавно создан европейскими правыми популистскими партиями на волне исламо-

фобии и используется ими для расширения своего электората [9]. При этом само понятие Европы как цивилизационной общности представляет собой практически неисчерпаемый идеологический ресурс, допускающий множественные интерпретации [10].

В целом, опыт конструирования цивилизационной идентичности в России и в Европе не остается на уровне идей, а закрепляется с помощью политических институтов (институционализируется в виде альянсов и соглашений). Но в силу различных отношений с институтом государства, легитимация цивилизационного дискурса происходит в одном случае за счет государства (Россия), а в другом – за счет гражданского общества и его институтов (Европа). Обе продемонстрированные логики трансформации цивилизационной идентичности под влиянием глобализации, при ближайшем рассмотрении имеют много общего. Они не столько противоречат друг другу, сколько заставляют задуматься о смысле и последствиях происходящих процессов – особенностях трансформации цивилизационной идеи в условиях наступления глобализации, а также о необходимости, возможности и границах сознательного конструирования социокультурных феноменов.

Библиографический список

1. Фадеева Л.А. Проблема идентичности в сравнительной политологии // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 134–139.
2. Fukuyama F. The Challenges for European Identity. // Global Journal (January 11, 2012). URL: <https://theglobaljournal.net/article/view/469/>
3. Пантин В.И. Представления об «особом пути» и формирование национально-цивилизационной идентичности в постсоветской России // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2005. № 3(40). С. 108–116.
4. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243>.
5. Путин назвал Россию отдельной цивилизацией. // Коммерсантъ (17.05.2020). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4347719>.

6. Кайзер М., Кляйнеберг М. «Евразия» – фантом или реальная модель развития России? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 4. С. 82–97.

7. Лыкошина Л.С., Ясиньска-Каня А. Меняющаяся идентичность европейцев: глобальная, европейская, региональная и локальная // Россия и современный мир. 2005. № 4(49). С. 228-230.

8. Brubaker R. Between Nationalism and Civilizationism: The European Populist Moment in Comparative Perspective // Ethnic and Racial Studies. 2017. vol. 40 (8). p. 1191–1226.

9. Kaya A., Tecmen A. Europe versus Islam? Right-Wing Populist Discourse and the Construction of a Civilizational Identity // The Review of Faith & International Affairs. 2019. vol. 17. no 1. P. 49–64.

10. Lorimer M. Europe as ideological resource: the case of the Rassemblement National // Journal of European Public Policy vol. 27. no. 9. P. 1388–1405.

УДК: 304.2

**Роль института культуры в становлении
этнической и цивилизационной идентичности**

Светлана Александровна Мадюкова

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия
sveiv7@mail.ru

Аннотация. В статье дается обоснование институционального понимания культуры. Рассматривая культуру (на примере этнокультуры) как социальный институт в широком (совокупность норм, правил, традиций и ритуалов, регламентирующих жизнь и поведение людей) и в узком (конкретные организации, которые осуществляют функции сохранения, передачи и развития культуры и культурно значимых явлений) смысле, автор интерпретирует евразийскую цивилизацию как синтез этнических культур с близким ценностным ядром, возникший в процессе межэтнических взаимодействий субъектов макрорегиона, что актуализирует значимость евразийской цивилизационной идентичности в эпоху глобальных трансформаций современного миропорядка, в рамках которых актуализируется не только сим-

биоз и синтез близкородственных культур, но также противостояние и отторжение культур чужеродных.

Ключевые слова: социальный институт, культура, этнокультура, традиция, цивилизационная идентичность, этническая идентичность.

**The role of the institute of culture
in the formation of ethnic and civilizational identity**

Svetlana A. Madyukova

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
sveiv7@mail.ru

Summary. The article provides a rationale for the institutional understanding of culture. Considering culture (on the example of ethnoculture) as a social institution in a broad (a set of norms, rules, traditions and rituals that regulate the life and behavior of people) and in a narrow (specific organizations that carry out the functions of preserving, transmitting and developing culture and culturally significant phenomena) sense, the author interprets the Eurasian civilization as a synthesis of ethnic cultures with a close value core, which arose in the process of interethnic interactions between the subjects of the macroregion, which actualizes the significance of the Eurasian civilizational identity in the era of global transformations of the modern world order, within which not only the symbiosis and synthesis of closely related cultures is actualized, but also the confrontation and rejection of alien cultures.

Keywords: social institution, culture, ethnoculture, tradition, civilizational identity, ethnic identity.

Анализ влияния социальных институтов на интеграционные и дезинтеграционные тенденции в трансформации евразийского социокультурного пространства является значимой научной темой в современном отечественном социогуманитарном дискурсе. Традиционно под социальным институтом понимается некий относительно устойчивый компонент общественной жизни, в широком смысле представляемый как комплекс социальных норм и правил, а в узком – как комплекс конкретных социаль-

ных структур (организаций), в рамках которых такие нормы и правила создаются, поддерживаются и транслируются. Соответственно, социальный институт в таком понимании является системным социальным образованием с устойчивой структурой.

Относить ли культуру к таким социальным институтам – вопрос дискуссионный, однако, стоит отметить, что истоки институционального понимания культуры восходят к трудам американского социального антрополога, культуролога Б. Малиновского, который в статье «Культура» (1931) отмечает, что «реальные составные части культуры, имеющие значительную степень постоянства, универсальность и независимость, – это организованные системы человеческой деятельности, называемые институтами. Каждый институт выстраивается вокруг той или иной фундаментальной потребности, перманентно объединяет группу людей на основе какой-то совместной задачи и имеет свою особую доктрину и особую технику» [1, с. 622].

Институт культуры в научных исследованиях зачастую интерпретируется именно в узком смысле и подразумевает конкретные организации, которые осуществляют функции сохранения, передачи и развития культуры и культурно значимых явлений. К таким институтам относят, например, музеи, библиотеки, театры, общества по охране культурного наследия и т.д.

Однако понимание культуры как социального института в широком смысле также имеет право на существование. В данном случае, культуру можно понимать, как исторически сложившуюся совокупность норм, правил, способов реализации определенной культурной функции. При этом она может возникать «стихийно» и не регулироваться каким-то конкретным социальным органом или учреждением. В таком широком понимании к институту культуры можно отнести традиции, разного рода ритуалы, а также, например, локальные культурные нормы и многое другое. При этом исследователи отмечают, что «понятие института культуры охватывает не только коллективы людей, занятых тем или иным видом культуротворческой деятельности, но и сам процесс создания культурных ценностей и процедуры исполнения культурных норм» [2, с. 316].

Как представляется, этническая культура может считаться структурным элементом, ядром социального института культу-

ры в широком смысле, как совокупности этнокультурных традиций, обрядов и ритуалов, а в узком смысле она институционализована посредством конкретных организаций, осуществляющих функции по ее сохранению и трансляции. Такой институт является, с одной стороны, устойчивым образованием, формируемым под влиянием геоклиматических условий. Здесь мы можем вспомнить, что еще С.М. Соловьев в книге «История России с древнейших времен» писал: «Однообразие природных форм... ведет народонаселение к однообразным занятиям; однообразие занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях» [3, с. 56]. Однако одновременно данный институт является исторически изменчивым, под влиянием динамики развития культуры в процессе межэтнических взаимодействий. Элементы одной этнокультуры включаются в качестве новационной компоненты в другую этнокультуру, адаптируются в ней и либо принимаются и становятся ее составной частью, либо, в ходе проверки на соответствие ценностному ядру этнической культуры, отвергаются и не включаются в нее. Именно в результате таких постоянных взаимодействий и обновлений мобилизуется потенциал систем другого уровня, а именно – цивилизационно-культурных, происходит активизация не только этнического, но и надэтнического, цивилизационного самосознания в ходе переосмысления и принятия (закрепления) или неприятия (отторжения) культурных норм, практик, традиций другого локального (этнического) сообщества.

В данной работе мы акцентируем влияние института культуры на становление как этнической, так и цивилизационной (в первую очередь евразийской) идентичности наряду с географическими, экономическими, политическими и другими факторами, которые могут оказывать такое влияние. В современности можно говорить о смещении границ соотношения этнического и интернационального (универсального в формах закрепления и трансляции социокультурного опыта). При этом если этнокультура остается фундаментом этнической идентичности, то восприятие других культур через призму собственных ценностей является тем фильтром, который определяет, что культура x является близкородственной культуре y , а ценностное ядро культуры z полностью не соответствует ядру культуры x .

В современных исследованиях принято выделять три типа межкультурных контактов: прямое противостояние и отторжение чужеродной культуры, симбиоз и синтез – такой результат взаимодействия культур, который порождает нечто принципиально новое, несводимое к содержанию одной из культур – участников взаимодействия. Как представляется, евразийская цивилизация является ярким примером такого синтеза культур, обладая собственными, качественно отличными от отдельных ее компонентов устойчивыми социокультурными, материальными и духовными характеристиками. При этом нужно понимать, что цивилизационная идентичность выражает некий общий духовный социокультурный коллективный тип социальной идентичности, являющийся «и формой культурно-исторического самосознания, и чувства принадлежности личности к определенной макрообщности, объединяющей народы целых стран и континентов на основе единых социокультурных кодов (наборов символов, ценностей и идейных установок), играющих роль абсолютов в социализации, консолидации и солидарности» [4, с. 245].

Цивилизационная идентичность на современном этапе мирового развития приобретает важное и принципиально новое значение, поскольку ее актуализация связана с потребностью осмысления глобальных событий, когда важно понимать различия или сходства как внутрицивилизационные, так и между цивилизациями. Сейчас большую популярность обретает анализ перехода от однополярного к многополярному миру, кризиса глобализации и формирования нового постглобального мироустройства, где, на наш взгляд, именно евразийская цивилизационная идентичность с необходимостью должна занять своё значимое место. Справедливо мнение А.В. Иванова о том, что «осознание Россией себя в качестве евразийской цивилизации будет способствовать преодолению западнических утопий и налаживанию продуктивного культурного диалога не только с другими странами, входящими в единый евразийский мир, но и поможет выбрать верные векторы взаимодействия со странами Востока, прежде всего с Индией и Китаем» [5, с. 158]. Еще С. Хантингтон в книге «Столкновение цивилизаций» писал: «В новом мире центральным фактором, определяющим симпатии и антипатии страны, станет культурная идентичность...» [6, с. 185]. Соответ-

ственно, общность базовых культурных ценностей в рамках евразийской цивилизационной идентичности становится значимым стабилизирующим фактором в процессе формирования нового мироустройства.

Библиографический список

1. Malinovski V. Culture. In Encyclopedia of the Social Sciences. Macmillan. 1931. Vo I. 4. P. 621–646.

2. Теория культуры / Под ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова. СПб. Питер, 2008. 592 с.

3. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. М.: Мысль, 1988. 797 с.

4. Мишучков А.А. Цивилизационная идентичность в системе общенациональной безопасности России // Вестник ОГУ. 2014. №11 (172). С. 244–249.

5. Иванов А.В. Евразийская цивилизационная идентичность российской и монгольской молодежи // Идеи и идеалы. 2015. № 4(26). С. 149–158.

6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.

УДК 321.02; 303.01

Институционализация этничности в социально-гуманитарных интерпретациях

Ольга Алексеевна Персидская

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

olga_alekseevna@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена теме институционализации этничности и ее интерпретациям в современном социально-гуманитарном знании. Показано, что в академических исследованиях данная тема в основном сфокусирована на институциональных аспектах закрепления этничности в политическом курсе. Выдвинуто предположение, что в рамках такой исследовательской оптики не может быть описан весь спектр механизмов инкорпорации этничности в политический процесс. Предложены теоретико-методологические и практико-ориентированные расширения, заключающиеся в установке на широкое понима-

ние института, опоре на синтетические подходы в трактовке этнических феноменов и ориентации на разные с точки зрения этнического состава регионы.

Ключевые слова: институционализация этничности, институт, интерстициальное возникновение, институциональные факторы, внеинституциональные факторы.

Institutionalization of Ethnicity in Social and Humanitarian Interpretations

Olga A. Persidskaya

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
olga_alekseevna@mail.ru

Summary. The work is devoted to the topic of institutionalization of ethnicity and its interpretations in modern social and humanitarian knowledge. It is shown that in academic studies this topic is mainly focused on the institutional aspects of ethnicity in the political course. It has been suggested that in this way the entire spectrum of mechanisms for the incorporation of ethnicity into the political process cannot be described. Theoretical-methodological and practice-oriented extensions are proposed, which consist in setting on a broad understanding of the institution, relying on synthetic approaches in the interpretation of ethnic phenomena and focusing on regions that are different in terms of ethnic composition.

Keywords: institutionalization of ethnicity, institution, interstitial emergence, institutional factors, non-institutional factors.

Феномен институционализации этничности в социальных науках часто используется для сопряжения тем этничности и политики. Как правило, его интерпретация связана с осмыслением институциональных аспектов закрепления этничности в политическом курсе и выявлением форм и способов инкорпорации этнического фактора в политический процесс [1]. Теоретические основания значительной части исследований фундированы институциональным подходом и/или теорией сетей. Первый раскрывает значение этничности как политического фактора через формы ее институционализации посредством таких аген-

тов, как государственные структуры, общественные движения, этнические активисты и др. [2]. Второй подход сосредотачивает внимание на каналах взаимодействия между субъектами институционализации, выявляя характеристики политических сетей [3, с. 15].

Отмечая актуальность, теоретико-методологическую проработанность и практическую значимость существующих исследований институционализации этничности, выделим несколько значимых, наш взгляд, проблем, которые могут ограничивать исследование темы, а также обозначим пути их решения, кажущиеся нам уместными.

Первая проблема касается широкого и узкого определений центрального понятия «институт». Исследования часто строятся на узком понимании института как «правового и организационного закрепления сложившихся в обществе форм поведения, отношений и т.д.», в то время как дополнительные опции, открываемые широкой трактовкой института как «образования стабильных образцов социального взаимодействия, основанного на формализованных правилах, законах, обычаях и ритуалах» [здесь и выше см.: 4], зачастую остаются не достаточно раскрытыми, хотя и обещают значительные перспективы для социально-гуманитарного теоретизирования и практики.

Для решения такого затруднения нам видится актуальным отказ от понимания института как статичной, завершенной в правовом и организационном оформлении структуры и перенос внимания на процесс трансформации институтов под влиянием внеинституциональных факторов. Такую теоретическую установку использует, например, М. Манн [подробнее см. 5]. Он объясняет механизм институционализации через многообразие социальных отношений, возникающих «вокруг наиболее мощных организационных средств», которые постепенно упорядочиваются, объединяясь в «широкие институциональные сети детерминированных стабильных форм» [6, с. 49]. Своеобразным антагонистом институционализации выступает концептуализированный М. Манном феномен интерстициального возникновения, то есть превращение человеческих целей в организационные средства. Результатом интерстициального возникновения является появление конкурирующих конфигураций в рамках

существующих институционализированных сетей. Складывающиеся зачастую стихийно объединением усилий отдельных людей интерстициальные процессы обеспечивают трансформацию существующих институтов и смену устаревших на новые. Такая теоретическая рамка, на наш взгляд, позволяет расширить понятие институционализации и учитывать одновременно как ее макроуровень, который включает узкое понимание института как организационно закреплённых форм отношений, так и микроуровень социальных взаимодействий, являющихся основой как поддержки, так и трансформации институтов, что позволяет рассматривать его в широком понимании.

Вторая проблема исследований институционализации этничности связана с тем, что практически все они фундированы конструктивистским и инструменталистским подходами. Такая оптика позволяет авторам утверждать, что «этнические группы и нации не являются заранее заданными и статичными формами человеческого коллектива» [7] и эффективно описывать действия заинтересованных этнических агентов. Однако, по нашему мнению, такая ситуация приводит к существенным ограничениям, порождая «неспособность включить в единый концептуальный каркас факторы устойчивости и изменчивости этнических границ и этнических идентичностей, многообразие социальных, политических и культурных контекстов и функций этничности, различие и преемственность исторических и современных форм этнического» [8, с. 165]. Суть нашей исследовательской позиции состоит в понимании этничности как значимого солидаризирующего социального признака, а этнической группы – как общности, основанной на чувстве солидарности. Мы принимаем посылку, что разделяемая причастность к этнической группе способна побуждать и к эмоциональным, и к рациональным действиям. В рамках такой синтетической позиции допустимо рассматривать в качестве значимых как примордиалистские, так и конструктивистские и инструменталистские взгляды на сущность этнических феноменов и факторы институционализации этничности.

Третья проблема имеет отношение к пространственной привязке ряда практических исследований институционализации этничности: наиболее распространённым эмпирическим объектом в исследованиях выступают «национальные» регионы. Та-

кая избирательность внимания исследователей продуцирует ситуацию исключенности других, не национальных, а образованных по территориальному признаку регионов из области научной рефлексии. Мы считаем, что в регионах с преобладающим русским населением, где «этнический вопрос», казалось бы, не стоит столь остро, задача гармонизации межэтнических отношений не является менее важной, чем в национальных республиках, а процессы институционализации этничности тоже идут, пусть и не столь ярко, но с присущей им спецификой, выявление которой является актуальной задачей. В особенном внимании нуждаются крупные города и мегаполисы, испытывающие последствия миграционного прироста и сезонной миграции.

Мы попытались обобщить наиболее распространенные подходы и практики исследования институционализации этничности. Они позволяют представить этнические группы в качестве сегментов политики, но ими не может быть исчерпан весь потенциал способов и механизмов инкорпорации этничности в политический процесс. В этой связи предлагаемые нами теоретико-методологические расширения, заключающиеся в установке на более широкую трактовку понятия «институт», опоре на синтетические подходы в трактовке этнических феноменов и ориентации на разные с точки зрения этнического состава регионы, как представляется, могут быть полезны для дальнейшего развития темы.

Библиографический список

1. Lieberman E. S., Singh P. The Institutional Origins of Ethnic Violence // *Comparative Politics*. 2012. Vol. 45. No 1. P. 1–24.
2. Осипов А.Г. Механизмы институционализации этничности // Фадеева Л.А., Осипов А.Г., Пономарев С.В., Подвинцев О.Б., Горшков А.С., Красникова Л.М., Данилова Г.А., Назукина М.В., Сулимов К.А., Кравченко П.В., Пунина К.А., Семененко И.С., Шевцова И.К. Сообщества как политический феномен. М.: Издательство «Политическая энциклопедия». 2009. С. 202–222.
3. Богомолова И.Г. Политико-правовое регулирование региональными этнополитическими процессами (на примере Карачаево-Черкесской республики и Ставропольского края). Автореф. дисс. канд. политол. н. Ставрополь. 2006. 27 с.

4. Институт // Энциклопедия социологии. Сост. Антипази А. URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/index.htm>.

5. Персидская О.А. Когерентность социальных процессов в топиках социального порядка и беспорядка: к концепту интерстициального возникновения // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 81–86.

6. Манн М. Источники социальной власти. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н. э. М.: РАНХиГС, «Дело». 2018. 760 с.

7. Malešević S. Identity as Ideology: Understanding Ethnicity and Nationalism. 2006. London: Palgrave Macmillan. 253 p.

8. Боров А.Х., Думанов З.Б. Теории этничности и этнических конфликтов: современные тенденции // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2013. № 5 (55). С. 164–171.

УДК 364.24, 364.042

**Деятельность национально-культурной организации
Новосибирска по социальной поддержке
монгольских студентов**

Дмитрий Викторович Ушаков

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия
ushakovdmiriii@mail.ru

Аннотация. В статье дается обзор процесса создания, целей и направлений деятельности региональной общественной организации города Новосибирска – Монгольского национально-культурного центра «Найрамдал – Дружба». Он организован как отклик на актуализацию социально-экономических, этнокультурных и деловых связей с монгольской стороной. Особо акцентируется миссия Центра в социокультурной адаптации монгольской студенческой молодежи к российской действительности, в организации мероприятий культурного межнационального общения.

Ключевые слова: Россия, Монголия, национально-культурная организация, социокультурная адаптация, студенческая молодежь.

**Activities of the national cultural organization
for the social support of Mongolian students**

Dmitry V. Ushakov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

ushakovdmitrii@mail.ru

Summary. The author gives an overview of the process of creation, goals and activities of the regional public organization of the city of Novosibirsk - the Mongolian National Cultural Center «Nai-ramdal – Friendship». It is organized as a response to the actualization of socio-economic, ethno-cultural and business ties with the Mongolian side. The author emphasizes the mission of the Center in the socio-cultural adaptation of the Mongolian student youth to the Russian reality, in the organization of events of cultural interethnic communication

Keywords: Russia, Mongolia, national cultural organization, socio-cultural adaptation, student youth.

В последнее десятилетие Россия и Монголия стали активно проявлять взаимную заинтересованность в развитии социально-экономических, этнокультурных, научно-образовательных, деловых связей и всестороннего сотрудничества. Данная тенденция проявляется и на региональном уровне, в том числе применительно к Новосибирску и Новосибирской области, что нашло отражение в создании здесь российско-монгольской региональной общественной организации. Этому предшествовало несколько политических и культурных событий общероссийского и регионального масштаба.

Значительной вехой развития российско-монгольских отношений стало участие в сентябре 2014 года Президента Российской Федерации в праздновании 75-летней годовщины победы советско-монгольских войск над японскими захватчиками на р. Халхин-Гол. Важным результатом этой встречи явилась ратификация решения об отмене визового режима между Россией и Монголией. Интенсивность контактов и взаимных встреч усилились, значительно увеличилось и количество монгольских

студентов, поступивших в новосибирские вузы. Так, Россией в 2014 г было выделено 350 квот, т.е. бюджетных мест, для монгольских студентов, а в 2021 – уже 600 мест, при этом 117 из них – в вузах Новосибирска.

В 2018 г. только в восьми вузах Новосибирска (СГУПС, НГАУ, НГТУ, НГУ, НГУЭУ, НГАСУ, СГУГиТ, НГМУ) проходили обучение около 250 монгольских студентов и аспирантов, а к 2022 г. их количество достигло около 350 чел.

Другим важным событием стало подписание 4 октября и ратификация 5 октября 2015 года соглашения о побратимстве городов Новосибирска и Улан-Батора. На встрече, которая проходила в Новосибирске, присутствовали мэры городов, главы и депутаты муниципальных законодательных органов власти, представители разных организаций, деятели культуры, науки, образования и спорта обоих городов. Договор о побратимских отношениях предполагал сотрудничество по направлениям градостроительства, модернизации ЖКХ, сельского хозяйства, науки, образования, здравоохранения, туризма и некоторых других отраслей. Тогда и было задумано создание российско-монгольской общественной организации в Новосибирске.

Новосибирская региональная общественная организация «Монгольский национально-культурный центр Найрамдал (Дружба)» была создана в сентябре 2018 г. с целью оказания помощи и содействия муниципальным органам г. Новосибирска в реализации положений, изложенных в Соглашении от 05.10.2015 г. «О побратимстве городов Улан-Батора и Новосибирска».

Основными направлениями деятельности Центра со студенческой молодёжью являются следующие:

- Знакомство с лидерами студенческого и земляческого движений. Языковая поддержка. Преодоление чувств одиночества, ностальгии незащищённости и оторванности от Родины, привычного сообщества, родителей и близких.
- Поддержка молодежи в социально-бытовой и нормативно-юридической сферах.
- Ответственность за благополучие учебного процесса и успеваемость.

- Создание условий для раскрытия творческого потенциала, возможностей в развитии и трансляции собственной национальной культуры (фольклор, спорт, кулинария, просветительская деятельность и др.).

- Развитие коммуникативных способностей, содействие общению с представителями других народов и культур, проживающих в городе Новосибирске и Новосибирской области.

- Содействие знакомству нынешних студентов с потенциальными работодателями в России и в Монголии с целью раскрытия возможностей в продолжении карьеры.

- Выработка установок признания ценности своей национальной культуры наряду с пониманием, уважением и признанием ценности культур других народов.

Далее приведу примеры конкретных формы работы и проведенных мероприятий.

В своей многоплановой деятельности Центр делает упор на работу со студенческой молодежью. Попадая в Россию, приезжая в такие крупные города, как Новосибирск, где концентрируются вузы, промышленное производство, торговля, транспорт с достаточно сложной инфраструктурой, молодой человек вдали от семьи и традиционного уклада обычно испытывает серьезные трудности.

Будучи оторванными от привычной социокультурной среды, вчерашние школьники не слишком уютно ощущают себя в новых условиях, испытывают потребность в преодолении чувства одиночества, ностальгии и отдаленности от Родины, привычного сообщества, родителей и близких. Иногда сказываются недостатки языковой подготовки, определенное стеснение, сомнения в правильности произношения и понимания в общении с представителями администраций, обслуживающим персоналом и преподавателями вузов. Порой возникают также сложности коммуникации с другими студентами иной этнической принадлежности. В этой связи Монгольский национально-культурный центр «Найрамдал» осуществляет поддержку в коммуникативных и социально-бытовых вопросах, а также в сфере нормативно-юридической защиты монгольских студентов.

Созданию условий для раскрытия творческого потенциала молодых людей, возможностей в их развитии и трансляции собственной национальной культуры способствовали организация и проведение культурных мероприятий и праздников. Среди них следует отметить активное участие монгольских студентов в праздновании Международного женского дня 8 марта, в котором принимают участие многие студенты из восьми новосибирских вузов. Совместно с монгольскими студентами проводится и празднование Нового года.

Центр организовал целый ряд мероприятий для укрепления у молодежи установок в признании ценности своей национальной культуры, наряду с пониманием, уважением и признанием ценности культур других народов. Мероприятия проводились в разных Домах культуры и вузах. Осуществлялась и другая просветительская работа. Совместно с руководством Новосибирской Центральной библиотеки им. Бажова был организован «День дружбы Новосибирск – Улан-Батор», посвященный развитию монгольского языка и знакомству широкого круга читателей с монгольской культурой и литературой.

Работа общественной организации способствовала развитию коммуникативных практик, содействовала общению монгольской молодежи с представителями других народов и культур, проживающих в Новосибирске и Новосибирской области. Представители центра «Найрамдал (Дружба) неоднократно участвовали в праздновании Дня национального единства 4 ноября в ДК «Железнодорожников» и в других мероприятиях. 9 мая в 2018, 2019 и 2022 гг., монгольские студенты вместе с новосибирскими принимали участие в демонстрациях, посвященных Победе в Великой отечественной войне, а также в акциях Бессмертного полка.

В доковидный период на базе спорткомплекса НГТУ была проведена серия спортивных соревнований «Сибирская Дружба» между монгольскими студентами, обучающимися в вузах Сибирского Федерального округа (г. Томск, г. Омск, г. Барнаул и г. Новосибирск). Состязания проводились по пяти видам спорта: баскетбол, волейбол, настольный теннис, шахматы и шашки.

Центр неоднократно помогал администрациям вузов в развитии сотрудничества в сфере образования с региональными ад-

министрациями Монголии. Были организованы деловые встречи с официальными делегациями из разных областей (аймаков) Монголии.

Проводились приемы официальных делегаций руководства Сухэ-Баторского, Ховдского и Говь-Алтайского аймаков с представителями новосибирских вузов. В ходе конкретных встреч с официальными делегациями заключены двусторонние договоры о сотрудничестве между следующими организациями: Новосибирским государственным аграрным университетом и Администрацией Ховд аймака (области); Сибирским университетом потребительской кооперации и Департаментом культуры Ховд аймака; Новосибирским государственным университетом архитектуры, дизайна и искусств и Администрацией Говь-Алтай аймака; Новосибирским государственным техническим университетом и Администрацией Говь-Алтай аймака.

В 2019 г. Президент РФ В. В. Путин вновь посетил г. Улан-Батор, где в своей речи констатировал, что российско-монгольские отношения вышли на качественно новый уровень, и достигли признания обеими странами стратегического партнёрства. В феврале 2020 г. намечались новые деловые и культурные встречи, но из-за начала эпидемии коронавируса они были отменены, границы закрыты. По причине пандемии и закрытия границ 2020 и 2021 годы стали достаточно тяжелым испытанием для сотрудничества наших стран. Большинство студентов и аспирантов вынуждены были вернуться в Монголию, обучение проводилось в онлайн-режиме.

Резко сократилось количество контактов между членами национально-культурного центра и представителями монгольского сообщества за рубежом, хотя контакты в онлайн-режиме продолжались.

С 30 апреля 2022 г. границу между Россией и Монголией вновь открыли. В настоящее время Национально-культурный центр «Найрамдал (Дружба)» продолжает свою работу, помогает в адаптации студентам, налаживает общение между гражданами наших стран, знакомит жителей города с культурой монгольского народа, помогает представителям отечественного бизнеса налаживать деловые контакты с монгольскими коллегами.

УДК 327.7

Политический тренд евразийской интеграции

Ирлан Жангазыевич Искаков

Университет при МПА ЕврАзЭС, Санкт-Петербург, Россия

iiel2002@mail.ru

Аннотация. В статье актуализируется усиление политической составляющей регионального интеграционного процесса. Охарактеризовано современное состояние евразийской интеграции. Подчеркивается влияние исторического опыта классического евразийства и значение распада СССР. Рассматривается роль политических элит новых евразийских государств в обеспечении их устойчивого развития и национальной безопасности. Выделено значение получения зарубежного образования молодыми акторами политической жизни независимых государств. Обозначена возможная перспектива дальнейшего развития политического партнёрства государств-участников Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: евразийская экономическая интеграция, политическое партнёрство, политические элиты, перспективы развития.

The political trend of Eurasian integration

Irlan Zh. Iskakov

University associated with the IPA of EurAsEC,

Saint Petersburg, Russia

iiel2002@mail.ru

Summary. The article updates the strengthening of the political component of the regional integration process. The current state of Eurasian integration is characterized. The influence of the historical experience of classical Eurasianism and the significance of the collapse of the USSR are emphasized. The role of the political elites of the new Eurasian states in ensuring their sustainable development and national security is considered. The importance of obtaining foreign education by young actors in the political life of independent states is highlighted. A possible prospect for the further development

of the political partnership of the member states of the Eurasian Economic Union is outlined.

Keywords: Eurasian economic integration, political partnership, political elites. development prospects.

Современный мир переживает сложный период появления и развития политических, экономических, социокультурных процессов, вызванных, в частности, глобализационными кризисами. Особое место в этом принадлежит интеграционным процессам регионального характера, имеющим исторический потенциал развития. На эти процессы оказывают воздействие разнообразные факторы, не только экономические, но также политические и социокультурные. Особую роль играет становление евразийского коммуникационного пространства, существенно влияющего на все стороны жизни общества и государства. Академик С. Ю. Глазьев постоянно подчёркивает, что развивающийся процесс евразийской интеграции в условиях формирования шестого технологического уклада настоятельно требует соединения науки и образования как базиса экономики знаний [1, с. 3–9]. Это относится и к России, и к другим евразийским государствам, участвующим в региональном интеграционном процессе. Сегодня евразийская интеграция – не только хозяйственная интеграция, но процесс экономического взаимодействия в сочетании с приемлемым для стран-участниц политическим партнёрством. Ряд экспертов полагает, что региональный интеграционный процесс приобрёл форму договорного взаимодействия.

Многие теоретики и практики, работающие над углублением этого процесса, регулярно отмечают: в условиях перехода в новый мирохозяйственный уклад необходимо возникают новые черты в эволюции евразийской интеграции, вследствие чего она на данном этапе превратилась в сложную систему интеграционных взаимоотношений на евразийском пространстве. В. Е. Фролов выделил в этой системе два условных уровня: двустороннее сотрудничество между государствами и взаимодействие в рамках многосторонних интеграционных проектов [2]. К первому виду относится сотрудничество Российской Федерации и Республики Беларусь, закреплённое Договором о создании Союзного государства, а ко второму – Евразийский экономический союз (ЕАЭС), объединяющий пять государств: Рес-

публику Армению, Республику Беларусь, Республику Казахстан, Киргизскую Республику и Российскую Федерацию.

Нам представляется важным подчеркнуть усиление политического тренда в процессе евразийской интеграции, что наиболее ярко проявилось в сопряжении инициативы КНР «Экономический пояс Шёлкового пути» и деятельности Евразийского экономического союза. Этот межрегиональный проект вносит существенные изменения в политическую ситуацию на континенте и представляет геополитический ракурс регионального интеграционного процесса. Благодаря развитию данного проекта укрепилось положение евразийских государств на международной арене, в мировом политическом пространстве. А это уже предмет изучения представителями политической науки.

Здесь можно вспомнить, что классическое евразийство в качестве одной из причин своего возникновения имело произошедшее в начале XX века изменение политического ландшафта на евразийском континенте. Российскую империю сменил Советский Союз, продолживший традицию совместной политической жизни евро-азиатских народов в рамках крупных государственных объединений. В результате сложились политические традиции, отражающие долговременный характер взаимодействия малых и больших евро-азиатских народов в разных сферах жизнедеятельности названных империй. В их число входят традиции политического взаимодействия в рамках единого государства, совместная борьба против иностранных агрессоров, совместный опыт политического развития.

После распада СССР постсоветские республики стремились дистанцироваться от советской державы, но одновременно понимали необходимость сохранения и поддержания хозяйственных связей. По этой причине первый президент Казахстана Н.А. Назарбаев во время визита в Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова высказал идею евразийской экономической интеграции, которая со временем получила название «прагматичное евразийство Назарбаева». Успешное развитие экономической интеграции требует политического согласия. Невозможно отрицать тот факт, что в современных условиях интеграционные процессы на евразийском пространстве обуславливаются также имеющимися геополитическими тенденциями глобального и регионального развития.

К их числу следует отнести возникновение новых центров силы и влияния в мировом сообществе, конкурентную борьбу различных региональных интеграционных объединений, теперь ещё и новые события международной повестки. Особое место в эволюции евразийской интеграции занимают новые политические элиты, постепенно сменяющие (частично уже сменившие) старую политическую номенклатуру. В политологической лексике появилось понятие «стабильность политических элит в процессе интеграции», ряд учёных работает над обоснованием его применимости при изучении процессов евразийской интеграции.

Роль элит определяется целями, которые они перед собою ставят, а также направлениями социально-культурного и политического продвижения, что они выбирают для своего государства. Качество национальной элиты во многом оказывает влияние на успешность эволюции региональной интеграции. В процессах политической трансформации, политической консолидации, в формировании новых политических элит можно наблюдать как общие, так и особенные черты. Казахские исследователи считают, что процессы элитообразования в постсоветских государствах имеют сходные черты, обусловленные общим историческим прошлым и схожестью политических систем [3]. Особенности проявились в том, что в Евразии постепенно стали складываться проамериканские, проевропейские, протурецкие элитные группы. Свою роль в этом процессе сыграло получение профессионального образования в американских, западноевропейских и азиатских университетах. Евразийские государства изначально часто пытались добиться нужного для себя результата посредством обретения выгодного (по их мнению) внешнего союзника, но западные страны стратегически незаинтересованы в формировании Евразии как конкурентоспособного политического целого.

Исследователи подчёркивают сегодня усиление позиций региональной элиты, выступающей влиятельным элементом социальной структуры общества. Важным фактором деятельности региональных элит считается наличие средств влияния на массовое политическое сознание, включая нормы электорального поведения. Исследователи регионального интеграционного процесса обращают внимание на то, что часто собственные интересы элит противоречат задачам, которые стремится решить государ-

ство. Такого рода противоречие проявляется и в решении задач дальнейшего развития евразийской интеграции. Подобная позиция отчётливо видна в перманентной борьбе элитных группировок за властные и экономические ресурсы, когда национально-государственные интересы чаще всего отходят на второй план.

На основании результатов исследований можно сделать вывод, что создание ЕАЭС позволяет решить ряд важнейших внешнеполитических задач государств – членов Союза: укрепление их внешнеполитических позиций и на глобальном, и на региональном уровнях; создание оптимальных условий для объединения усилий данных государств с целью обеспечения региональной и национальной безопасности; эффективное и оптимальное развитие их экономического потенциала; возможность занимать более выигрышную позицию в диалоге с третьими странами. Государства-участники ЕАЭС в современных реалиях приходят к осознанию и принятию того неопровержимого факта, что выжить и овладеть будущим сегодня можно только вместе, «большим воспроизводственным пространством». Как верно сформулировано в одном из исследований, время ныне выдвинуло свой ультиматум: либо вместе и в собственное будущее, либо порознь, но без своего будущего.

Библиографический список

1. Глазьев С.Ю. Интеграция науки и образования как основа эволюции Евразийского союза // Интеграция науки и образования как основа эволюции Евразийского экономического союза: сб. ст. из материалов Евразийского научного форума 08 декабря 2017 г. / Общ. научн. ред. М.Ю. Спириной. Часть II. СПб.: Университет при МПА ЕврАзЭС, 2018. С. 3–9.

2. Фролов В.Е. Политические аспекты интеграционных процессов в евразийском регионе URL: <https://www.dissercat.com/content/politicheskie-aspekty-integratsionnykh-protsessov-v-evraziiskom-regione?ysclid=13vyn4pbyu>.

3. Шакирбаев С. Формирование и развитие политических элит на постсоветском пространстве URL: <http://www.kisi.kz/ru/categories/politicheskaya-modernizaciya/posts/formirovanie-i-razvitie-politicheskikh-elit-na-postsovet>.

УДК 316.334

**Механизмы сотрудничества России и Узбекистана
в сфере высшего образования**

Александр Сергеевич Гонашвили

Университет при МПА ЕврАзЭС, Санкт-Петербург, Россия

nauka9iiel@univevrases.website

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы взаимодействия и сотрудничества российских и узбекских университетов. Основной акцент делается на анализе институциональных форм сотрудничества в сфере высшего образования между двумя странами.

Ключевые слова: Высшее образование, сотрудничество, университет, институциональные формы взаимодействия, подготовка научно-педагогических кадров.

**Mechanisms of Cooperation between Russia and Uzbekistan
in Higher Education**

Aleksandr S. Gonashvili

University associated with the IPA of EurAsEC,

Saint Petersburg, Russia

nauka9iiel@univevrases.website

Summary. The article deals with the mechanisms of interaction and cooperation between Russian and Uzbek universities. The main focus is on the analysis of institutional forms of cooperation in the field of higher education between two countries.

Keywords: Higher education, cooperation, university, institutional forms of interaction, training of scientific and pedagogical staff.

Подписание 27 июля 1995 года соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о сотрудничестве в области высшего образования положило начало интенсивному развитию сотрудничества между двумя странами в этой сфере [1]. В последнее время в научно-образовательной среде Узбекистана возрос интерес к вопросам сотрудничества отечественных университетов с ведущими российскими вузами. Совместная деятельность российских

и узбекских университетов является ключевым фактором укрепления дружеских контактов и взаимопонимания между нашими странами, укрепления взаимовыгодного сотрудничества высших учебных заведений в области высшего образования для повышения эффективности учебно-методической и научно-исследовательской работы.

В целях улучшения системы высшего образования и совершенствования подготовки научно-педагогических кадров в соответствии с приоритетными задачами социально-экономического развития страны, обеспечения необходимых условий для подготовки специалистов с высшим образованием в соответствии с международными стандартами 20 апреля 2017 года Президентом Республики Узбекистан Шавкатом Мирзиевым было подписано Постановление «О мерах по дальнейшему развитию системы высшего образования» [2].

Учитывая современную тенденцию осуществляемых реформ в сфере высшего образования, университеты Узбекистана стремятся к интеграции в образовательное пространство мирового сообщества. В настоящее время Россия и Узбекистан делают все возможное для комфортной работы вузов. Для Узбекистана важно обеспечить и качество высшего образования, поэтому сотрудничество между российскими и узбекскими университетами позволит создать конкурентоспособную образовательную среду. В связи с этим ключевыми факторами являются:

- более тесное и интенсивное сотрудничество, в том числе в сфере обмена передовым научным опытом и инновациями в области профессиональной подготовки кадров;
- установление и развитие научных связей между российскими и узбекскими учеными;
- обмен научными и практическими достижениями.

В целях кардинального улучшения качества подготовки квалифицированных кадров, обладающих комплексными знаниями в области высшего образования в соответствии с международными стандартами, ускоренного развития науки, непрерывного повышения потенциала и педагогического мастерства профессорско-преподавательского состава, а также совершенствования воспитания студенческой молодежи университеты проводят со-

ответствующую работу по улучшению образовательного процесса.

Для реализации данных целей необходимо проводить на профессиональном уровне подготовку конкурентоспособных кадров, в совершенстве владеющих современными знаниями в соответствующих профессиональных областях. В первую очередь, нужно исходить из имеющегося инновационного потенциала, четко определить место отечественной науки в инновационном процессе и найти приоритетные производственные ниши для внедрения крупных отечественных разработок. В данном случае, важно последовательно расширять имеющиеся межотраслевые контакты ученых страны.

Для этого необходимы:

- научный анализ факторов развития современных общественно-политических, экономических и прочих процессов;
- подготовка научно-педагогических работников и проведение научно-исследовательских работ совместно с отечественными и узбекскими партнерами в данном направлении.

Кроме того, Узбекистану в партнерстве с Россией необходимо разработать методику оценки уровня научного знания, создать современные медиапродукты и электронную учебную литературу, которые предоставляют информацию об образовательной сфере наших стран.

Для претворения в жизнь этих необходимых мер требуются значительные организационные усилия и финансовые затраты. Это – задача университетов, заинтересованных в новациях отраслей. Для достижения этого должны быть созданы не только производственные условия, но и выработаны эффективные механизмы продвижения новаций и трансфера научных технологий с широким участием бизнеса и частного капитала.

Библиографический список

1. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан от 27.07.1995 URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=32121>.
2. Постановление Президента Республики Узбекистан, от 20.04.2017 г. № ПП-2909. URL: <https://lex.uz/docs/3171587>.

УДК 379.85

Туризм в формировании евразийского пространства

Елена Евгеньевна Ланина

Университет при МПА ЕврАзЭС, Санкт-Петербург, Россия

elenalan@inbox.ru

Аннотация. В XXI веке туризм превратился в значимую отрасль экономики, существенный фактор устойчивого развития государств Евразии. Особое место занимает познавательная функция туристической деятельности. В статье рассматривается ряд проблем развития евразийского туризма. Выделены особенности познавательного туризма на фоне глобализационных кризисов. Приведены примеры инноваций в сфере евразийского туристического пространства.

Ключевые слова: евразийский туризм, познавательная функция, межкультурные коммуникации, экономика.

Tourism in the formation of the Eurasian space

Elena E. Lanina

University associated with the IPA of EurAsEC,

Saint Petersburg, Russia

elenalan@inbox.ru

Summary. In the XXI century, tourism has become a significant branch of the economy, an essential factor in the sustainable development of the Eurasian states. A special place is occupied by the cognitive function of tourist activity. The article discusses a number of problems of the development of Eurasian tourism. The features of cognitive tourism against the background of globalization crises are highlighted. Examples of innovations in the field of the Eurasian tourist space are given.

Keywords: eurasian tourism, cognitive function, intercultural communication, economy.

В XXI веке туризм превратился в одну из самых доходных статей государственных бюджетов новых евразийских государств. В процессе эволюции в туристической деятельности стали возникать новые её формы и виды. Так, значительно уве-

личилось количество наименований, применяемых для определения того или иного подвида туристической деятельности (событийный, гастрономический, спортивный, научный, др.). Практические работники индустрии туризма рассматривают его как жизненную потребность большинства современных людей. «Путешествия стали новым культурным кодом миллениалов, которые возвели их ценность на пьедестал. Были даже случаи, когда в Париже и Амстердаме ограничивали посещаемость некоторых объектов. Никто не мог предположить, что вскоре индустрия путешествий окажется в кризисе» [1].

Многие из организаторов туристических мероприятий считают, что в разные эпохи туризму (т. е. путешествиям) были присущи романтика перемещений в пространстве и возможность неформального общения. Каждый участник таких путешествий начинает чувствовать себя открывателем новых земель, первопроходцем. Нельзя забывать о том, что подобные путешествия помогают формированию и обогащению человека духовно и физически.

Туризм сегодня представляет собой катализатор социально-экономического развития различных стран, оказывая сильное влияние на такие ключевые сектора хозяйствования, как транспорт и связь, торговля, строительство, сельское хозяйство, производство товаров народного потребления и многие другие. Правительства новых независимых стран Евразии придают развитию индустрии туризма важнейшее значение, они оценивают её как едва ли не главный фактор успешного развития экономики своих государств; в условиях пандемии коронавирусной инфекции применяя туризм в качестве способа увеличения занятости населения.

В самых разных видах туризма явственно прослеживается его основная функция – познавательная. Она наличествует в простом походе на природу, в событийном туризме, в паломнических поездках, сельском и даже спортивном туризме. Жители многих государств, пересекая границы своих стран, обязательно приобретают новые разнообразные знания, наблюдают традиции и культуры разных народов, получают возможность сравнить их между собой. Особое значение приобретает познавательный туризм на фоне глобализационных кризисов, поскольку

оказывает определённое воздействие на духовно-нравственное воспитание человека.

Все эти черты современной туристической деятельности следует учитывать и в процессе евразийской интеграции, и в формировании большого евразийского партнёрства, о котором говорил В.В. Путин на Международном форуме «Один пояс, один путь» (Пекин, 14 мая 2017 г.). Это партнёрство включит в себя ряд региональных интеграционных объединений, в том числе Евразийский экономический союз. Одно из направлений дальнейшего развития единого экономического пространства бывших советских республик как раз и образует туристическая деятельность.

Распад Советского Союза имел своим следствием нарушение культурных контактов между евро-азиатскими народами. Если в прежние времена знаниями об этих народах владели представители всех республик СССР, то теперь многие даже не знают названия столичных городов новых независимых государств Евразии. Лишённые непосредственного общения (особенно в условиях пандемии COVID-19) и получая сведения из сети интернет, молодые люди вновь образованных евразийских государств крайне плохо ориентируются в системе межкультурных коммуникаций, что затрудняет их общение, в том числе, во время туристических поездок.

При создании единого социокультурного и научно-образовательного пространства необходимо стимулировать расширение познавательной направленности туристической деятельности. Это не вызовет нарушения самобытности проживающих на этом пространстве народов, наоборот, будет способствовать воспитанию патриотизма, любви к своей Родине; противостоянию попыткам привить детям и юношеству чувство «зоологического национализма» (И.А. Ильин), сохранению уважительного отношения к другим народам и их культурам.

Единое социокультурное пространство на континенте может формироваться при условии наличия единой основы. Руководители многих евразийских государств в последние годы выбрали ориентиром культурное наследие евро-азиатских народов, прежде всего традиционные ценности. Об опоре на них говорили неоднократно В. В. Путин, Н. А. Назарбаев, Си Цзиньпин, др.

Вопросы расширения туристической деятельности явились предметом обсуждения на ряде встреч представителей туристической отрасли хозяйствования, учёных, общественных организаций. Так, в 2016 г. в г. Алматы провели заседание экспертного клуба «Мир Евразии». Темой диалога выбрали «Культурно-туристская дипломатия: развитие через диалог и сотрудничество». В ходе обсуждения актуальных вопросов его участники выделили меры по расширению отношений между странами евразийского пространства и разработке новых форм сотрудничества в сфере туризма. А. Морозов (политолог) привёл практические примеры того, как региональные туристические маршруты или объекты постепенно превращаются в крупных участников мирового туристического рынка [2]. Впоследствии в выступлениях экспертов, работников туристической сферы, исследователей появился термин «евразийский туризм».

Разразившаяся пандемия коронавирусной инфекции вызвала не только замедление развития туристической деятельности, но и выявление перспективных направлений её дальнейшей трансформации. В евразийском пространстве (в рамках Евразийского экономического союза) наибольшее развитие получили такие виды, как: событийный туризм; паломнический туризм; оздоровительный туризм, гастрономический туризм, экологический туризм, агротуризм, др. [3]. Перспективным и реально осуществимым представляется развитие евразийского детско-юношеского туризма.

Чтобы новые направления стали реализовываться, необходимо подготовить соответствующих поставленным задачам специалистов туристской отрасли. Обратим внимание на то, что профессиональная подготовка таких специалистов пока ещё является одним из новых направлений образовательной деятельности в независимых евразийских государствах. Здесь есть место для теоретических и практических экспериментов. В качестве примера подобного эксперимента в учебно-воспитательном процессе подготовки работников индустрии туризма можно привести разработку обучающимися в Университете при МПА ЕврАзЭС туристского проекта «Жемчужное ожерелье Евразии» [см.: 4].

Новые евразийские государства сталкиваются со многими проблемами в организации туристских мероприятий. Формиро-

вание единого социокультурного пространства Евразии (в том числе и туристического) поможет государствам-участникам ЕАЭС преодолеть такие сложности, как преобладание выездного туризма над въездным, межгосударственная конкуренция в организации туристских путешествий, слабая кооперация представителей разных отраслей хозяйствования, работников социокультурной сферы в организации туристической деятельности в той или иной стране и в евразийском пространстве в целом.

Библиографический список

1. Сергей Пирожников: Пять трендов индустрии туризма в 2021 году. URL: <https://snob.ru/entry/200532/>
2. Владислав Кульков. Туризм, объединяющий народы и страны. URL: <https://yvision.kz/post/755800>
3. Спирина М.Ю. Познавательный туризм в сакральных пространствах Евразии // 25 лет евразийской интеграции: от истоков к реалиям: коллективная монография. Том I. СПб.: Университет при МПА ЕвразЭС, 2020. С. 274–312.
4. Кирсанова Н.П. Культурное наследие евро-азиатских народов в организации евразийского туризма // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 5. Ч. 1. М., 2022. С. 636–640.

УДК 379.85:008 (571.15)

Культурно-оздоровительный потенциал развития туризма на Алтае

*Ольга Павловна Пономаренко¹,
Надежда Сергеевна Логинова²*

¹Алтайский государственный аграрный университет,
Барнаул, Россия

o.ponomarenko2018@mail.ru

²Алтайский государственный медицинский университет,
Барнаул, Россия

philosophia@mail.ru

Аннотация. В работе при анализе научных статей, программ были выделены основные виды туризма на Алтае. Туризм в на-

стоящее время воспринимается не только как один из экономических факторов развития региона, но и как условие для расширения представлений о культурном досуге, восстановлении здоровья у населения РФ и гостей из других стран, а также для формирования чувства любви к малой Родине у жителей Большого Алтая.

Ключевые слова: Алтай, туризм, культура, региональные особенности.

Cultural and health-improving potential of tourism development in Altai

*Olga P. Ponomarenko*¹, *Nadezhda S. Loginova*²

¹Altai State Agrarian University, Barnaul, Russia
o.ponomarenko2018@mil.ru

²Altai State Medical University, Barnaul, Russia
philocophia@mail.ru

Summary. In the analysis of scientific articles and programs, the main types of tourism in the Altai were identified. Tourism is currently perceived not only as one of the economic factors of the region's development, but also as a condition for expanding ideas about cultural leisure, restoring health among the population of the Russian Federation and guests from other countries, as well as for forming a sense of love for the small Homeland among the residents of the Greater Altai.

Keywords: Altai, tourism, culture, regional peculiarities.

В последнее десятилетие государственная политика РФ направлена на увеличение интереса граждан страны к внутреннему туризму. В зависимости от цели путешествия определяются наиболее популярные виды туризма. Алтай, обладающий богатством природных ресурсов, культурными достопримечательностями, является одним из приоритетных, но пока еще мало освоенных направлений для внутреннего туризма. Проведение значимых мероприятий правительством Алтайского края, создание программы «Чек-лист», программы субсидирования, но в наибольшей степени расширение публикаций в СМИ [1, с. 83], размещение информации, фотографий, видео популярных блогге-

ров, актеров и иных референтных для населения РФ медиалиц, посетивших Алтай в последние 5 лет, способствуют популяризации культурного, событийного туризма, открывают перспективы медицинского и оздоровительного, а также сельского, экологического туризма на Алтае.

Авторы статьи «Большой Алтай: биосферно-культурная уникальность как потенциал межгосударственного сотрудничества» считают, что наиболее привлекательными для туристов являются памятники природы Большого Алтая, например, «горные вершины и ледники: Актру, Белуха, Королевский Белок, Маашей и др.» [2, с. 292]. Также необходимо отметить, что посещение исторических памятников и памятных мест на Алтае предоставляет возможность ознакомиться с историей региона, а тематические лекции и мероприятия расширяют знания о своеобразии его культуры. Например, многих туристов привлекают не только памятники культуры народов скифского времени, но и разнообразие памятников культуры населения Алтая, в т.ч. тюркских народов. Алтай – центр историко-культурного наследия древних и современных народов, где сочетаются православные, буддийские, исламские и языческие религиозно-культурные традиции. Культурно-этнографическое направление в туризме основано на интересе туристов к культуре этноса (народа или народности), объектам, предметам и явлениям этнической культуры, к их быту, костюму, к языку, фольклору, традициям, а также к этническому творчеству). Культурно-этнический туризм предлагает посещение родины предков, знакомство с культурным наследием своего народа, экскурсии по заповедным территориям, этническим тематическим паркам.

Одним из менее популярных для иностранцев, но стабильно вызывающим интерес для внутреннего потребителя, является паломнический туризм, как часть религиозного туризма, входящего в культурно-познавательный туризм. Под паломническим туризмом следует рассматривать не только посещение общепринятых религиозных мест (храмов, ритуальных строений, культовых захоронений, всевозможных природных объектов и т. п.), но и, так называемых, «мест силы». На Алтае среди туристов распространено мнение об особой «энергетике» определенных природных территорий и необходимости их посеще-

ния», в т.ч. для восстановления некоторых функций организма человека. На территории региона сохранились сакральные центры древних цивилизаций, такие как храмово-погребальные комплексы Башадара, Ело, Каракола, знаменитые сакральные центры Пазырыка, Шибе, плато Укок, многокилометровые сакральные алтари с древними петроглифами урочищ Калбак Таша, Куюса и др. Во всех районах Республики Алтай и атеисты, и люди различных религиозных конфессий могут совершать поездки к целительным ключам, к сакральным природным объектам, на водопады, в пещеры, в речные долины. Например, в статье о паломническом туризме Т.А. Артамонова акцентирует внимание на природном объекте, имеющем особую значимость для многих народов Алтай. «Уймонская долина находится на подступах к священной вершине Алтай – горе Белухе. Коренные народы Алтай почитали Белуху как центр мира, место обитания Хана Алтай и богини-прародительницы Умай. Река Катунь, берущая начало в ледниках священной Белухи, также почиталась коренным населением, а позже и русскими переселенцами» [3, с. 77].

Все виды туризма на Алтае дополняют друг друга, в т.ч. событийный туризм не только демонстрирует сохранившиеся традиции, обычаи различных народов Алтай, но и позволяет популяризировать брендовые продукты Алтай, соединяя аграрный и оздоровительный туризм в единое целое. Например, в 2018 году статус «Лучшее событие года» Национального календаря событий удостоен праздник «Цветение маральника». В селе Сростки ежегодно проводятся Шукшинские чтения и подводятся итоги Всероссийского Шукшинского кинофестиваля. С 2007 года Фестиваль «Шукшинские дни на Алтае» и Шукшинский кинофестиваль получил статус всероссийского.

Природа Алтай, его история, культура народов, вдохновляла многих творческих людей. Алтаю посвящены рассказы, повести, поэтические строки. В начале XXI века был создан брендовый маршрут «Алтай литературный», который связан с литературным творчеством таких известных людей как Г.Д. Гребенщиков, В.М. Шукшин, Р.И. Рождественский, А.М. Топоров и пр. Данный маршрут также органично сочетает в себе несколько популярных видов туризма Алтай. Одним из наиболее перспективных новых направлений развития внутреннего туризма стано-

вятся тематические туры по городам и селам России. На территории Алтайского края такими ключевыми точками являются Змеиногорск, Курья, Бийск, Сростки, Косиха, Барнаул.

Посещение памятных мест также вызывает интерес к культуре своей малой Родины у населения Большого Алтая, способствует укреплению чувства патриотизма. Кроме того, формированию бережного, ответственного отношения к природе края у подрастающего поколения способствуют проведение конкурсов, проектов, мероприятий, посвященных экологическому туризму. Например, с 2010 года проводится Международный фотоконкурс «Живая природа Алтая», краевой детско-юношеский экологический художественный конкурс «Природы хрупкая душа...». Данный вид туризма в настоящее время мало востребован, не разработаны программы на уровне администрации края, несмотря на наличие таких уникальных заповедников, как Тигирекский.

События 2019–2022 годов изменили иерархию ценностей. Акцентирование внимания на здоровье и связанном с ним качестве жизни повысило интерес не только к медицинскому, но и к оздоровительному туризму [4, с. 434]. Например, курорт Белокуриха обладает уникальными минеральными водами, которые, в сочетании с низкогорной местностью, благоприятным климатом и лесными ресурсами обусловили туристскую привлекательность этой местности. Круглодичное лечение, хорошо развитая инфраструктура, достаточное количество природных и культурных памятников сформировали популярность данного медицинского кластера. Туристов привлекают красивые терренкуры с доказанным лечебным эффектом (аэроны). В зимнее время большой популярностью пользуются горнолыжные склоны. Рядом с курортом находится туристско-развлекательный комплекс «Сибирское подворье». Появляются также другие объекты познавательной в развлекательной направленности («Белокуриха-2», дендрарий в с. Алтайское). Последние пять лет оздоровительный туризм тесно связан с агарным туризмом. Многие фермеры предлагают экологически чистые продукты, заключают договоры с санаториями и иными организациями, оказывающими медицинские услуги на поставку эксклюзивных

продуктов для оздоровления клиентов, укрепления их иммунитета (например, продукция из мяса марала) и пр.

Апипродукция – продукт еще одной отрасли – пчеловодства [5, с. 27]. Пасека – не менее популярный объект туризма, чем форелевое хозяйство (предлагаются такие оздоровительные услуги, как «сон на пчелах»). Наибольшая концентрация таких объектов сосредоточена в Турочакском и Усть-Коксинском районах. Пасеку можно рассматривать как еще один ресурс для создания турпродукта Республики Алтай. Создаются экскурсионные усадьбы (пчелопарк), где туристов знакомят с секретами пчеловодства, угощают настоящим медом, продуктами, приготовленными на его основе: медовыми напитками, вином, салатами с медом и десертами, а также фитопродукцией. Покупка таких полезных продуктов Алтая позволит укрепить здоровье туриста и его близких.

Природно-рекреационные ресурсы Алтайского края благоприятны для организации не только этно-экологического, но и других видов туризма, позволяющих сочетать в нем различные направления. Развитие туризма на Алтае не только создает условия для формирования чувства любви к малой Родине, но и модифицирует представления о культурном досуге, способствует укреплению и восстановлению здоровья населения РФ, в т.ч. жителей Большого Алтая.

Библиографический список

1. Пузанов А.В., Андреева И.В. Алтайский туризм в условиях пандемии COVID-19: от вызова к выгодам. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/altayskiy-turizm-v-usloviyah-pandemii-covid-19-ot-vyzovov-k-vygodam>
2. Ротанова И. Н., Андреева И. В. Природоохранные территории Алтайского региона: к вопросу о возможности развития международного приграничного и трансграничного туризма // Экономика. Сервис. Туризм. Культура (ЭСТК — 2007) : материалы 9-й междунар. науч.-практ. конф. Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2007. С. 287–293
3. Артамонова Т.А. К вопросу о паломническом туризме (на примере Алтая и Гималаев) Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2018. № 1 (2). С. 77–80

4. Ханжарова В.А. Специфика медицинского туризма на Алтае // Молодежь-Барнаул: материалы XXII городской научно-практической конференции молодых ученых. Барнаул, 2021. С. 434–435

5. Логинова Н.С., Бендрикова А.Ю., Пономаренко О.П., Пономарева А.С. Влияние профессионального воспитания студентов в вузе на процесс актуализации использования в сфере здравоохранения брендовых продуктов Алтая // Межкультурная коммуникация в образовании и медицине. 2022. № 1. С. 20–34.

УДК 008:947.084

Трудовые праздники как элемент советской этнокультурной практики во второй половине XX века

Светлана Ивановна Бондаренко

Алтайский государственный аграрный университет,
Барнаул, Россия
bonsvet@bk.ru

Аннотация. В статье на примере бурятского праздника Сур-Харбан анализируется советский опыт формирования праздничного ландшафта в национальных регионах. На основе нового трудового праздника рассмотрены механизмы формирования и развития новых культурных практик. Период с 1960 по 1980-е гг. характеризовался созданием новых культурных форм с привлечением национальных традиций, что способствовало включению сельских жителей национальных районов в советские праздничные практики.

Ключевые слова: праздник, буряты, традиции, Сур-харбан, труд.

Labor holidays as an element of Soviet ethno-cultural practice in the second half of the XX century

Svetlana I. Bondarenko

Altai State Agrarian University, Barnaul, Russia
bonsvet@bk.ru

Summary. The article analyzes the Soviet experience of the formation of the festive landscape in national regions on the example of

the Buryat holiday Sur–Harban. Based on the new labor holiday, the mechanisms of formation and development of new cultural practices are considered. Period from 1960 to 1980s was characterized by the creation of new cultural forms with the involvement of national traditions, which contributed to the inclusion of rural residents of national regions in Soviet holiday practices.

Keywords: holiday, Buryats, traditions, Sur-Harban, labor.

Советский праздничный ландшафт в основе своей сформировался в 1950 – 1970-е гг. Это имело несколько причин. Во-первых, относительно спокойный в политическом отношении период развития позволил власти в большей степени сосредоточиться на расширении и углублении праздничного ландшафта. Во-вторых, экономическая стабильность позволяла подпитывать праздничные мероприятия материально. В-третьих, изменился подход к роли советского человека относительно участия в общественной жизни. Связано это было с выдвижением Н.С. Хрущевым идеи общенародного государства и широким привлечением народных масс к «участию всех граждан в руководстве хозяйственным и культурным строительством» [1, с. 23]. Расширить участие граждан предполагалось, например, в сфере культурного строительства. Эти тенденции выдвинулись в разрезе избавления народных масс от приниженого состояния. Праздничные мероприятия представлялись идеальным ландшафтом для такого возвеличивания человека труда [2, с. 23]. Как показала дальнейшая практика, концепт «возвеличивание человека труда» оказался удачной скрепой для формирования праздничного ландшафта в многонациональной стране, поскольку в основе праздничных традиций и обычаев многих народов лежала трудовая жизнь.

В мае 1964 г. прошло Всесоюзное совещание ЦК КПСС по новым праздникам и ритуалам, на котором был обсужден предыдущий опыт и поставлены задачи для внедрения новых праздников. Отличительной чертой данного совещания, был тот факт, что в нем принимали участие не только партийные лидеры, но также научные, общественные деятели, практики.

Все это повлекло за собой развитие научных дискуссий о месте социалистических обрядов в советском обществе, роли народных традиций. В практическом приложении это проявлялось в проведении многочисленных конференций, по итогам

которых выпускались монографии, сборники статей, методические рекомендации по проведению советских праздников. В частности, дискутировался вопрос, должны ли новые праздники носить общесоветский характер или же они будут иметь специфику у каждого народа. Чаще высказывалось мнение о том, что должна быть выработана общая форма значимых праздников, а детали могут отличаться, и это лишь украсит и разнообразит советский праздничный ландшафт [3, с. 14]. Признавалась необходимость опоры на «прогрессивные народные традиции» [4, с. 6]. Эта политика давала импульс к изучению этнических традиционных обрядов и обычаев, но в то же время вызывала опасения властей, сумеют ли общественные деятели отделить «зерна от плевел». В связи с чем этой работе стали уделять больше внимания в отделах пропаганды, отделах агитации райкомов партии, создавая при этом общественные советы по гражданским обрядам и праздникам в национальных районах и округах.

На практике в национальных районах это привело к расширению внедрения национальных обрядов в советские праздничные практики. Так, например, в своем изучении традиционных обычаев бурят советские клубные работники обращались к трудам исследователей XVIII века П. Палласу, Лепехину, Фальку и другим, которые в составе экспедиций на Байкал изучали быт, хозяйственный уклад, ремесла бурятского народа, а также исследователей XIX века – Г.Н. Потанина, А. В. Потаниной, Т.Е. Кулакова, И. Бичурина, Б. Петри. Изучались труды этнографа Русского географического общества И.А. Подгорбунского, исследовавшего обрядность и нравственные традиции бурят [5, с. 41].

В частности, И.А. Подгорбунский выделял такие нравственные и духовные особенности бурят как: миролюбивость, любовь к ближнему, взаимопомощь, которая проявлялась не только по отношению к членам своего племени, но и по отношению к русским и другим обрусевшим инородцам, гостеприимство, родственные отношения между членами семьи, почитание родителей, старших, честность и отвращение к торгашеской эксплуатации ближних, а особенно членов своего племени [6, с.7, 9]. Все эти положительные качества бурят, подмеченные Подгорбунским, перекликались с пропагандируемыми советскими принципами социалистического общежития и были взяты на вооружение клубными работниками.

Описывая праздничные традиции западных бурят в конце, XIX путешественница А.В. Потанина писала: «Сообразно с почитанием сил природы буряты празднуют наступление весны, когда появляются хорошие травы и у скотоводов наступает изобилие... На общественные жертвоприношения, тайлганы, собираются иногда целым родом. Число членов рода может быть несколько тысяч. Во время этих праздников, кроме принесения жертв, устраиваются также игры, скачки, борьба, стрельба в цель и т. д» [7, с.79].

В новых условиях обряд собирания рода заменялся советскими фестивалями молодежи, а игры, скачки трансформировались в обязательную спортивную составляющую праздника. Таким новым советским праздником бурят становится Сур-Харбан. Он был учрежден в честь основания Бурятской АССР в 1923 г. В переводе означал «стрельба из лука». Основу праздника составили традиционные народные развлечения – стрельба из лука, скачки на конях, национальная борьба. Механизм презентаций трудовых достижений с 1960-х годов становится более структурированным и системным.

Так, многочисленность мероприятия обеспечивалась приурочиванием к областному фестивалю молодежи «Заре навстречу» [8, с.47]. В селах одновременно проводились районные фестивали, куда съезжались участники из сел округа, приглашенные родственники на 2–3 дня, что делало праздник достаточно массовым. Традиционно поселок украшался флагами, советскими плакатами, лозунгами. Исполнялись массовые советские песни. Организовывалась обязательно сельскохозяйственная выставка. На мероприятие, проходившее обычно на стадионе, пускали по приглашительным билетам, оформленным в спортивном духе эпохи. Вынос знамени, проход различных молодежных колонн, поднятие знамени и по возможности пролет самолета над стадионом с выбросом листовок с оптимистичными лозунгами – обязательные атрибуты советских праздников. Далее следовало чествование и прославление героев труда. Советская практика делала акцент на трудовой энтузиазм и уважение к физическому труду.

Спортивные соревнования праздника начинались с национального обычая поклона и взятия горсти земли. В национальной борьбе участвовали как буряты, так и русские.

Но главным видом спорта для Сур-Харбана считалась национальная стрельба из лука. Как оказалось, этот вид спорта был

несколько забыт, и перед клубными работниками стояла задача возродить данный национальный вид спорта [8, с.50]. Завершался праздник конкурсом участников художественной самодеятельности. Причем, буряты участвовали в русских номерах и наоборот. Часть музыкальных композиций исполнялась на бурятском народном инструменте – хуре.

Таким образом, при помощи концепта «возвеличивания человека труда» проходила модернизация праздничной обрядности в национальных регионах. При помощи опоры на «прогрессивные» этнические традиции, лежащие в русле советского интернационализма, транслировался концепт «дружбы народов», происходила культурная интеграция народов в социокультурное пространство советского государства. Модернизированные национальные праздники выполняли функцию идентификации коренного населения национальных регионов.

Библиографический список

1. Пыжиков А. Хрущевская оттепель 1953-1964. М.: Олма-Пресс, 2002. 466 с.
2. Бондаренко С.И. Культурные коды сельского праздника как способ формирования советской идентичности // Вестник КемГУКИ. 2021 № 56. С. 40–50.
3. Сабурова Л.М. Некоторые вопросы изучения новой обрядности // Вопросы преодоления пережитков прошлого и становления новых обычаев и традиций: Материалы научно-практической конференции в г. Улан-Удэ. Улан-Удэ, 1969. 220 с.
4. Современные народные праздники и обряды: Сб. статей. / Сост. А.П. Курантов. М.: Советская Россия, 1961. 109 с.
5. Батомункуциев Цыден. Юность древнего обряда (новое в обрядах агинских бурят). Серия. «В помощь сельскому клубному работнику». М.: Советская Россия, 1971. 136 с.
6. Подгорбунский И.А. Буряты: (физический тип и духовная личность бурят). Иркутск: Тип. А.А. Сизых, 1903. 32 с.
7. Потанина А.В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М.: Книга по Требованию, 2012. 349 с.
8. Бялосинская Н. Бурятский народный праздник Сур-Харбан // Современные народные праздники и обряды. М.: Советская Россия, 1961. 109 с.

СЕКЦИЯ 3

Политический процесс на евразийском пространстве

УДК 323

Авторитарная модернизация в странах Востока XIX века

Дмитрий Анатольевич Качусов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

dmitrij.kachusov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос внутренних трансформаций ряда стран Азии XIX в. в рамках взаимодействия с ведущими европейскими державами. Раскрывается специфика «догоняющей модернизации», направленной на достижение паритета с западными странами и защиту национального суверенитета. Обозначаются ключевые особенности проводимого курса на реформы в исследуемых странах. В то же время указывается на неполный, фрагментарный характер проведенных преобразований.

Ключевые слова: модернизация, история востока, Османская империя, Цинская империя, Персия.

**Authoritarian modernization in the countries of the East
in the 19th century**

Dmitrii A. Kachusov

Altay State University, Barnaul, Russia

dmitrij.kachusov@mail.ru

Summary. The article deals with the issue of internal transformations of a number of Asian countries in the 19th century within the framework of interaction with the leading European powers. It reveals the specifics of the «catch-up modernization» aimed at achieving parity with Western countries and protecting national sovereignty. The research outlines the key features of the ongoing reform course in the countries under study. At the same time, the incomplete, fragmentary nature of the transformations carried out is indicated.

Keywords: modernization, history of the East, Ottoman Empire, Qing Empire, Persia.

В начале и даже в середине Нового времени крупнейшие государства Азии, такие как Османская империя, Цинская Империя, Держава великих Моголов могли на равных соперничать с ведущими европейскими странами. Однако в XIX века соотношение сил значительно изменилось – столкновение традиционных обществ, какими бы крупными и богатыми они не были, с набиравшими мощь колониальными державами неизменно заканчивалось поражениями первых. Это приводило к неравноправным договорам, насильственному открытию доступа в азиатские страны и даже отторжению от них частей территории.

Соответственно, возникал вопрос о причинах военных и политических неудач и поиске способов их преодоления. Несколько государств Азии, такие как Персия, Империя Цин и Османская империя, пытались в этот период преодолеть свое институциональное и технологическое отставание от стран Европы. Предпринятые ими попытки реформирования «сверху», такие как Танзимат (и предшествующие преобразования) в Турции, «Движение самоусиления» в Китае, реформы Амира Низама в Иране имеют ряд общих черт, обусловленных схожестью решаемых ими задач: «Сумма и содержание реформ были примерно одинаковы, а вот пути их реализации и связанные с этим последствия для судеб восточных стран были совершенно разными» [1, с. 16].

Во-первых, следует отметить, что в качестве инициаторов и движущей силы модернизационных преобразований выступали представители высшей политической элиты, имеющие возможность напрямую контактировать с правителем и убедить его в необходимости преобразований. В частности, сторонниками реформ были сводные братья императора Китая князья Гун и Чунь, первый визирь Персии Амир Низам (Таги-Хан), османский Великий визирь Мустафа Решид-паша, а также целая плеяда иных значимых государственных деятелей.

Курс на реформы приходилось отстаивать в «подковерной» борьбе придворных и региональных группировок, видящих в изменениях не только опасность для своего положения, но и отход от традиционных государственных устоев и, как следствие,

угрозу разрушения государства. Нередко несоответствие ожидаемых и реальных результатов реформ стоили их инициаторам положения во власти или даже жизни. Более того, население в массе негативно воспринимало нововведения, видя причинами дальнейшего ухудшения жизни в стране именно отступление от прежних религиозных и моральных норм и пагубное влияние иностранцев на политическую элиту.

Во-вторых, все исследуемые государства терпели прямое военное поражение в столкновении с западными странами (Опийные войны в Китае, Русско-Турецкие или Русско-Персидские войны) и находились под постоянной угрозой покорения и раздела на сферы влияния. Соответственно, преимущество в процессе преобразования отдавалось реформированию и модернизации вооруженных сил государства.

Преобразования напрямую затрагивали армию и флот. В частности, в Османской империи еще в начале XIX в. были сформированы первые подразделения регулярного строя (войска «Низам-и-Седид»), а в 1826 г. был ликвидирован корпус янычар, утративший свою первоначальную эффективность и активно сопротивляющийся реформам. Позже была введена всеобщая воинская повинность, армия вместо формируемой по территориальному принципу была преобразована в единую унифицированную структуру с централизованным набором и снабжением, было налажено производство собственного вооружения и техники и обучение офицеров [2].

В Китае с 1861 г. при государственном и иностранном участии создавались арсеналы, производившие современное оружие, региональные армии вооружались и обучались по «западному образцу», обновлялся технический состав флота. Остро стоял вопрос централизации командования вооруженными силами, так как наиболее боеспособные новые войска фактически находились в руках региональных элит, содержащих их на свои средства. В Персии принц Аббас-Мирза после поражения в русско-персидской войне реорганизовал структуру армии на регулярных основаниях, однако способы ее комплектования и содержания, а также принципы отбора на командные должности остались прежними. В течение XIX в. Иран предпринимал лишь отдельные меры по усилению войск (закупка вооружения, при-

глашение инструкторов, формирование отдельных подразделений), которые не носили системного характера [3].

В-третьих, понимание того, что формирование, вооружение и обеспечение современных вооруженных сил, а также упрочнение связи между различными провинциями государства невозможно без определенной материально-технической базы, побуждало реформаторов развивать собственную промышленность. Прежде всего учреждались государственные или казенные предприятия, для которых из-за границы закупалось необходимое оборудование и станки. Например, в Китае в рамках «Политики самоусиления» было построено около 20 военных заводов [4, с. 326]. Также активно привлекались западные инвестиции через раздачу концессий на строительство – в Турции в 1850–1870-е гг. железные дороги и телеграфные линии строились с привлечением большей частью английского капитала. Не менее активно англичане с начала 1860-х гг. начали проникать и в иранскую экономику, где столкнулись с ожесточенной конкуренцией российского капитала. Строительство с помощью иностранцев коммуникационных линий позволило правительству Ирана упрочнить связь с провинциями, однако не принесло серьезных экономических выгод [5].

С целью развития производств и внедрения новых технологий приглашались иностранные инженеры, инструкторы и преподаватели, «донорами» для Турции стали в первую очередь Великобритания и Франция, а позднее и Германия, для Китая – Франция и США, а для Ирана – Британия и Россия. Для удовлетворения потребности в квалифицированной рабочей силе открывались новые учебные заведения «западного образца», в которых обучали новым профессиям в технической сфере (телеграф, машиностроение, паровой транспорт и др.), а также готовились военные и военно-технические кадры. Нередко практиковалась отправка молодежи на обучение в европейские страны, например, в 1870-е гг. из Китая на учебу в США выехало около 120 человек [6, с. 258]. Необходимо отметить, что, несмотря на ограниченность распространения образования, именно из выпускников местных учебных заведений к началу XX в. в странах востока сформировалась первая прослойка интеллектуалов, выступавших за углубление дальнейшей модернизации.

В-четвертых, привносимые изменения имели фрагментарный характер. Они не затрагивали существующего политического строя и социальных отношений и тем более не претендовали на ограничение самовластия монарха какими-либо новыми институтами. Тем не менее, в Персии это не помешало консерваторам из состава политической элиты и высшего духовенства убедить шаха в опасности продолжения реформ, в итоге их главный инициатор визирь Амир Низам был низложен и казнен. Сложным было положение реформаторов и в Китае, где вдовствующая императрица Цыси использовала борьбу между противниками и сторонниками модернизации для усиления собственных позиций и в итоге отстранила главу реформаторского движения князя Гуна от власти. Кроме того, на процесс преобразований негативно влияли и этнические противоречия внутри элит, а также амбиции региональных наместников и полководцев, усилившихся после подавления тайпинского восстания.

Только в Османской империи преобразования на последнем этапе носили политический и социальный характер: провозглашалось равенство представителей всех национальностей, уравнивались в правах мусульмане и немусульмане, на короткий срок (1876–1878 гг.) был создан парламент и принята первая конституция. Однако провозглашенные преобразования во многом носили декларативный характер, а новые властные институты не оказали реального влияния на политическое развитие турецкого государства и были распущены. Турция перешла в период абсолютной монархии, известный как Зулум [7].

Как мы видим, наиболее глубокими были преобразования в Османской империи, испытывающей колоссальное давление со стороны западных и северных соседей, но, в то же время, имеющей возможность заимствовать оттуда необходимые знания и технологии, а кроме того, привлекать капитал в экономику, что позволило «больному человеку Европы» просуществовать до начала XX в. Цинская империя в XIX в. также потерпела поражение в столкновении с колониальными державами, но осуществить хотя бы частичную модернизацию ей помешали ряд факторов: глубокий идеологический раскол в политических элитах, национальные, социальные и религиозные конфликты, концентрация власти в руках региональных правителей, а также традиционный взгляд на некитайские страны как на варварские.

Малозначительными были преобразования в Персии, в силу консерватизма шиитского общества и элиты, неразвитости контактов с ведущими европейскими странами и сложности внутреннего этноконфессионального ландшафта. В итоге, к началу XX в. Иран попал в полную зависимость от Британии и России и был де-факто разделен на сферы влияния.

Все описанные попытки реформирования, предпринятые властями восточных государств с целью собственного усиления и достижения определенного паритета с европейскими державами, так и не достигли своей конечной цели. Тем не менее, реформаторский период в этих государствах не прошёл бесследно, «экспортированные» вместе с технологиями политические идеи стимулировали общественную дискуссию, развитие собственных социально-политических движений и стали одним из оснований прошедших в начале XX в. революций: Младотурецкой в Турции, Синьхайской в Китае и Конституционной революции в Персии.

Библиографический список

1. Мосяков Д.В. Новая и новейшая история. Модернизация и глобализация восточных обществ. М.: НОУЧВПО «Институт стран Востока», 2016. 560 с.
2. Надюков С.А. Ранние военно-политические реформы в Османской империи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 2, С. 25–28.
3. Бакланов В.И. Первичная модернизация Ирана и российско-британский империализм в XIX – начала XX веков // Территория Историка. URL: http://historick.ru/view_post.php?id=120&cat=3
4. Дельнов А.А. Китайская империя. От Сына Неба до Мао Цзэдуна. М.: «Издательство Алгоритм», 2013. 558 с.
5. Кантимирова Р.И. Английские концессии в Иране в конце XIX – начале XX века // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2014. № 11. С. 31–36.
6. Новая история стран Азии и Африки. Т. 2. Под ред. А.М. Родригеса. М: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2010. Ч. 1. 400 с.
7. Турция между Европой и Азией: Итоги европеизации на исходе XX в. / Отв. ред. Н.Г. Киреев. М.: Крафт+, 2001. 535 с.

**Отражение внешнеполитических идей «отцов-основателей»
в современной внешней политике США**

*Илья Евгеньевич Иродов¹,
Дарья Дмитриевна Чернышева²*

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
irodov.ilya@mail.ru

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
dchernysheva2002@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние идей о внешней политике «отцов-основателей» США на современную внешнеполитическую деятельность данного государства. После выделения основных тем изысканий «отцов-основателей», оценивается их применимость во внешнеполитической активности США. Главный вывод исследования – идеи «отцов-основателей» адаптируются к современным политическим реалиям в соответствии с целями США в области международных отношений.

Ключевые слова: «отцы-основатели» США, внешняя политика, демократия, идеология, свобода.

**Reflection of the foreign policy ideas of the Founding Fathers
in modern US foreign policy**

Ilya E. Irodov¹, Darya D. Chernysheva²

¹Altai State University, Barnaul, Russia
irodov.ilya@mail.ru

²Altai State University, Barnaul, Russia
dchernysheva2002@yandex.ru

Summary. The article examines the influence of the ideas about the foreign policy of the Founding Fathers of the United States on the modern foreign policy activities of this state. After accentuation the main themes of the Founding Fathers' research, their applicability in US foreign policy activity is assessed. The main conclusion is that the ideas of the Founding Fathers adapt to modern political realities in accordance with the goals of the United States in the field of international relations.

Keywords: Founding Fathers, foreign policy, democracy, ideology, freedom.

В своей внешнеполитической деятельности США всегда декларировали сохранение преемственности, в особенности, в отношении своих базовых принципов – свободной торговли, поддержки демократии, мессианства [1, с. 328]. Истоки преемственного подхода берут свое начало из идей, которые выражали «отцы-основатели» США в конце XVIII – начале XIX вв. В своем прощальном выступлении первый президент США Дж. Вашингтон так выразил цель внешней политики государства: «Гармоничные, свободные отношения со всеми нациями целесообразны с политической, человеческой и экономической точки зрения» [2]. А третий президент США Т. Джефферсон в своей первой инаугурационной речи призывал к «миру, коммерции и честной дружбе со всеми народами, без выборочных альянсов» [3].

Как видно из речей «отцов-основателей», они уделяли большое внимание экономическим внешним связям, иногда ставя их выше внешнеполитических действий. Дж. Вашингтон говорил: «Наилучшим правилом поведения на мировой арене будет расширение наших торговых отношений и поддержание как можно меньшей их связи с политическими. ... Зачем бросать свою землю ради чужой? Зачем переплетать нашу судьбу с судьбой любой части Европы, связывая наш мир и процветание с сетями европейских амбиций, соперничества, интересов, шуток или капризов?» [2]. В период президентства Т. Джефферсона (1801–1809 гг.) во внешней политике США получила распространение «двухуровневая концепция», суть которой заключалась в том, что экономика стоит выше политических сношений. Сегодня США стараются поддерживать свою мощь равным образом как с помощью экономических, так и политических отношений. При этом политические программы, во многом, легитимируют свободный рынок и либерализацию международной торговли. А либеральный международный экономический порядок поддерживается механизмами, например, таких организаций как ВТО и МВФ – межправительственных институтов с обширными полномочиями, деятельность которых за последнее время стала более интенсивной, в первую очередь, в странах Азии.

«Дело Америки – дело всего мира», – писал один из «отцов-основателей» США Т. Пейн в своем памфлете «Здравый смысл» [4]. Судя по всему, этот принцип, в значительной степени вдохновленный религиозным мессианством, получившим распространение в колониальный период развития Америки, сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Подтверждением этому может служить, например, речь Б. Обамы, после принятия присяги президентства, где он отметил особую роль США в мире: «... Господь возложил на нас определенную миссию. Это источник нашей уверенности, смысл нашей свободы!».

«Отцы-основатели» были убеждены в преимуществах той модели государства, которую они сформировали. Демократическая республика с федеративной организацией власти и верховенством права, в глазах создателей США выглядела более правильной и способной обеспечивать экономические и политические свободы граждан, в то время как монархии и деспотии обеспечить эти свободы были не в состоянии. Джон Куинси Адамс писал: «Что, если мудрые и образованные философы будущего мира ... обратятся к своим сердцам с вопросом, что Америка сделала полезного для всего человеческого рода? Пусть наш ответ будет таким: народ Америки с той же страстью, с какой доказывал свое существование как нации, провозглашал всему миру непоколебимость прав человека и необходимость только законных оснований формирования правительства» [1, с. 328]. При этом «отцы-основатели» были сдержанны в своих мыслях относительно необходимости практических действий по распространению демократии и других принципов, лежащих в основе государственности США. Во многом, это предопределило изоляционистский внешнеполитический курс страны на более чем вековой период.

Сегодня изоляционизм для США остался в прошлом. Активная внешняя политика, по крайней мере, декларативно, основывается, в том числе, на продвижении и универсализации демократических стандартов, таких как верховенство права и признание права народов на самоопределение, а также на стремлении распространять эти идеи во всех регионах мира, включая Евразию. Еще с 1962 года американское государство приняло конвенцию о правах человека, где признается, что права человека должны быть под защитой международных организаций, по-

сколькo любой человек, проживающий на территории той или иной страны, имеет право на существование [6, с. 143–166]. На протяжении длительного времени, уже около двухсот лет, США провозглашают идею уважения прав человека, которая является одной из составляющих фундамента демократического мира. В настоящее время США используют множество инструментов для продвижения концепции демократического мира: двусторонняя дипломатия, работа с демократическими партнерами, международными и региональными организациями, неправительственными учреждениями и заинтересованными гражданами, отстаивающими демократические ценности.

В одной из своих речей президент Дж. Вашингтон указывал, что американцы «должны вести за собой все человечество в своем паломничестве к совершенству» [2]. Эта идеологическая аксиома, которую В.В. Согрин назвал «демократическим имперским мессианизмом» [7, с. 592], с ранней истории внешней политики США подкрепляется прагматизмом, одной из форм которого стала практика односторонних действий, а также взвешенный подход к участию в коалициях и международных институтах. На современном этапе идеи американского мессианизма продолжают влиять на политических деятелей этого государства, правда, в ретроспективе исторического дискурса, можно отметить, что борьба различных трактовок «американской миссии» происходила в среде политической элиты этой страны всегда. Например, Д. Трамп, находясь на посту президента, видел себя человеком, который способен защитить американцев и спасти Америку от поражений, подчеркивал «исключительность» США, которую считал «не врожденной частью американской идентичности, а состоянием, зависящим от конкретных условий». Его подход отличался от взгляда на миссию США республиканцев, мыслящих в парадигме сверхдержавного «имперского» статуса [8, с. 57–72].

Подводя итог, можно говорить о том, что идеи «отцов-основателей» формировались в конкретных исторических условиях и во многом отражали позицию полупериферийного государства, стремящегося к изоляции, но при этом рассматривающего себя как «град на холме», возвышающийся над остальными. Такого рода вера в «избранность» сохраняется и в настоящее время. Однако теперь идеи «отцов-основателей» адаптиру-

ются к современным реалиям, в которых США уже играют роль одного из лидеров международных отношений.

Библиографический список

1. Трояновская М.О. Дискуссия по вопросам внешней политики в США (1775–1823). М.: Весь мир, 2010. 328 с.
2. Джордж Вашингтон – Прощальное послание. История США в документах. URL: <http://www.grinchevskiy.ru/17-18/g-v-proschalnoe-poslanie.php>
3. Thomas Jefferson First Inaugural Address (электронный ресурс). URL: https://avalon.law.yale.edu/19th_century/jefinau1.asp
4. Пейн Т. Здравый смысл. URL: <https://old.inliberty.ru/library/125-zdravyyu-smysl>
5. Речь Барака Обамы после принесения присяги президента США. Вести.Ru. URL: <https://www.vesti.ru/article/2234361>
6. Шестаков Л.Н. Права человека. Сборник универсальных и региональных международных документов. М.: Изд-во МГУ, 1990. 205 с.
7. Согрин В.В. США в XX-XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М.: Весь мир, 2015. 592 с.
8. Алхименков М.А. Влияние американского мессианизма на взгляды и политику Д. Трампа // Проблемы национальной стратегии № 3 (48), 2018. С. 57–72

УДК 323.3

Мотивация и лидерство в управлении субъектом РФ

Ольга Артемовна Наседкина

Сибирский институт управления, филиал РАНХиГС,

Новосибирск, Россия

olyanasedkina@icloud.com

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы мотивации и лидерства в управлении органами государственной власти субъектов РФ. Изучаются вопросы разработанности системы мотивации и ее недостатков. Отмечается роль лидеров и лидерства в разработке системы мотивации в управлении субъектом РФ. Делается вывод о том, что без эффективного лидера сложно

говорить о разработке системы мотивации в силу специфики деятельности органов государственной власти субъектов РФ.

Ключевые слова: мотивация, лидерство, компетенции, администрирование, стиль руководства.

Motivation and leadership in the management of the region of the Russian Federation

Olga A. Nasedkina

Siberian institute of management branch of RANEPa,

Novosibirsk, Russia

olyanasedkina@icloud.com

Summary. The article deals with the issues of motivation and leadership in the management of public authorities of the constituent entities of the Russian Federation. The issues of development of the motivation system and its shortcomings are studied. The role of leaders and leadership in the development of a system of motivation in the management of the subject of the Russian Federation is noted. It is concluded that without an effective leader it is difficult to talk about the development of a motivation system due to the specifics of the activities of public authorities of the constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: motivation, leadership, competencies, administration, leadership style.

В настоящее время все более популярно использование методов стратегического управления в практике органов государственной власти субъектов РФ. Однако, наряду с определением видения и миссии, созданием стратегических документов и последующим контролем их реализации, лидерство и создание эффективных систем мотивации не всегда идут рука об руку.

Должностные лица, занятые в органах государственной власти субъектов РФ, а также в органах местного самоуправления, на вопрос о функционировании каких-либо механизмов мотивации и лидерства в большинстве случаев отвечают отрицательно. К сожалению, проработанная система мотивации, основанная на современных достижениях науки управления, в практике деятельности органов государственной власти субъектов РФ до сих пор встречается редко. На чем основана мотивация к ежедневной

работе? Чиновники выполняют свои задачи в первую очередь для обеспечения себя и своей семьи, обычно без оглядки на более высокие цели или идеи. Однако должна ли на этом основываться эффективно работающая команда? В данной статье будут описаны некоторые аспекты применения механизмов мотивации и создания фигуры лидера по отношению к государственному управлению, в частности к управлению субъектами РФ.

Цель статьи – указать наиболее важные аспекты стимулирующей мотивации, вытекающие из стратегического управления, которые могли бы улучшить функционирование органов государственной власти субъектов РФ за счет создания благоприятных условий труда, основанных на роли лидера, и осознающих свою ответственность членов команды.

Мотивация в органе государственной власти субъекта РФ должна основываться на системе качества предоставления этим органом государственных услуг. Системы обеспечения качества должны обеспечивать широко понимаемое качество работы органа государственной власти субъекта РФ и предоставляемых ею услуг. На первый взгляд все кажется ясным, если не изучить цели, к которым необходимо двигаться. Если хорошее обслуживание клиентов является приоритетом в начальный период, сотрудники заинтересованы в том, чтобы общаться с клиентами как можно вежливее и эффективно решать их вопросы. Однако быстро выясняется, что сотруднику органа государственной власти субъекта РФ невозможно сосредоточиться только на обслуживании клиентов и их потребностей, но необходимо при этом придерживаться правил и соблюдении регламентов. Тогда на первый план может выйти стремление получить максимально возможную оценку руководителя, что выводит в приоритет вопрос дисциплины сотрудников. Когда она будет выстроена, можно будет снова иметь дело с клиентами. Отсюда можно сделать вывод, что мотивация зависит не только от целей, вытекающих из конкретных норм и распоряжений начальника, но и от причин, часто не зависящих от него [1].

Интересное исследование по управлению человеческими ресурсами в администрации в свете применимых правил было проведено А.А. Варгановым. Начиная со способов найма, через присвоение должностей к оценке сотрудников руководителями и соискателями, автор отмечает недостатки российского законода-

тельства, которое подвергается критике в первую очередь за то, что оно не поспевает за изменениями в управленческой среде, как в макромасштабе – с учетом всей системы управления, так и в микро – применительно к конкретным учреждениям государственного или местного самоуправления. Обнаруживается и известная тенденция – многие учреждения ищут людей с опытом работы в сфере государственного управления, что резко сужает круг кандидатов и формализует подходы к кадровой политике [2].

В поисках ответа на вопрос о мотивации сотрудников можно руководствоваться десятком различных теорий. На самом деле, в органах государственной власти РФ, особенно в случае с чиновниками низшего звена, о большинстве из них говорить сложно – есть ли мотивация в Администрации области, когда чиновник должен подготовить и отправить тысячу документов тысяче адресатов? Идеальная мотивационная ситуация – это состояние, при котором человек, благодаря своему труду, не только удовлетворяет потребности физиологии и безопасности, но и чувствует себя в нем хорошо, пользуется уважением и может самореализоваться. Это согласуется с классической теорией мотивации – пирамидой потребностей А. Маслоу. При этом следует иметь в виду ее недостатки, в первую очередь возможность любого сочетания потребностей, ведь жизнь людей представляет собой не одностороннюю пирамиду, а многомерное существование, что обосновывал в своих теориях Дж.С. Адамс (теория социальной справедливости), Б.Ф. Скиннер (теория упрочнения), В. Врум (теория ожиданий) и Ф. Герцберг (теория двух факторов). Такого же мнения придерживается П.Ф. Друкер, утверждая, что организация людей для работы также означает помещение данного человека в положение, в котором он будет лучше всего способен выполнять эту работу. К сожалению, таких ситуаций и людей не так много, и даже когда мы находим такого человека, он тоже может в какой-то момент достичь стадии профессионального выгорания и потерять мотивацию к работе. Более того, одной удовлетворенности сотрудников недостаточно для достижения целей организации. Выполнение задач нужно рассматривать через призму ответственности, но проблема состоит в том, что ее нельзя купить у работника, как и сиюминутное удовлетворение после выплаты заработной платы [3].

По указанной выше причине будет легче рассматривать мотивацию чиновника не только в связи с его задачей, которую часто нельзя охарактеризовать как вдохновляющую, а скорее обескураживающую, хотя бы в силу характера дела и характера клиента, который часто не знает, чего хочет, не проявляет намерения разбираться в своем правовом положении, но с порога имеет претензии ко всем чиновникам в мире и грозит жалобами. Как мотивировать себя в такой ситуации? Ответ на этот вопрос неразрывно связан с лидерством и пропорционально зависит от его качества – от подхода руководителя и его межличностных компетенций.

Самый примитивный способ запуска мотивации – командование подчиненными – подчиненные что-то делают, потому что должны.

Второй уровень – универсализм, связанный с согласием – сотрудники следуют за руководителем, потому что хотят следовать за кем-то, а он или она дает хотя бы иллюзию совместного принятия решений.

Третий уровень – интеракционизм, связанный с обменом – люди работают, потому что получают от этого выгоду, руководитель умеет обращаться с людьми, интересуется их положением, создает возможности для развития и повышения квалификации.

Четвертый уровень – истинное лидерство – люди следуют за руководителем из-за того, что он для них сделал, например в плане распределения задач и ролей в команде, у них появляется доверие к нему, а межличностные отношения улучшают комфортность работы.

Пятый уровень – вдохновение – руководитель мотивирует к творческой деятельности, имеет видение развития и умеет к нему побуждать, указывая на ценность задач, превращает рядовых сотрудников в маленьких лидеров.

Шестой уровень, который достигается крайне редко, – это харизма лидера – сотрудники следуют за своим начальником из-за того, что он из себя представляет.

Современная система управления органами государственной власти субъекта РФ, хотя и оснащена многими эффективными механизмами работы, такими, как системы стратегического управления и управления качеством, все же не работает идеально.

Виной тому, в том числе, неразвитая система мотивации и отсутствие лидеров, способных вдохновлять чиновников на местах. Превратить повседневную офисную жизнь в путь развития, полный интересных задач, крайне сложно, но не невозможно. С одной стороны, это зависит от руководителей и применяемых ими стилей руководства, а с другой стороны, от самих сотрудников и их внутренней мотивации. Мотивация и лидерство, как тонкие реалии, поскольку они связаны с психикой человека, не могут быть регламентированы законом, поэтому не остается ничего другого, как их изучать. Единственная проблема заключается в том, сколько чиновников мотивированы учиться.

Библиографический список

1. Бекмурзиева Х.М. Мотивация деятельности государственных гражданских служащих как средство повышения эффективности государственной гражданской службы // Управление, нет. 2108. №4 (22). С. 4–9.

2. Вартанов А.А., Лымарева О.А. Система мотивации государственных служащих: факторный анализ // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. №10-1. С. 74–77.

3. Максимов А.А. Мотивация государственных служащих как управленческая проблема // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. №2. С. 73–91.

УДК 342

Анализ проблем правового регулирования институтов гражданского общества в субъектах Российской Федерации

Лина Николаевна Ткачук

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Linok_1984@mail.ru

Аннотация. Нормативно-правовая база российского местного самоуправления основана на разграничении полномочий между уровнями власти и соподчиненности правовых норм. В статье рассматривается формирование системы местного самоуправления, ее правовых гарантий на законодательном уровне. Несмотря на развитие федерального законодательства, в вопросах ме-

стного самоуправления остается множество нерешенных проблем финансово-экономического, кадрового и нормативно-правового характера. Актуальность выбранной темы определяется тем, что собственное правовое регулирование субъектов федерации имеет специфические особенности, которые определяются предметом ведения субъектов федерации. Сформированная в ходе работы аналитическая база служит качественным материалом для дальнейшего изучения институтов гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, субъекты РФ, Конституция, институты гражданского общества, правовое регулирование, местное самоуправление.

Analysis of the Issues of the Legal Regulation of Civil Society Institutions in the Constituent Entities of the Russian Federation

Lina N. Tkachuk

Altay State University, Barnaul, Russia

Linok_1984@mail.ru

Summary. The legal framework of Russian local self-government is based on the division of powers between levels of government and the subordination of legal norms. The article deals with the formation of the system of local self-government, its legal guarantees at the legislative level. Despite the development of federal legislation, many unresolved problems of a financial, economic, personnel, and regulatory nature remain in local self-government issues. The relevance of the chosen topic is determined by the fact that the own legal regulation of the subjects of the Federation has specific features that are determined by the subject matter of the subjects of the Federation. The analytical base formed in the course of the work serves as a qualitative material for further study of civil society institutions.

Keywords: civil society, subjects of the Russian Federation, Constitution, civil society institutions, legal regulation, local self-government.

В силу ст. 71, 72 и 73 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) правовое регулирование институтов гражданского общества осуществляется как федеральными законами, так и законодательством субъектов Федерации. В соответствии с ч. 2 ст. 5 Конституции РФ республики имеют свои конституции и законодательство, а иные субъекты Федерации имеют свои уставы и законодательство. При этом, как отмечает В.В. Гошуляк, субъекты Федерации не могут устанавливать свои, отличные от Российской Федерации основы конституционного строя, что, однако, не означает обязанности субъектов Федерации в своих учредительных актах дословно воспроизводить главу 1 Конституции РФ [1, с. 122]. Действительно, анализ Конституций (уставов) субъектов Федерации показывает различия между ними в объеме конституционных (уставных) норм, затрагивающих институты гражданского общества. Так, ч. 2 ст. 9 Устава Нижегородской области закрепляет проведение публичных слушаний по проектам общественно значимых законов [2, с. 18], что направлено на развитие политического участия граждан как элемента гражданского общества.

Помимо коллективных прав граждан, учредительные акты многих субъектов Российской Федерации (далее – субъекты РФ) закрепляют основные индивидуальные права и свободы, лежащие в основе института политической активности граждан, которые более подробно раскрываются текущим законодательством. Вместе с тем, анализ законодательства субъектов РФ в этой сфере показывает превышение многими субъектами Федерации своих полномочий. Так, в соответствии с п. 6 ст. 5 Закона Республики Коми от 29 ноября 2012 г. N 91-РЗ «О некоторых вопросах проведения публичных мероприятий в Республике Коми» запрещается проведение публичных манифестаций в радиусе 50 м от входов в здания, занимаемые органами власти [3, с. 11]. Данная норма закона была предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ), который Постановлением от 1 ноября 2019 г. признал ее неконституционной. Исходя из п. «б» ч. 1 ст. 72 и ч. 2 ст. 76 Конституции РФ законодательство субъектов Федерации

по вопросам защиты прав и свобод человека имеет вторичный характер по отношению к базовому регулированию, осуществляемому Конституцией РФ и федеральными законами. Следовательно, законы субъектов Федерации не должны приводить к снижению гарантий прав и свобод, закрепленных в федеральном законодательстве. Так как в Федеральном законе от 19 июня 2004 г. N 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» отсутствует запрет на проведение публичных мероприятий вблизи органов власти, то п. 6 ст. 5 рассматриваемого Закона Республики Коми, устанавливая непреодолимые барьеры для реализации права на мирные собрания, вступает в противоречие со ст. 31, ч. 3 ст. 55, п. «б» ч. 1 ст. 72 и ч. 2 ст. 76 Конституции РФ и является неконституционным [4, с. 54].

Большое внимание в учредительных актах субъектов РФ уделяется институту местного самоуправления. Однако объем и характер конституционного (уставного) регулирования этого института в разных субъектах Федерации существенно различается. Так, устав Астраханской области ст. 6 закрепляет, что в Астраханской области признается и гарантируется право населения на местное самоуправление, а органы местного самоуправления не входят в систему областных органов государственной власти [5, с. 5].

В 2015 г. Конституционный Суд РФ, рассматривая вопрос самостоятельного определения субъектами Федерации порядка замещения должностей глав муниципальных образований и выборов представительных органов местного самоуправления, указал, что Конституция РФ, содержа нормы о выборных муниципальных органах, не закрепляет конкретный состав и единые, универсальные правила формирования органов местного самоуправления. Следовательно, законодательные требования относительно способов формирования муниципальных органов могут различаться в зависимости от местных особенностей обеспечения баланса государственных и местных интересов. Изложенная Конституционным Судом РФ правовая позиция неоднозначна и вызывает некоторые вопросы. Действительно, исходя из смысла ст. 131 Конституции РФ, следует, что местное самоуправление осу-

ществляется в сельских, городских поселениях, а также на других территориях, виды которых (в силу отсутствия конституционного закрепления) определяет законодатель (муниципальный район, городской округ, внутригородской район и др.).

Анализ законов субъектов Федерации показывает, что законодательные препятствия развитию институтов гражданского общества во многом основаны на соответствующих допущениях со стороны федерального законодателя.

На основе сделанных выводов автором предлагается внести следующие корректировки в правовое регулирование институтов гражданского общества субъектами Федерации. После соответствующих изменений федерального законодательства необходимо исключить из законов субъектов Федерации нормы, препятствующие реализации права граждан собираться мирно, без оружия, внести изменения в законодательство субъектов Федерации о местном самоуправлении, направленные на повышение самостоятельности органов местного самоуправления, ключевым моментом которого является нормативное закрепление прямых выборов населением глав муниципальных образований.

Исследование правового регулирования институтов гражданского общества немыслимо без определения самого понятия гражданского общества, на основе чего становится возможным выявить круг его институтов. Гражданское общество – это, прежде всего, способность граждан к инициативе и самоорганизации. Люди самостоятельно, не прибегая к помощи государства, объединяют свои усилия для решения своих частных проблем, ставя на первое место удовлетворение собственных, а не публичных интересов. При этом, удовлетворяя частный интерес, гражданское общество осуществляет публично значимые функции. Гражданское общество образуют только легальные структуры, обеспечивающие конституционные права и законные интересы личности. Преступные сообщества не только не могут входить в гражданское общество, но противопоставляют себя ему. Гражданское общество независимо от государства, не может быть подконтрольно ему и тем более управляемо им. Люди сами, под свою ответственность, выбирают стратегию своей

жизни, род деятельности и пути развития. Гражданское общество – это совокупность самоорганизующихся и независимых от государства институтов. Гражданское общество всегда строится только «снизу», самими людьми, зачастую преодолевая сопротивление государства (если оно недемократично). Невозможность построения гражданского общества «сверху» обусловлена тем, что если государство само создает что-либо или участвует в его создании, то образуемые им структуры либо будут уже частью государственных институтов, либо будут контролироваться государством, что несовместимо с вышеназванными признаками гражданского общества. Так как в основе гражданского общества находится не публичный, а частный интерес, то во главу угла ставится человек, его права и свободы как высшая конституционная ценность, а не общество или государство.

Библиографический список

1. Гошуляк В.В. Правовые принципы закрепления основ конституционного строя России в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации // *Lex Russica*. 2017. N 1 (122). С. 121–129.
2. Устав Нижегородской области от 30 декабря 2005 г. (в ред. от 03.02.2020) // *Нижегородские новости*. 2006. 18 января.
3. Закон Республики Коми от 29 ноября 2012 г. N 91-РЗ «О некоторых вопросах проведения публичных мероприятий в Республике Коми» (в ред. от 08.05.2020) // *Ведомости нормативных актов органов государственной власти Республики Коми*. 2012. N 63. Ст. 1545.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 ноября 2019 г. N 33-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 6 статьи 5 Закона Республики Коми «О некоторых вопросах проведения публичных мероприятий в Республике Коми в связи с жалобами граждан М.С. Седовой и В.П. Терешонковой» // *Вестник Конституционного Суда Российской Федерации*. 2019. N 6.
5. Устав Астраханской области от 9 апреля 2007 г. (в ред. от 26.12.2018) // *Сборник законов и нормативных правовых актов Астраханской области*. 2007. N 18.

УДК 327.7

Международный опыт противодействия идеологии терроризма и экстремизма (на примере ЕС)

Александр Дмитриевич Старкин

Сибирский институт управления, филиал РАНХиГС,

Новосибирск, Россия

alexander.starkin@icloud.com

Аннотация. В статье рассматривается международный опыт противодействия идеологии терроризма и экстремизма. Рассматриваются правовые механизмы Европейского союза в области противодействия идеологии терроризма и экстремизма. Анализируется роль государственного управления в реализации политики Европейского союза в области противодействия идеологии терроризма и экстремизма.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, Европейский союз, антитеррористическая политика, стратегия.

International experience in countering the ideology of terrorism and extremism (by the example of the EU)

Alexander D. Starkin

Siberian institute of management branch of RANEPA,

Novosibirsk, Russia

alexander.starkin@icloud.com

Summary The article discusses the international experience of countering the ideology of terrorism and extremism. The legal mechanisms of the European Union in the field of countering the ideology of terrorism and extremism are considered. The role of public administration in the implementation of the policy of the European Union in the field of countering the ideology of terrorism and extremism is analyzed.

Keywords: terrorism, extremism, European Union, anti-terrorist policy, strategy.

При обсуждении вопросов противодействия идеологии терроризма и экстремизма стоит пояснить этот термин, принимая

во внимание различия в его определении через призму науки и правовых норм. Основной целью террористических организаций является принуждение органов государственной власти к определенным уступкам путем создания хаоса и страха среди населения. Манипулирование страхом является частью террористической стратегии. Терроризм – это преднамеренная акция, направленная на то, чтобы запугать общественность и добиться от лидеров тех или иных уступок.

Принято считать, что террористический акт – это акт насилия против общества или против государственных и международных организаций. Не столь важно, совершались ли действия шантажистами, психопатами, преступниками или антиправительственными диссидентами [1].

Рассмотрим то, каким образом осуществляется противодействие идеологии терроризма и экстремизма в международной практике на примере Европейского союза (ЕС). Изучение данного опыта полезно в свете того, что РФ в очередной раз оказалась перед лицом международной террористической угрозы, в этот раз связанной в том числе с событиями в мире и на Украине. Несмотря на то, что ЕС в данный момент не рассматривается органами государственной власти РФ как дружественный союз, в нем накоплен богатый опыт борьбы с терроризмом как в практическом, так и в идеологическом ключе.

Антитеррористическая политика Европейского Союза неразрывно связана с эволюцией терроризма и является ответом на постоянно растущую угрозу террористических актов. Его создание было связано прежде всего с отсутствием соответствующих механизмов и правовых норм в этой сфере. Сотрудничество на международном уровне позволяет минимизировать риск терактов.

Под антитеррористической политикой понимается совокупность инструментов, действий и мер, направленных на предотвращение террористических актов. В ней изложены критерии и механизмы, ответственные за борьбу с терроризмом. Важным документом, принятым в декабре 2003 г. Советом Европейского союза, стала Европейская хартия безопасности (ЕХБ). Хартия

определила терроризм, распространение оружия массового уничтожения, региональные конфликты, организованную преступность и несостоятельность государств в качестве основных угроз для европейского континента.

Одним из важнейших документов в этой сфере является принятая в 2005 году контртеррористическая стратегия ЕС. Она основана на четырех основных положениях, которые необходимо реализовать для эффективного противодействия терроризму, а также для повышения уровня безопасности в Европе. В стратегии подчеркивалась, прежде всего, роль сотрудничества ЕС с государствами-членами и международными организациями. Первое положение заключается в эффективном предотвращении террористических атак.

Защита граждан и инфраструктуры является вторым приоритетом стратегии ЕС. В связи с этим предпринятые инициативы касались повышения безопасности внешних границ и транспортной безопасности, снижения уязвимости стратегических объектов от террористических атак.

Другой целью было сотрудничество полиции и судебных органов со стороны всех государств-членов ЕС, чтобы затруднить террористическим организациям планирование, организацию и осуществление террористических атак. В связи с этим Евросоюз начал бороться с финансированием террористических группировок и отсекал их от мер поддержки и связи [4].

Последняя цель касалась последствий террористических атак с учетом готовности государств-членов реагировать напрямую и минимизировать последствия нападения. С этой целью приоритет был отдан разработке механизмов оценки рисков, развитию кризисной координации ЕС и потенциала для оказания помощи жертвам.

Основной целью этой стратегии было продвижение международного партнерства и содействие сотрудничеству между государствами-членами. В ответ на теракты в Мадриде в 2004 году лидеры

Европейского Союза назначили Координатора ЕС по борьбе с терроризмом на основе Декларации о борьбе с терроризмом.

Одна из последних инициатив лидеров ЕС – поручить Европолу создать подразделение, которому будет поручено бороться с террористической пропагандой в киберпространстве. Европейская группа по безопасности Интернета (EU IRU), созданная в 2015 году, нацелена на выявление террористического контента в сети Интернет.

В начале декабря 2015 года Совет совместно с Европейским парламентом разработал директиву об использовании записей регистрации пассажиров (PNR). Основной целью принятия данного документа было предупреждение, выявление и преследование террористических правонарушений и преступлений. Директива обязывает авиаперевозчиков предоставлять государствам-членам ЕС данные о пассажирах на международных рейсах, то есть данные, относящиеся к информации, которую пассажиры должны предоставить при бронировании рейса и регистрации [5].

Одной из последних инициатив, связанных с повышением европейской безопасности, является директива от 7 марта 2017 года, принятая Европейским парламентом и Советом по предотвращению террористических атак и реагированию на появление иностранных боевиков-террористов. Директива устанавливает уголовную ответственность за террористические преступления с учетом новых форм терроризма. Она также признает подготовку или организацию и содействие поездкам в террористических целях террористическими преступлениями.

В отчете ЕС о терроризме и террористических тенденциях за 2021 год борьба с терроризмом была признана одним из важнейших приоритетов стран ЕС и его международных партнеров. Установлено, что терроризм угрожает европейской безопасности, демократическим ценностям и европейскому сообществу. В последнее время большую часть нападений составляют этнические националисты и сепаратисты. Великобритания, Франция и Испания входят в число стран, где совершались сепаратист-

ские теракты. В свою очередь, в последние годы в 18 государствах-членах ЕС были зарегистрированы задержания лиц, подозреваемых в участии в деятельности террористических групп.

Проведенное исследование показало, что антитеррористическая политика ЕС претерпела изменения. Главный фактор, повлиявший на его нынешний облик, – частые теракты. Эффективность антитеррористической политики в значительной степени зависит от эффективных действий, предпринимаемых на национальном уровне. Эффективная борьба с терроризмом требует как скоординированных действий внутри ЕС, так и общей политики со странами, не входящими в ЕС. В связи с этим важно наладить полное сотрудничество с США и их органами безопасности. Будущее этой политики зависит не от эффективности воинских формирований, а от способности разрешать конфликты социального или международного характера.

Библиографический список

1. Гуласарян А.С. Решение Суда Европейского Союза по объединенному делу «Европейская комиссия... против Ясин Абдулла Кади» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 6. С. 112–117.

2. Декальчук А.А. Внешние шоки как фактор развития интеграционных процессов в пространстве свободы, безопасности и правосудия Европейского Союза : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2015. 185 с.

3. Потемкина О.Ю. Антитеррористическая политика Европейского Союза // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 2. С. 48–58.

4. Потемкина О.Ю. Усиление угрозы терроризма в Европе и ответ ЕС // Современная Европа. 2017. № 3. С. 17–27.

5. Энтин М.Л. Установление косвенной юрисдикции Суда ЕС над резолюциями Совета Безопасности ООН. URL: <http://alleuropalux.org/?p=2502>.

УДК 324

**Особенности реализации молодежью пассивного
избирательного права в Алтайском крае**

Дмитрий Вадимович Банников

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

kss667@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы реализации пассивного избирательного права молодежью, обусловленные произошедшими масштабными реформами в сфере организации органов государственной власти и местного самоуправления, а также системными изменениями избирательного законодательства России.

Ключевые слова: пассивное избирательное право, депутаты, молодежь, Алтайский край, Алтайское краевое законодательное собрание.

**Features of the implementation of passive suffrage
by young people in the Altai Territory**

Dmitry V. Bannikov

Altai State University, Barnaul, Russia

kss667@mail.ru

Summary: The article deals with the problems of the implementation of passive suffrage by young people, due to the large-scale reforms that have taken place in the organization of public authorities and local self-government, as well as systemic changes in the electoral legislation of Russia.

Keywords: passive suffrage, deputies, youth, Altai Territory, Altai Regional Legislative Assembly.

Актуальность рассмотрения проблем реализации пассивного избирательного права молодежью обусловлена произошедшими масштабными реформами в сфере организации органов государственной власти и местного самоуправления, а также системными изменениями избирательного законодательства России.

Политическая наука рассматривает данную проблему в основном с точки зрения изучения структуры и механизмов фор-

мирования политических элит [1, с. 39; 2, с. 159]. Проблематика этих процессов на региональном и муниципальном уровнях была выявлена во время проведения крупных эмпирических исследований, а также в публикациях некоторых исследователей [3, с. 100; 4, с. 64; 5, с. 50; 6, с. 74; 7, с. 49]. Менее значительное внимание было уделено разработке политических и профессиональных карьерных направлений для молодых людей [8, с. 338; 9, с. 182]. Основное внимание было сконцентрировано на субъективных составляющих вертикальной политической мобильности и социально-ситуационных условиях формирования молодых политических лидеров [10, с. 600]. Самым рассматриваемым явлением стала реализация активного избирательного права молодежью при ограничении изучения практики участия в выборах молодых кандидатов [11, с. 248].

Наиболее распространенным направлением в политической карьере выступает постепенное продвижение молодого человека из статуса активиста или руководителя молодежной политической организации при партии в партийный аппарат. После этого – карьерная деятельность на этом посту с возможностью получения депутатского мандата и/или перехода к работе во власти.

На сегодняшний день, актуальность данной траектории для молодого поколения имеет региональную и гендерную детерминацию. Среди молодежи Юго-Западной Сибири и Северо-Запада России, по данным опросов студентов Алтайского и Санкт-Петербургских государственных университетов в 2018 г., построение политической карьеры как мотив вступления в молодежную политическую организацию назвали 20,2% опрошенных в Алтайском крае [12, с.190].

Лишь 20% опрошенных готовы брать на себя функции лидера, 24% хотят быть активистами или рядовыми членами МПО, а 12% хотят быть лишь сторонниками. Такие показатели свидетельствуют о наличии в данной группе опрошенных идеалистических представлений о политической карьере.

Подобный отказ от использования молодежных политических организаций в качестве карьерного лифта можно объяснить слабой осведомленностью молодежи о деятельности этих организаций и возможностях для личностного роста потенциального политического лидера. В качестве примера можно привести

данные 2018 г., согласно которым при ответе на закрытый вопрос о наличии в исследуемых регионах Молодежных парламентов оказались осведомлены 30,8% в Алтайском крае, молодежных политических организаций при политических партиях – 17,3%, молодежных общественно-политических организаций – 22,6%, молодежных избирательных комиссий – 21% опрошенных. Спустя год респондентам был задан уже открытый вопрос, показавший, что молодое поколение слабо осведомлено о молодежных организациях и реализуемых ими проектах: 1,2% опрошенных в Алтайском крае назвали «Молодую Гвардию Единой России», 0,4% в крае указали Молодежные парламенты, 0,8% упомянули проект «Лидеры России» и проведение молодежных форумов.

Примерно половина опрошенных не смогли дать оценку деятельности общественно-политических организаций, играющих роль карьерных лифтов для молодого поколения активистов. В основном респонденты дали оценку «удовлетворительно», что можно объяснить нежеланием респондентов показаться неосведомленными о деятельности данных организаций.

При проведении опроса в 2020 г. наиболее распространенными ответами на вопрос о доверии молодежным политическим организациям стали «в чем-то доверяю, в чем-то нет» и «скорее доверяю». Студенты, более информированные о работе данных организаций, были более критичны в своих ответах.

Рекрутирование молодого поколения в политику посредством молодежных организаций осуществляется на постоянной основе. Однако реализация «традиционной» карьерной траектории, имеет существенные проблемы. Руководители и активисты молодежных политических организаций, обладая рациональным пониманием того, что реальные политические ресурсы и возможность претендовать на властные полномочия сегодня предоставляют только политические партии или молодежные политические организации, стремятся как можно быстрее занять позицию уже в партийной иерархии.

Анализ руководящего состава региональных отделений парламентских партий показал проблему их низкой пропускной способности или полное отсутствие вертикальных лифтов для

молодежи. По данным 2019 г., опыт работы в партиях имели 16,5% молодежи в Алтайском крае. На 2018 г. в Политсовет алтайского регионального отделения «Единой России» входили 8,7% членов до 35 лет, в региональном Совете партии «Справедливая Россия» таких было 11%. В Алтайском крае такие пропорции сохранились (в Политсовете от «Единой России» присутствуют 2 представителя партии моложе 30 лет и 8 в возрасте 31-35 лет) [13].

В 2015 г. вследствие внутренних разногласий старых партийных кадров и ухода их части из активной политики, в руководство крайкома вошли бывшие комсомольцы. В результате доля молодых людей до 35 лет в крайкоме составила 6%. Однако, тенденция омоложения политической элиты не получила дальнейшего развития. В Новосибирской области эти показатели сократились с 5,3% в 2018 г. до нуля в 2020 г.

Самый высокий процент молодой региональной партийной элиты к 2018 г. показала ЛДПР. Моложе 35 лет среди членов Координационного совета в Алтайском крае были 10% депутатов, в Новосибирской области их доля составила 35,3%. К 2020 г. в Алтайском крае 28,6% членов Координационного совета были моложе 30 лет. При этом, сохраняется проблема ограниченности электорального ресурса, что не позволяет эффективно использовать управленческий потенциал молодежи для получения депутатских мест в органах власти.

В связи с такими существенными проблемами для карьерного роста молодежи в партийных структурах в 2020 г. готовность участия в партийной работе выразили только 8,1% представителей молодого поколения в Алтайском крае и 10% в Новосибирской области. Этим же и объясняется низкая заинтересованность молодого поколения в деятельности МПО. У молодежи складывается впечатление, что ее используют только с целью проведения социальных акций, но не допускают к принятию решений.

Выборы в Алтайское краевое законодательное собрание VIII созыва 2021 г. демонстрируют следующую ситуацию: в одномандатных округах лишь один депутат от партии «Единая Рос-

сия» в возрасте 30–35 лет выиграл выборы и получил мандат в АКЗС. Другой член этой же партии 30–35 лет получил мандат по партийным спискам. Также 2 депутата от партии КПРФ мо- ложе 30 лет прошли в АКЗС.

В итоге, молодые кандидаты востребованы в качестве кадро- вого ресурса в новых партийных проектах. Именно в них канди- даты из числа молодежи получают шанс участвовать на регио- нальных выборах. Однако в силу незначительной ресурсной ба- зы этих партий, электоральные перспективы молодых кандида- тов ограничены и условны.

При этом экспертный опрос подтвердил влияние региональ- ной ситуации на карьерные возможности молодежи в политике. Эксперты из Алтайского края согласованно отмечали наличие в нем вертикальных лифтов для молодежи.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что карьерные лифты для молодых политиков в регионе существуют, однако нуждаются в оптимизации своей работы и повышении пропуск- ной способности молодого поколения политиков в органы власти.

Библиографический список

1. Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 24–66.
2. Гаман-Голутвина О.В. Политика как управление, управ- ление как политика: рекрутирование лидеров и элит в современ- ном мире (Двадцать девятое Губернаторские чтения. Тюмень, 6 июня 2017 г.) // Полития. 2017. № 3. С. 154–180.
3. Лагутин О.В. Особенности политических карьер в испол- нительной и законодательной власти на региональном уровне // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. № 1. С. 99–115.
4. Лагутин О.В. Факторы формирования моделей карьер региональной административно-политической элиты // Полити- ческая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2014. № 3. С. 63–78.

5. Попова О.В. Карьерные стратегии субфедеральных политических элит // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2013. Вып. 1. С. 49–56.
6. Римский В.Л. Социальные институты и практики, определяющие политические карьеры в регионах и муниципальных образованиях современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. № 1. С. 52–72.
7. Шентякова А.В. Проницаемость каналов рекрутирования в политическую элиту // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2015. Вып. 3. С. 46–56.
8. Голобоков А.С., Тюгаев А.Р. Особенности и проблемы карьеры современной российской молодежи // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 2. С. 238–241.
9. Барсегян В.М. Межпоколенная социальная мобильность молодых политических активистов: уровень, интенсивность, факторы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. № 1. С. 179–190.
10. Попова О.В., Лагутин О.В. Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 599–619.
11. Шарапов А.В. Электоральная активность молодежи в 2000-е гг. в Алтайском крае // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 8 (100). С. 248–252.
12. Асеев С.Ю., Шашкова Я.Ю. Роль институциональной среды в построении политических карьер молодых политических лидеров в регионах Юго-Западной Сибири // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 186–198.
13. Сведения о списке кандидатов, выдвинутых по одномандатным округам. Выборы депутатов Алтайского краевого законодательного собрания восьмого созыва // Сайт избирательной комиссии Алтайского края. URL: http://www.altaiterr.izbirkom.ru/news/novosti-komissii/72935/?sphrase_id=53 (дата обращения: 30.03.2022).

УДК 32.019.51

**Образ электронного голосования в российских СМИ
в период избирательной кампании 2021 г. на примере
«Российской газеты» и «Новой газеты»**

Наталья Сергеевна Флаот

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
natashaflaot@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты дискурс-анализа материалов «Российской газеты» и «Новой газеты» по проблеме дистанционного электронного голосования. Проведено сравнение сконструированных изданиями образов ДЭГ, описаны основные дискурсивные практики и методы воздействия на сознание аудитории. На примере СМИ с противоположной позицией по рассматриваемой теме представлена основная аргументация сторонников и противников внедрения электронного голосования в России.

Ключевые слова: политический дискурс, дискурс СМИ, дискурс-анализ, дистанционное электронное голосование, выборы.

**The image of electronic voting in Russian media
during the 2021 election campaign
(the case of «Rossiyskaya Gazeta» and «Novaya Gazeta»)**

Natalia S. Flaot

Altai State University, Barnaul, Russia
natashaflaot@gmail.com

Summary. The article presents the results of discourse analysis of «Rossiyskaya Gazeta» and «Novaya Gazeta» publications on the topic of remote electronic voting in Russia. The author compares constructed by media images of i-voting, describes the main discourse practices and manipulative methods which can influence public consciousness. On the example of mass media with opposite position on the this issue the article reveals the most common arguments of the electronic voting's supporters and opponents.

Keywords: political discourse, media discourse, discourse analysis, remote electronic voting, elections.

Дистанционное электронное голосование (ДЭГ) является частью тренда на цифровизацию и активно внедряется в избира-

тельных кампаниях различных уровней. В 2019 г. процедура была апробирована на выборах в Мосгордуму, в 2020 г. – на голосовании по поправкам в Конституцию РФ, а в 2021 г. – впервые на парламентских выборах сразу в семи регионах. Данная тенденция позволяет говорить о том, что применение интернет-технологий в избирательном процессе будет только расширяться, в связи с чем актуальной представляется проблема не только технической реализации, но и легитимации онлайн-выборов в глазах общественности. Огромную роль в повышении доверия или, напротив, дискредитации ДЭГ играют СМИ, которые за счет дискурсивных технологий способны сформировать определенный, выгодный той или иной стороне, образ нововведения в сознании граждан.

Для анализа образа ДЭГ в российских массмедиа были выбраны противоположные по своей позиции издания: официальное СМИ Правительства России – «Российская газета» (далее – «РГ») и одно из наиболее оппозиционных медиа – «Новая газета» (далее – «НГ») – противопоставление позволит выделить отличительные черты дискурса «за» и «против», а также особенности выстроенного образа электронного голосования. В рамках исследования было отобрано 25 текстов «Новой» и 73 публикации «Российской газеты». Анализируемый период – с апреля по сентябрь 2021 г., то есть с начала обсуждения технологии онлайн-голосования на праймериз «Единой России» до оглашения итогов парламентских выборов и их обсуждения.

Закономерно преобладающей дискурсивной стратегией «НГ» в отношении ДЭГ оказалась стратегия «на понижение» (критику нововведения) – 72% текстов, «РГ» – стратегия «на повышение» (одобрение) – 62% публикаций. Данная политика изданий находит отражение в используемой аргументации.

Для аргументации «Новой» характерна критика электронного голосования в связи с возможными фальсификациями, а также отсутствием контроля подготовленных наблюдателей. В свою очередь «РГ» активно агитирует в пользу ДЭГ, которое в текстах издания выступает неизбежным этапом цифровизации, а также безопасным способом участия в голосовании в период пандемии. К тому же это очень просто и удобно – проголосовать можно в автомобильной пробке или на даче, «кликнув» по экрану смартфона.

Таблица 1. Веса аргументов по проблематике ДЭГ

«Знак» аргумента	Аргументация	«Новая газета», вес, %	«Российская газета», вес, %
+	Развитие электронных технологий	0	13,2
+	Повышение явки	1,8	3,1
+	Обеспечение тайны выборов, добровольность	3,6	4,2
+	Достоверность результатов	0	5,7
+	Безопасность	1,8	6,3
+	Возможность контроля	1,8	7,8
+	Коронавирус	1,8	8,9
+	«Никто такого раньше не делал»	1,8	4,7
+	Можно голосовать за рубежом, в удаленных местах	0	3,6
+	Удобство	0	9,4
+	Возможность выиграть подарки (для Москвы)	0	2,1
+	Интерес у общества, востребованность	0	8,3
+	Инклюзивность	0	3,1
+	Опыт проведения ДЭГ в России и мире	3,6	13
Всего		16,2	93,4
-	Возможность сбоя, тех неполадки	3,64	0,5
-	Подмена выбора, фальсификации, вбросы	25,61	0
-	Увеличение результата «Единой России»	16,36	0
-	Хакерские атаки	3,64	3,1
-	Принуждение, неанонимность	12,73	1
-	Использование ненадежного иностранного ПО	0	1
-	Нет контроля и подготовленных наблюдателей	10,91	1
-	Фейки, мертвые аккаунты	10,91	0
Всего		83,8	6,6

Соответствующая риторика прослеживается и в приводимых газетами высказываниях: в случае «НГ» 53% случаев цитирования приходится на критику ДЭГ, 29% – похвалу (в основном, высказывания представителей ЦИК РФ), 18% характеризуются как нейтральные; в материалах «РГ» 79% цитат приводятся «за» внедрение электронного голосования, всего 2% – «против» и 19% являются нейтральными.

Интен-анализ текстов «Новой» выявил противопоставление кандидатов от оппозиции и так называемого «списка Собянина». В категорию «мы» или «свои» попадают редакция газеты и иные журналисты, поддерживающие мнение издания, абстрактные «мыслящие» читатели, депутаты от КПРФ и «Справедливой России – За правду!», потерявшие свои мандаты после подсчета онлайн-голосов и некоторые независимые эксперты, например, С. Шпилькин. «Чужими» выступают все сторонники электронного голосования, включая органы власти, партию «Единая Россия», Общественный штаб по наблюдению за выборами в Москве и т.д. За «они» закрепляется ярлык неадекватного агрессора, стремящегося путем фальсификаций добиться высоких результатов партии власти.

Анализ доминантных психолингвистических сценариев [1, с. 13–18] показал преобладание таких д-сценариев, как «неадекватность», причем как властей, которые гонятся за «большими цифрами», так и разработчиков системы и неквалифицированных наблюдателей, «зомбированных» пропагандой. Сценарий «тщетность» проявляется в представлении ДЭГ как давно решенного вопроса, дискуссия вокруг которого никому не интересна.

В текстах «Российской газеты» нет жёсткого противостояния между «своими» и «чужими», однако последние представляются «пещерными людьми», выступающими против прогресса. К «мы» для «РГ» относятся представители органов власти, правительство Москвы, международные эксперты, «наиболее активная, динамичная, мобильная часть общества», выбравшая ДЭГ, Общественный штаб по наблюдению за выборами в Москве, политологи, артисты и т.д. К «чужим» относится внешний враг – иностранные хакеры, СМИ или власти, стремящиеся дискредитировать выборы и сорвать голосование. Это отражается в разворачивающихся д-сценариях, таких как «опасность» и «неадекватность».

Из методов пропаганды ключевым для «Новой» является навешивание ярлыков, данный прием способствует созданию устойчивых ассоциаций: праймериз «Единой России» – маразм («праймаказм»), ДЭГ – «лохотрон», общественные штабы наблюдателей – «потемкинские деревни», ночь, в которую результаты электронного голосования резко изменились в пользу кандидатов «Единой России» – «ночь длинных цифр» (аналогия с «ночью длинных ножей» в Германии), а вся избирательная система России – «майоритарная» (от слов «мажоритарная» и «майор», то есть контролируемая силовиками). «Российская газета», в свою очередь активно применяет прием «совет обычного человека», так, в пользу ДЭГ выступают моряк из Москвы, егеря из Москвы, космонавт-москвич и т.д.

Таким образом, образ ДЭГ в публикациях «Новой газеты» – технически сложная процедура, реализовать которую в полной мере не способно ни одно государство в мире. В России же нововведение связано исключительно с целью увеличить число голосов за партию власти. Процедура слабо проработана технически, а неподготовленность наблюдателей приводит к возможности фальсификаций.

Электронное голосование в «Российской газете» предстает простой и удобной для пользователей процедурой. Россия, являясь передовой страной в области цифровой демократии, внедряет ДЭГ, так как это неизбежный шаг в сторону прогресса и цифровизации всех сфер общественной жизни. Ключевой проблемой электронного голосования «РГ» видит внешнее вмешательство и стремление отдельных субъектов сорвать выборы в России.

Сформулированные образы электронного голосования кардинально различаются, а победу того или иного видения покажут результаты будущих социологических измерений и избирательных кампаний.

Библиографический список

1. Котов А.А. Механизмы речевого воздействия в публицистических текстах СМИ: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.филол.н. Спец. (10.02.19). Томск, 2003. 24 с.

Новое обличье «Красного пояса»

Олег Викторович Павленко

Ярославский государственный университет

им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

pisatel10@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена одному из политических явлений на евразийском пространстве – «красному поясу» и процессу его трансформации. Анализируя социологические данные, автор производит оценку электоральных предпочтений населения в регионах «красного пояса» с момента появления последнего и до наших дней, делая вывод об изменении его характера и перспективах его развития в ближайшем будущем. Они заключаются в том, что его консервативное этатистское население при потере популярности коммунистической идеологии обратилось к православию и стало основой электората «Единой России». Данная тенденция, вероятно, будет иметь место и на последующих выборах в Государственную Думу.

Ключевые слова: Выборы, Государственная Дума, КПРФ, «Единая Россия», «красный пояс», электоральная база, электоральные перспективы.

The new face of The Red Belt

Oleg V. Pavlenko

Yaroslavl Demidov State University, Yaroslavl, Russia

pisatel10@mail.ru

Summary. The article is devoted to a political phenomenon of the Eurasian space called the Red Belt and its transformation. The author analyses sociological data and assesses the electoral preferences in the regions of the Red Belt since its inception, concentrating on its nature and prospects of development. It is that its conservative state-oriented population, frustrated by the decay of the communist ideology, has turned to Orthodoxy and constituted the basis of the electorate of United Russia. The trend is expected to continue until the next election to the State Duma.

Keywords: election, the State Duma, CPRF, United Russia, the Red Belt, electoral base, electoral prospects.

Понятие «Красный пояс» появилось еще в 1993 г., после первых выборов в Государственную Думу. Данным термином тогда начали обозначать устойчивый конгломерат регионов, где большинство голосовавших отдавали свой голос за КПРФ.

После выборов в ГД 1999 г. политологом Ростиславом Туровским к «Красному поясу» были отнесены Смоленская, Брянская, Калужская, Орловская, Курская, Белгородская, Рязанская, Липецкая, Тамбовская, Воронежская, Пензенская, Ульяновская, Саратовская, Волгоградская и Астраханская области. Среди населения этих регионов была наиболее высока доля сельскохозяйственных рабочих, бедных промышленных рабочих и безработного населения, а также отмечалась высокая степень консерватизма. В то же время, если говорить об экономическом потенциале данных регионов, они не являлись наименее развитыми. Ослабевать поддержка коммунистов стала после окончания экономической депрессии 1990-х и восстановления экономической и политической стабильности в начале 2000-х [1, с. 102–121].

Из упомянутых фактов можно сделать вывод, что поддержка КПРФ в данных регионах на выборах 1999 г. зиждилась, прежде всего, на поддержке местного консервативно настроенного населения, занятого в промышленности и сельском хозяйстве. По сравнению с выборами 1993 г., когда коммунисты ожидаемо проиграли выборы с 12,40 % голосов, утратив всякое доверие ввиду неспособности контролировать ситуацию в стране и развала СССР, на выборах 1995 года они достигли победы с 22,30 % голосов, а на выборах 1999 г. сумели набрать уже 24,29 % голосов. Причиной данного взлета и возвращения коммунистов в качестве ведущей партии служит, в первую очередь, ностальгия по советской стабильности. И именно «Красный пояс» являлся главной электоральной базой для КПРФ на время этих двух созывов. Однако, этот успех они уже больше никогда не смогут повторить в истории современной России.

Прежде всего, это связано с активизацией в 2000 г. деятельности по привлечению избирателей двумя другими крупнейшими партиями, которые заняли второе и третье места на выборах 1999 года – партиями «Единство» и «Отечество – Вся Россия». Через год на общем съезде они объединятся с партией «Наш дом – Россия» в «Единую Россию». Благодаря грамотной электоральной политике в регионах, данная партия уже на следующих выборах 2003 г. смогла получить большинство голосов практически во всех регионах, набрав 37,56% голосов и сдвинув позиции коммунистов на второе место [2, с. 389–400].

Еще одну тенденцию, связанную с «Красным поясом», отмечает Мария Ухватава: он стал религиозным. По результатам опроса населения 2012 г. именно в регионах, принадлежащих к «поясу», отмечается самый большой процент православных, в частности: в Тамбовской (78,4%), Липецкой (71,3%), Нижегородской областях (69,3%), – при среднем значении 41% в целом по стране [3, с. 98–113].

Описанная тенденция объясняется консервативностью населения «пояса». Когда стало окончательно ясно, что коммунистическая идеология не имеет перспектив в современном мире, люди подобного уклада невольно стали искать себе «островок стабильности» в жизни, которым выступило возрожденное православие. И совсем неудивительно, что именно «Единая Россия» стала главным бенефициаром этого сдвига, сделав консерватизм и тесную связь с РПЦ частью своей идеологии [4, с. 5–21].

Результаты выборов 2021 г. подтверждают эту тенденцию: именно старый «Красный пояс» охватывает большинство регионов, где «Единая Россия» набрала более 50% голосов. При этом основные регионы поддержки КПРФ во время последних выборов изменились. Партия получила плацдарм на Дальнем Востоке, вытеснив партии «Справедливая Россия – За правду» и ЛДПР из Якутии, Хабаровского и Забайкальского краев после разочарования в данных партиях местного населения за время деятельности Думы VII созыва [5]. Данная тенденция, вероятно, сохранится и до последующих выборов в Государственную Думу, ибо предпосылки для ее изменения отсутствуют.

Библиографический список

1. Туровский Р.Ф. Парламентские выборы 1999 г.: региональные особенности // *Полития*. Зима 1999–2000. № 4 (14). С. 102–121.
2. Николенко К.Д. КПРФ в 1999–2003 гг.: потеря инициативы и спад влияния // *Труды Института российской истории РАН*. 2015. № 13. С. 389–400.
3. Щербак А.Н., Ухватова М.В. От «красного пояса» – к «библейскому»: исторические предпосылки сдвигов в политической географии России // *Общественные науки и современность*. 2018. № 6. С. 98–113.
4. Баранов Н.А. Идеологические установки ведущих российских политических партий в преддверии выборов 2021 года // *Социально-политические исследования*. 2021. № 1(10). С. 5–21.
5. ГД–2021. Окончательная карта результатов 2021. URL: <https://ffinoz.livejournal.com/54309.html>.

УДК 324

Роль праймериз в политическом процессе Алтайского края

Виктория Валериевна Анищенко

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
viktoria.anishchenko@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема несоответствия итогов предварительного голосования и списков партии «Единая Россия» по партийным спискам и одномандатным округам. Данная тенденция наблюдается в рамках каждой избирательной кампании на всех уровнях выборов. Скорректированные списки на выборах формируются на съезде партии. Тем самым, победа в праймериз не гарантирует лидерство в избирательной кампании. Также стоит подчеркнуть, что, даже если кандидат является представителем «Единой России», одержавшим победу на праймериз с высокими результатами, это не является гарантией победы на основных выборах.

Ключевые слова: праймериз, предварительные выборы, предварительное голосование, Алтайский край, «Единая Россия».

The role of primaries in the political process of Altai Region

Viktoriya V. Anishchenko

Altai State University, Barnaul, Russia

viktoriya.anishchenko@yandex.ru

Summary. The article deals with the problem of the discrepancy between the results of the preliminary voting and the lists of the United Russia party according to party lists and single-mandate constituencies. This trend is observed within the framework of each election campaign at all levels of elections. Adjusted lists for elections are formed at the party congress. Thus, winning the primaries does not guarantee leadership in the election campaign. It is also worth emphasizing that even if the candidate is a United Russia representative who won the primaries with high results, this is not a guarantee of victory in the main elections.

Keywords: primaries, pre-election, preliminary voting, Altai Region, «United Russia».

В 2021 году впервые праймериз партии «Единая Россия» прошли по всей стране в электронном формате и продлились неделю. Для ряда регионов дополнительно сохранилась и классическая форма голосования – «счетные участки» [1]. В Алтайском крае, помимо отбора кандидатов от партии в Государственную Думу Российской Федерации, состоялось предварительное голосование по отбору кандидатов в Алтайское краевое Законодательное Собрание.

Для популяризации предварительного голосования и кадрового наполнения процесса голосования в марте 2021 года в Алтайском крае «Единая Россия» запустила проект «Региональный ПолитСтартап», который стал для участников тренировочной площадкой перед майскими электронными праймериз. Участниками регионального проекта стали 150 молодых людей в возрасте от 21 до 35 лет, среди которых партийцы, общественники, волонтеры, представители социальной сферы, молодые предприниматели. Проект подразумевал несколько этапов, первый – отбор по результатам рейтингового голосования на сайте проекта «Региональный ПолитСтартап», финалистами которого стали 20 человек, в итоге принявшие участие в предварительном голо-

совании по выборам как федерального, так и регионального уровня. Вторым этапом подразумевалась защита социально значимых проектов, направленных на развитие региона. Как итог – пять победителей получили в качестве наставников федеральных и региональных политиков для участия в предварительном голосовании, а реализацию пяти социально значимых проектов поддержали на уровне регионального отделения «Единой России». В дальнейшем два победителя проекта стали депутатами Алтайского краевого Законодательного Собрания – Артем Сафонов и Анна Ведлер.

В Алтайском крае предварительное голосование в 2021 году проходило по смешанной системе. На данный аспект влияет удаленность от точек доступа к высокоскоростному интернету, а также отсутствие опыта проведения голосования в онлайн-форматах. Участников предварительного партийного голосования поддержало более 228 тысяч (12%) жителей региона. При этом в электронной процедуре приняли участие всего 89324 «выборщиков», хотя федеральное руководство партии делало акцент именно на новый формат [1].

Но все же, основная проблема возникает в ходе анализа итогов праймериз и окончательных списков партии на выборах, так как, независимо от результатов, финальный рейтинг участников рассматривается на Съезде партии. Также, согласно Уставу, лидер партии может предложить Съезду утвердить любое число кандидатов, как по списку, так и по одномандатным округам. Отсюда – скорректированные списки партии на сентябрьских выборах.

В сентябре в единый день голосования партию в Алтайском крае представил 204 кандидат, среди них 34 одномандатника и 170 кандидатов по списку [2]. Рассматривая федеральные результаты в регионе, стоит отметить, что Владимир Шаманов, уроженец Алтайского края, экс-командующий ВДВ, бывший Губернатор Ульяновской области, представляющий в Государственной Думе Российской Федерации VII созыва Ульяновскую область, возглавил региональный список по Алтайскому краю. При этом Шаманов вовсе не участвовал в процедуре предварительного голосования «Единой России», впоследствии став единственным представителем партии по списку в федеральном парламенте [3]. Наталья Кувшинова, действующий депутат Го-

сударственной Думы Российской Федерации VII созыва, заняла первое место в предварительном голосовании по округу №2 Алтайского краевого Законодательного Собрания, включающему в себя Ключевский, Кулундинский, Табунский и Михайловский районы Алтайского края (территориальная группа), и второе место по единому территориальному списку Государственной Думы Российской Федерации, уступив секретарю регионально-го отделения Партии «Единая Россия» Александру Романенко. В итоговых списках Кувшинова стала лидером территориальной группы округа №2 АКЗС и второй в территориальном списке партии по выборам депутатов федерального уровня, включающем в себя Алтайский край и Республику Алтай, уступив Владимиру Шаманову. На сентябрьских выборах «Единая Россия» не смогла получить необходимый процент голосов, и Наталья Кувшинова не прошла ни в региональный, ни в федеральный парламент, впоследствии став Представителем Губернатора и Правительства Алтайского края в Алтайском краевом Законодательном Собрании [4]. Победитель праймериз по Рубцовскому одномандатному округу Государственной Думы Российской Федерации Виктор Зобнев (78,81%) отказался от участия в основных выборах по данной территории. Позже он занял третье место в региональном списке партии в Алтайское краевое Законодательное Собрание и впоследствии стал представителем региона в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Второе место по Рубцовскому одномандатному округу занял Сергей Струченко, заместитель Председателя Барнаульской городской Думы, представив партию в основной избирательной кампании, но победу в данном округе одержала Мария Прусакова – Первый секретарь Алтайского крайкома КПРФ, депутат Алтайского краевого Законодательного Собрания [5]. В других одномандатных округах победители предварительного голосования сохранили свои позиции в списках партии. Среди них действующие депутаты федерального уровня, Даниил Бессарабов (77,64%), по Барнаульскому одномандатному округу, Александр Прокопьев (93,55%), по Бийскому одномандатному округу и Иван Лоор (70,44%), по Славгородскому одномандатному округу, на сентябрьских выборах получили мандаты Государственной Думы Российской Федерации.

Губернатор Алтайского края Виктор Томенко возглавил список партии на выборах в Алтайское краевое Законодательное Собрание, также не приняв участия в праймериз. Впоследствии Виктор Томенко отказался от своего депутатского мандата в пользу лидера территориальной группы №6, главного врача Федерального центра травматологии, ортопедии и эндопротезирования Владимира Пелеганчука [6].

Обобщая результаты праймериз и выборов в краевое Законодательное Собрание, стоит подчеркнуть, что не все победители предварительного голосования от «Единой России» стали победителями на сентябрьских выборах, что подтверждает общефедеральную тенденцию. В их числе представители партийных списков и одномандатных округов – Наталья Кувшинова, Анна Ведлер, Наталья Цепенко, Дмитрий Аганов, Евгений Кулешев, Дмитрий Абалымов, Вячеслав Перерядов и другие [7]. Также в их числе Александр Лисицын, впоследствии получивший освободившийся мандат Виктора Зобнева, ставшего сенатором от Алтайского края [8].

По сравнению с 2016 годом, партия «Единая Россия» не смогла сохранить большинство в краевом парламенте. Результат по списку составил 34,33%. Всего партию на данный момент представляют 31 (из 68 возможных) депутатов, среди них 19 человек по списку и 12 одномандатников [2]. В ходе работы нового созыва регионального парламента партийные мандаты «Единой России» стали замещаться теми, кто не прошел в АКЗС в рамках основной кампании. К примеру, депутатом Алтайского краевого Законодательного Собрания стала лидер территориальной группы №1 (город Славгород, город Яровое и Бурлинский район), руководитель движения «Волонтеры-медики» в Алтайском крае Анна Ведлер, которой передан мандат Юлии Фроловой, избравшейся главой Первомайского района Алтайского края [9].

В целом же стоит отметить, что результаты предварительного голосования партии «Единая Россия» не всегда совпадают с итоговыми партийными списками и списками кандидатов в одномандатных округах. Подчеркнем, что для осуществления контроля в рамках партии существуют руководящие органы, которые являются последней инстанцией. Зачастую участниками и

победителями праймериз становятся нейтральные публичные лица в регионе и в конкретных округах, впоследствии уступающие места основным кандидатам партии.

Библиографический список

1. Официальный сайт Партии «Единая Россия». URL: <https://er.ru/>.
2. Официальный сайт Избирательной комиссии Алтайского края. URL: <http://www.altai-terr.izbirkom.ru>.
3. Толк – сетевое издание. URL: <https://tolknews.ru/politika/63586-kto-ot-altaya-proshel-v-gosudarstvennyu-dumu-novogo-soziva>.
4. Сетевое издание «Катунь24.ру». URL: <https://katun24.ru/news/664275>.
5. АНО «ИнПресс». URL: <https://svpressa.ru/persons/mariya-prusakova/>
6. «БАНКФАКС». URL: <https://www.bankfax.ru/news/143217/>
7. ООО «Амител». URL: <https://www.amic.ru/news/prochee/volontery-rektory-i-desant-iz-barnaulskoy-dumy-edinorossy-podveli-itogi-praymeriz>
8. Толк – сетевое издание. URL: <https://tolknews.ru/politika/64819-svobodniy-mandat-v-altayskom-parlamenta-otdali-aleksandru-lisitsinu>.
9. Толк – сетевое издание. URL: <https://tolknews.ru/politika/120195-pochemu-anna-vedler-stala-deputatom-altayskogo-zaksobraniya>

УДК 32.019.5.

Роль интернет-коммуникаций в формировании протестных настроений молодежи Российской Федерации

Елизавета Эдуардовна Тюпенкова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
tyupenkova@list.ru

Аннотация. Данное исследование посвящено изучению роли интернет-коммуникаций, в том числе социальных сетей, мессенджеров, в формировании протестных настроений молодежи РФ. Делается попытка доказать, что интернет-коммуникации –

ключевой элемент мобилизации, который определяет временные рамки протеста и организационные возможности. Анализируются онлайн-мобилизационные механизмы, а также выделяются тенденции влияния цифровизации на протест. Рассматривается пример январских акций протеста 2021 года в поддержку Алексея Навального.

Ключевые слова: протест, молодежь, интернет, социальные сети, мессенджеры, цифровизация.

The role of Internet communications in shaping the protest moods of the youth of the Russian Federation

Elizaveta E. Tyupenkova

Altai State University, Barnaul, Russia

tyupenkova@list.ru

Summary. This research is devoted to the study of the role of Internet communications, including social networks, instant messengers, in shaping the protest moods of the youth of the Russian Federation. An attempt is made to prove that Internet communications are a key element of mobilization, which determines the time frame of the protest and organizational possibilities. Online mobilization mechanisms are analyzed, and trends in the impact of digitalization on protest are highlighted. The example of the January 2021 protests in support of Alexei Navalny is considered.

Keywords: protest, youth, internet, social networks, instant messengers, digitalization.

Современная политическая система Российской Федерации претерпевает постоянные изменения, которые затрагивают проблемы политических коммуникаций и мобилизации масс. Во многом от коммуникационных факторов политического процесса зависит итог политической борьбы и легитимность действующей власти. Особенно значимыми они становятся в ситуации обострения конфликтов в период избирательных кампаний, когда политические группы стремятся активизировать широкие сообщества своих сторонников. В условиях смены источников получения информации ведущую роль в политической мобилизации начинают занимать социальные медиа. Именно их все

чаще использует несистемная позиция для лоббирования своих идей, мобилизации протеста, достижения определенных целей и трансляций нужной для них информации. Целью настоящей статьи является попытка выявить роль интернет-коммуникаций в формировании протестных настроений молодежи Российской Федерации.

Цифровые коммуникации, в частности, социальные медиа, способствуют распространению протестной активности. Сайты социальных сетей используются как коммуникационные медиатехнологии, которые расширяют охват и скорость распространения информации среди разных аудиторий. Относительно низкая стоимость доступа превратила каналы социальных сетей в высокоэффективные альтернативы для предоставления информации по политическим вопросам, приглашения и координации участия других в протестной деятельности, а также распространения мультимедийного контента, касающегося акций протеста. Платформы социальных сетей также передают эмоциональные и мотивационные сообщения как в поддержку протестной активности, так и против нее. Ряд исследователей полагает, что интернет-коммуникации являются ключевым элементом мобилизации современного протеста, во многом определяющим его временные рамки и организационные возможности. Данный вывод делается на основании связи интернет-дискуссий с активистскими действиями офлайн, с особенностями групп солидарности, складывающихся в социальных сетях. [2, с. 101].

В эпоху медиакратии и развития цифровых технологий ряд политических субъектов прибегают к мобилизационным социально-политическим механизмам не столько в тактических целях борьбы за власть, сколько для осуществления социального перформанса и переформатирования социально-политического порядка согласно своим ценностям и идеалам, демонстрируя иным субъектам и публике в целом смысл своей социокультурной матрицы, воздействуя на них в символическом пространстве и навязывая свою культурную прагматику и ритуал, образы политического будущего. [3, с. 179].

Несмотря на появление новых форм социальной организации общества, можно по-прежнему говорить о двух основных груп-

пах механизмов социально-политической мобилизации, каждая из которых неразрывно связана с другой:

- 1) офлайн-мобилизационные механизмы;
- 2) онлайн-мобилизационные механизмы.

Цифровая мобилизация основывается на функционировании как институционализированных и нормативно-определенных государственных информационных систем подготовки и проведения политических выборов, в том числе порталов партийных праймериз, сервисов онлайн-голосований и опросов граждан, порталов общественных обсуждений и инициатив, так и на основе неинституционализированных и постоянно развивающихся мобилизационных практик с использованием видеохостингов, мессенджеров (например, telegram-каналы Навальный LIVE, Сталингулаг, NEXTA Live), социальных сетей и других.

Говоря о влиянии фактора цифровизации на российский политический протест, исследователи выделяют 4 тенденции:

1) Социальные сети Рунета стали эффективным инструментом политической мобилизации и, в меньшей степени, координации действий протестующих;

2) Цифровизация социальной жизни стала безусловным драйвером политизации молодежи, особенно в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах. Важнейшими мотивационными факторами, стимулирующими молодежный протест, являются дефицитарная потребность в формировании позитивного образа будущего и психоэмоциональное ощущение «несправедливости» существующего социального порядка. С другой стороны, «сетевой» образ жизни значительной части молодежи, в том числе критически настроенной по отношению к действующей власти, способствует частичному рассеиванию и уменьшению силы офлайн-выступлений;

3) Соцмедиа Рунета, всевозможные мобильные «гаджеты» выступают инструментом не только мобилизации, но и ретрансляции политического протеста в онлайн-пространство, дают возможность его перевода преимущественно в виртуальную плоскость;

4) Развитие цифровых коммуникаций стало существенным фактором политического возрождения российской несистемной оппозиции, обретения ею собственного информационного лица. [4, с. 87].

Рассмотрим пример цифровой мобилизации на январских акциях протеста 2021 года в поддержку Алексея Навального. После задержания Навального 17 января 2021 г. начальник его федерального штаба Л. Волков анонсировал проведение 23 января 2021 г. всероссийской акции в его поддержку. Формат коллективных действий был выбран по аналогии с хабаровскими протестами – шествие с требованиями [1, с. 21].

Информация об акции распространялась в различных социальных сетях, на ресурсах регионального отделения партии «Яблоко», штаба Навального, оппозиционных telegram-каналов, на платформах видеохостингов, страницах лидеров общественного мнения. В них давалась инструкция по участию в протестных действиях. Предположительно, детальный план участия граждан в шествии обсуждался в закрытых группах Telegram. В шествии приняли участие многие представители молодежи. После завершения шествия в вышеперечисленных социальных сетях распространялись фото- и видеоматериалы с акции, информация о задержаниях. В социальных сетях появились специализированные группы, готовые предоставить бесплатную юридическую консультацию задержанным. Формировался образ единства и защищенности. Кстати, у протестующих не было общих требований социально-экономического характера. Основное требование митингующих – «свободу Навальному».

Подводя итоги всему вышесказанному, можно отметить, что интернет-коммуникации играют важную роль, как в подготовке идей и их трансляции, так и в мобилизации людей на протесты. Для этих целей активно используются ресурсы Интернета: социальные сети, мессенджеры, видеохостинги, различные аккаунты лидеров общественного мнения. Кроме того, с помощью социальных сетей осуществляется координация протестов и формируется нужный для их организаторов образ.

Библиографический список

1. Дмитриев С.С. Цифровая мобилизация: новые механизмы и возможности политического управления // Управленческое консультирование. М., 2021. №7 (163). С. 18–25.

2. Пырма Р.В. Протестные настроения российской молодежи в цифровой сети // Вестник Финансового университета. М., 2019. Т.12, №3. С. 100–110.

3. Косоруков А.А., Осипов В.С. Механизмы социально-политической мобилизации молодежи на примере российских, белорусских и китайских телеграм-каналов // Право и политика. М., 2021. №8. С. 176–196.

4. Игнатовский Я.Р. Роль цифровизации в трансформации российского политического протеста // Власть. М., 2021. Т. 30, №4. С. 84–89.

УДК 177

**Этика эгоизма как основа жизнедеятельности гражданина
в современном мире**

Данил Романович Троценко

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

danil.trocenko.2013@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные понимания сущности этики эгоизма и её использования в деятельности индивида как субъекта политической и гражданской жизни. Приводятся авторские трактовки и подходы в выделении особенностей индивидуального эгоизма в рамках предложенных парадигм.

Ключевые слова: этика, политика, гражданин, эгоизм, разумный эгоизм.

**Ethics of egoism as the basis of a citizen's life
in the modern world**

Danil R. Trotsenko

Altai State University, Barnaul, Russia

danil.trocenko.2013@mail.ru

Summary. The article discusses various understandings of the essence of the ethics of egoism and its use in the activities of the individual as a subject of political and civil life. The author's interpreta-

tions and approaches are given in highlighting the features of individual egoism within the framework of the proposed paradigms.

Keywords: ethics, politics, citizen, egoism, rational egoism.

Эгоизм представляет собой жизненную позицию, согласно которой человек считает высшим благом удовлетворение личного интереса. При этом достижение максимальной выгоды может сопровождаться нивелированием интересов других индивидов и (или) общего интереса.

Эгоизм является антиподом альтруизма. Он не имеет заранее заданной обдуманной нравственной позиции. Эгоизм выступает в роли этического обобщения реальных нравов. Данная позиция зарождается в процессе конфликтной ситуации интересов, когда реализация личного интереса затрагивает и наносит ущерб интересам другого человека.

Американский исследователь Джон Ролз [0] предлагает следующую типологию эгоизма.

Во-первых, диктаторский эгоизм. Для такого эгоизма характерно представление, что усилия всех должны быть направлены на реализацию интересов одного индивида.

Во-вторых, эгоизм собственной исключительности. Человек осознает собственное превосходство над другими и следует общепринятым принципам и нормам только в том случае, если считает их целесообразными с точки зрения своей выгоды.

В-третьих, анархический, или общий, эгоизм. Все индивиды преследуют собственные интересы и цели, используя для этого средства и методы, которые считают приемлемыми для себя.

Два первых типа не согласуются с золотым правилом морали, которое утверждает, что нужно относиться к человеку так, как ты бы хотел, чтобы относились к тебе.

Третий тип может рассматриваться как морально допустимый в том случае, когда реализация собственного интереса не повлечёт за собой нарушение интересов других людей.

Помимо этого, стоит обратить внимание на теорию «разумного эгоизма» российского писателя и философа Н.Г. Чернышевского [2]. В основе данной концепции лежит антропологиче-

ческий принцип, через призму которого рассматривается человеческая деятельность и личность в целом. Именно природа индивида определяет его дальнейшую жизнедеятельность и закладывает базис личных интересов, которые направлены на реализацию естественных потребностей и на функционирование человека в обществе. Н.Г. Чернышевский полагал, что эгоизм человека сам по себе является отрицательным, деструктивным качеством, которое невозможно искоренить внутри индивида, но можно направить в полезное русло.

Разумный эгоизм в данной парадигме раскрывается Н.Г. Чернышевским как врожденное внутреннее убеждение и направленность человека на удовлетворение своих интересов, но при этом реализация последних содействует общественному благу. То есть индивид умеет находить золотую середину между собственными стремлениями и потребностями других людей. Мотивацией такой деятельности служит личная выгода, любовь к самому себе, но «разумность» человека способствует выработке понимания того, что ориентация исключительно на личные эгоистические интересы приведет к множеству проблем, которые принесут самому субъекту больше вреда, чем пользы. Это приводит к принятию личностных ограничений, но не ради других, а ради любви к себе.

Весьма интересной точкой зрения является понимание «рационального эгоизма» американского философа А. Рэнд. Айн Рэнд создала собственную теорию объективизма. Одно из главных положений теории – этический фактор, который служит формированию ценностей и норм, регулирующих жизнедеятельность людей. Этика объективизма строится на принципе индивидуализма, отвергая при этом любые формы коллективизма. Рэнд уверена, что нет никаких групповых интересов, поскольку сама группа не является реальным субъектом. Отсюда, коллективный интерес представляет собой лишь совокупность интересов всех членов сообщества.

Еще одним важным элементом данной этики выступает рациональный эгоизм. А. Рэнд понимает под ним преследование

разумного частного интереса каждого индивида. Эгоизм требует жить, руководствуясь суждениями собственного разума, и обеспечивать себя своим трудом, ничего никому не навязывая [3].

Основу человеческой жизнедеятельности, по мнению исследователя, составляет разум, не только в познании, но и в моральной сфере. Разум был дан человеку от природы, чтобы он мог реализовать свою главную цель – жить и развиваться. Разум всех людей функционирует на основании одних и тех же законов, поэтому каждый человек, который будет стремиться формировать собственные ценности, в конечном итоге придет к одной и той же системе.

Еще одним немаловажным фактором общечеловеческого существования должно быть максимально возможное качество жизни, основу которой составляет забота о себе, развитие своих талантов, постоянный поиск новых возможностей, продуктивная деятельность, гармоничные отношения с окружающими. Вся эта совокупность, по мнению автора, составляет основу рационального эгоизма, который побуждает человека стремиться к счастью.

В рамках рационального эгоизма интересы разных людей не противоречат друг другу, а даже если подобное имеет место, то противоречия разрешаются с помощью переговоров или честного соревнования.

Нравственным идеалом, по мнению исследователя, выступает человек, для которого характерна четкая ценностная иерархия, основанная на собственных независимых суждениях. Такой человек не принимает и не следует общепринятым правилам поведения, он все рассматривает через призму своих нравственных стандартов, в соответствии с которыми осуществляет свою деятельность. При этом данный индивид полагается на свои силы и не требует помощи от других людей, а также сам может оказать бескорыстную помощь людям, в соответствии со своими желаниями.

Подводя итог, необходимо отметить, что этика эгоизма представляет собой позицию, в рамках которой члены общества нацелены на достижения личного интереса, выгоды. Эгоизм не приемлет никаких коллективных форм следования общим интересам, и, в то же время, индивидуальная жизнь признается в этике эгоизма высшей ценностью. При этом не всегда эгоистические цели направлены на нивелирование интересов других, они могут быть нацелены на создание неких свободных объединений для достижения целей каждого их члена, а в отдельных случаях и всего общества. Снижение эгоистических интересов происходит за счет установления обязанностей и принятия их индивидом. Конечно, такое взаимодействие не лишено недостатков. В первую очередь, люди будут рассматривать друг друга в качестве средств для достижения своих целей. Хотя индивид принимает на себя определенное количество обязательств, его личный интерес не теряет первоочередной важности. Поскольку, прежде всего, личный интерес влияет на действия субъекта, последний легко может изменить свою позицию и при определенных условиях использовать других членов общества для достижения своих собственных целей.

Библиографический список

1. Ролз Дж. Теория справедливости / Перевод и науч. ред.: Целищев В.В. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. 534 с.
2. Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. Т. 7: Статьи 1860—1861 годов. С. 222–295.
3. Рэнд А. Добродетель эгоизма. М.: Альпина Пабlishер, 2012. 185 с.

СЕКЦИЯ 4

Особенности искусства евразийских народов

УДК 7.071.1

Художественные произведения и документальные материалы о творчестве художника Н.П. Иванова из Государственного архива Алтайского края

Елена Анатольевна Мушникова

Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова, Барнаул, Россия
mushnikova77@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается творческое наследие алтайского художника Н.П. Иванова (1923–1985), хранящееся в Государственном архиве Алтайского края, – произведения живописца; документальные материалы – фотографии, грамоты, письмо, каталоги. Отмечается ведущая роль Н.П. Иванова в алтайском искусстве и важность изучения его произведений для дальнейшего осмысления творчества художника и введения в научный оборот неизвестной части произведений.

Ключевые слова: Н.П. Иванов, алтайское искусство, художественное наследие, Государственный архив Алтайского края.

Artistic works and documentary materials about the work of the artist N.P. Ivanov from the State Archive of Altai Territory

Elena A. Mushnikova

Altai State Technical University, Barnaul, Russia
mushnikova77@mail.ru

Summary. The article deals with the artistic heritage of the artist Nikolai Petrovich Ivanov (1923–1985) kept in the State Archive of Altai Territory. These are the artworks of the painter, documentary materials – photographs, certificates, letters, and catalogs. The study revealed the leading role of N.P. Ivanov in Altai art. The research of his particular works is important for further understanding of the art-

ist's work and the introduction of an unknown part of the works into scientific circulation.

Keywords: N.P. Ivanov, fine arts of Altai, artistic heritage, State Archive of Altai Territory.

Николай Петрович Иванов являлся одним из ведущих художников алтайского искусства 1960–1980-х годов. Творческий и жизненный путь живописца был недолгим: родился 25 декабря 1923 года, умер 1 августа 1985 года. Тем не менее даже за этот короткий промежуток времени художник успел внести заметный вклад в развитие алтайского искусства, а его произведения стали классикой. Н.П. Иванов являлся последователем традиций пейзажиста Г.И. Гуркина [1; 2], которые были восприняты им от своего учителя Д.И. Кузнецова, непосредственного ученика Г.И. Гуркина [3]. Следуя традициям старейших пейзажистов Алтая, своим творчеством художник способствовал развитию одной из линий пейзажного искусства Алтая – горного пейзажа.

Творчество Н.П. Иванова уже становилось предметом рассмотрения искусствоведов и исследователей [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12], но какого-либо обобщающего труда о его творчестве на сегодня не издано. Поэтому некоторые стороны жизни и искусства художника являются слабо изученными и требуют дальнейшего осмысления и анализа. Во-первых, недостаточно рассмотрены и проанализированы произведения Н.П. Иванова, во-вторых, слабо освещены его биографические данные. В этом плане одним из источников для восполнения сведений о художнике являются его архивы. В данной статье обратимся к части художественного наследия Н.П. Иванова, которая хранится в Государственном архиве Алтайского края и вводится в научный оборот впервые.

Отметим, что основной массив произведений Н.П. Иванова в настоящий момент сосредоточен в Государственном художественном музее Алтайского края – около 400 работ, среди которых 48 произведений – это основной фонд, и 350 работ – временный фонд хранения. Также несколько произведений художника находится в других музеях Алтайского края и Республики Алтай: Национальном музее Республики Алтай имени А.В. Анохина, Алтайском государственном краеведческом музее, Родинском

музее истории и изобразительных искусств имени А.С. Цыбинова.

В Государственном архиве Алтайского края находится 54 единицы хранения по творчеству Н.П. Иванова, среди них графические работы и документальные материалы по его искусству – грамоты, фото, письмо его учителя народного художника РСФСР В.К. Нечитайло к живописцу.

Графические произведения Н.П. Иванова выполнены в основном карандашом, есть также работы, написанные гуашью и акварелью.

Большую группу составляют подготовительные рисунки и эскизы художника к его сюжетным произведениям: эскизы к картине «Алтайские партизаны», 1962–1964 гг. (11 листов), эскизы к картине «Чабаны», 1952, 1964 гг. (4 листа), эскизы и рисунки к картине «Алтайское лето», 1960–1962 гг. (3 листа), эскиз к картине «Алтайское кочевье», 1960 г. (1 лист). Эти работы, представляют собой очень важный материал для понимания произведений живописца. Эскизы позволяют проследить ход мысли художника, понять, как менялся замысел, как строилась композиция и находилось цветовое решение того или иного произведения. Кроме эскизов известных нам произведений, в архиве обнаружены также эскизы к картинам, которые были задуманы художником, но по тем или иным причинам не были осуществлены: «Через хребты», 1960–1964 гг. (2 листа), «В Демидовских шахтах», 1962 (2 листа), «Алтай», 1962, 1965 гг. (4 листа), «Осень», 1965 г. (1 лист), «Альпинисты», 1965 г. (1 лист), «В фашистском застенке», 1947–1948 гг. Среди рисунков есть 2 листа с изображением Ивана Грозного, 1964 года, на обороте одного из них – эскиз композиции к картине. Можно предположить, что данная тема также разрабатывалась художником.

Помимо подготовительных рисунков к произведениям, в архиве хранятся также эскизы росписей и мозаик, выполненных Н.П. Ивановым для Домов культуры: города Барнаула (эскиз росписи на тему «Искусство», 1966 г. (1 лист), города Рубцовска (эскиз росписи на тему «Искусство», 1968 г. (1 лист), для Бийского лесного техникума (мозаика «Труд», 1972 г. (3 листа), вариант мозаики «Учеба», 1972 г. (2 листа)).

Одной из интересных тем в графическом искусстве Н.П. Иванова, выявленной в процессе анализа коллекции рисунков художника из Государственного архива Алтайского края, являются его дружеские шаржи на коллег. Рассматривая рисунки, можно проследить подходы Н.П. Иванова к этому жанру искусства, первые попытки и законченные произведения. Первые дружеские шаржи на товарищевой были выполнены художником еще в 1951 году, затем в 1964 году – 1 лист «Подходы к шаржу», и здесь же в 1964 году – отдельные шаржи на коллег: И. Цесулевич, К. Чумичёва, А. Вагина, М. Будкеева В. Рублева, Л. Цесулевич, скульптора П. Миронова.

Особо в творчестве Н.П. Иванова выделяется его серия автопортретов. На хранении в Государственном художественном музее Алтайского края находится 8 работ художника, и 5 графических портретов хранятся в Государственном архиве Алтайского края, причем здесь находятся ранние работы художника. Это рисунок 1944 года, относящийся к периоду Великой Отечественной войны, когда художник был призван в армию, а затем по состоянию здоровья комиссован и распределен работать на Томскую железную дорогу, станцию Бийск. Автопортрет 1947 года, который относится к периоду его обучения в Алма-Атинском театральном-художественном училище, автопортрет 1955 года, выполненный во время учебы в Московском государственном художественном институте им. В.И. Сурикова. И два автопортрета 1965 и 1969 годов, периода самостоятельной творческой работы Н.П. Иванова.

В архиве сохранились также портреты Н.П. Иванова, выполненные его товарищами из Алма-Аты: П.С. Даниловым и У.А. Ажиевым (П. Данилов. Портрет художника Иванова. 1947–1948. Бумага, карандаш. 27,5 x 20 (1 лист); У. Ажиев. Портрет Н.П. Иванова. 1951. Бумага, карандаш. 40,5 x 28 (1 лист)). Это как раз тот период, когда художник сначала учился на живописно-педагогическом отделении Алма-Атинского театральном-художественного училища (с 1945 по 1949 г.), затем работал в Алма-Атинском товариществе художников.

Кроме графических произведений, в архиве хранятся также фотографии Н.П. Иванова разных лет – с пленэров, обучения, фотографии с картин и этюдов художника и его учителей. Цен-

ными для исследования являются и документальные материалы, такие как договор о дарении картины «Алтайское лето» Алтайскому музею изобразительных искусств, письмо к живописцу его учителя В.К. Нечитайло, приглашительные билеты, каталоги выставок, грамоты художника. Эти материалы позволят в дальнейшем более полно представить жизнь и творчество Н.П. Иванова, в частности, подробнее исследовать период обучения художника.

Фонд Государственного архива Алтайского края

1. Иванов Н.П. – художник. Документальные материалы постоянного хранения. Год 1944–1972. Ф. 1413, опись 1, дела 1–54.

Библиографический список

1. Гончарик Н.П. Графика Григория Гуркина // Искусство Евразии. 2015. № 1 (1). С. 96–115.

2. Филиппова О.Н. Творчество Григория Гуркина и Василия Шешунова – учеников Ивана Шишкина // Искусство Евразии. 2020. № 3 (18). С. 91–104.

3. Прибытков Г.И. Кузнецов Дмитрий Иванович – старейший пейзажист Алтая // Сибирские огни. 1961. №6. С. 156–160.

4. Вазова Е.В. Творчество Н. П. Иванова как отражение гармонии человека и природы // Алтай: экология и природопользование. Труды XII российско-монгольской научной конференции молодых ученых и студентов (22-23 апреля 2013 г., г. Бийск). Бийск, 2013. С. 188–191.

5. Карпова А. Алтайский художник Н. Иванов // Алтай. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1965. № 4 (35). С. 89.

6. Красноцветова Л.Г. Современная алтайская живопись // Искусство Алтая. В Краевом музее изобразительных и прикладных искусств. Сборник статей к 30-летию музея / составитель И.К. Галкина. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1989. С. 79–103.

7. Медведева Е.Г. 80 лет со дня рождения художника Н.П. Иванова (1923–1980) // Страницы истории Алтая, 2003г. Календарь памятных дат. Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2003. С. 91–93.

8. Пешков Е.Ю. Сравнительный анализ эскиза 1963 г. и картины 1965 г. Н.П. Иванова «Алтайское лето» // Алтай и Академия художеств. Сборник материалов научно-практической кон-

ференции, посвященной 30-летию Регионального отделения «Урал, Сибирь, Дальний Восток» Российской академии художеств, 23 янв. 2017 г. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2017. С. 69–73.

9. Степанская Т.Н. Создатель солнечной картины художник Н.П. Иванов // Очерки истории искусства Алтая. Барнаул: [б. и.], 2009. С. 37–38.

10. Тондовская А.М. Н.П. Иванов «Алтайское лето» // Рассказы о картинах: живопись / Алт. краев. музей изобр. и прикладных искусств / сост. Т.М. Степанская. Барнаул: [б. и.], 1979. С. 107–111.

11. Царева Н.С. Творчество алтайского художника Н.П. Иванова (1923–1985) // Итоги деятельности музея [изобразительных и прикладных искусств] в 1992 году. Сборник докладов научно-практической конференции. Барнаул: [б. и.], 1993. С. 73–77.

12. Эдоков В. Вечное солнце над Алтаем // Звезда Алтая. Горно-Алтайск. 1984. 29 февраля.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Алтайского края в рамках научного проекта №19-412-22003 р_а «Экспликация потенциала художественной культуры Алтайского края и определения механизмов его использования в региональных и международных туристических проектах»

УДК 7.071(571.150)

**Произведения Евгения Скурихина
в собрании Государственного художественного музея
Алтайского края. Обзор коллекции
Наталья Степановна Царева**

Государственный художественный музей Алтайского края,
Барнаул, Россия
Nattsareva@gmail.com

Аннотация. В статье рассказывается об известном в Сибири художнике Евгении Скурихине, коллекции его произведений в собрании Государственного художественного музея Алтайского края, прошедших персональных выставках, оригинальной творческой манере и неповторимом почерке мастера.

Ключевые слова: Евгений Скурихин, Государственный художественный музей Алтайского края, декоративно-прикладное искусство, керамика, графика.

**Evgeny Skurikhin in the collection
of The Altai State Art museum. Overview of the collection**

Natalia S. Tsareva

Altai State Art museum, Barnaul, Russia

Nattsareva@gmail.com

Summary. The article tells about the well-known Siberian artist Evgeny Skurikhin, the collection of his works in the Altai State Art museum, his past personal exhibitions, his original creative style and the unique manner of the master.

Keywords: Evgeny Skurikhin, the Altai State Art museum, arts and crafts, ceramics, graphics.

Евгений Скурихин – известный в Сибири художник. Он мастер декоративно-прикладного и театрально-декорационного искусства, живописец, график, монументалист, фотохудожник, дизайнер и архитектор. Трудно найти в современном искусстве вид или направление, в котором бы Скурихин не попробовал себя или не добился бы успеха. Талант художника ярок и многогранен.

Евгений Скурихин родился на Алтае, в Барнауле, 25 марта 1952 года, и большая часть жизни мастера связана именно с Алтайем. Здесь он получил первоначальное художественное образование, пятнадцатилетним юношей будущий художник попал в самую знаменитую в Барнауле, открывшуюся еще в 1949 году народную художественную студию изобразительного искусства при клубе завода «Трансмаш», вел которую известный художник-педагог Алексей Васильевич Иевлев. Студия просуществовала более сорока пяти лет и закрылась в суровые девяностые годы (в 1996 году) из-за нехватки средств. Из множества ее выпускников более двухсот человек стали профессиональными художниками и педагогами. Студия дала старт в большое искусство и прославленным алтайским керамистам: академику РАХ, ныне живущему в Санкт-Петербурге Владимиру Гориславцеву, и герою нашего повествования, барнаульцу Евгению Скурихину [1]. О своем первом учителе Евгений Евгеньевич с благодарно-

стью вспоминал: «Иевлев хвалил меня в крайне редких случаях, и мне приходилось доказывать, что я могу еще лучше. Он был прекрасным педагогом и тонко чувствовал, кому нужнее кнут, а кому пряник» [2].

Высшее образование Евгений получает в Красноярске. В 1983 году он оканчивает факультет декоративно-прикладного искусства Красноярского института искусств. После института Евгений Скурихин по распределению попадает на завод художественной керамики города Спасска-Дальнего (Приморский край), где пять лет проработал главным художником. Занимался стилистическим руководством, создавал программы для десятка работавших там художников, сам разрабатывал изделия. Работать было очень интересно, там были и экспериментальные цеха, и новые станки и технологии. При непосредственном участии Евгения Скурихина завод вошёл в пятерку лучших в стране. Благодаря энергичным усилиям молодого художника продукция завода обрела свежее стилевое своеобразие и новое дыхание. Им была создана серия ваз «Беловодье», которая в настоящее время находится в Государственном историческом музее в Москве [3].

В 1988 году художник вернулся в Барнаул, и вот уже много лет живет активной творческой жизнью. По возвращении некоторое время он работал на керамическом предприятии «Турина гора», создавал станковые и интерьерные произведения, и как авторитетный мастер много сделал для становления этого художественного промысла.

Появление в Барнауле неординарного керамиста взбудоражило художественную общественность и вызвало к мастеру неподдельный интерес. В 1993 году в Государственном художественном музее Алтайского края состоялась первая большая персональная выставка художника, в основном посвященная его керамическим работам.

Многие из тех работ стали достоянием фондов Художественного музея, но большинство обрели прописку в туристической фирме «Спутник-Алтай», для которой и изготовлялись. Сейчас, по прошествии столь долгого времени (без малого тридцать лет), анализируя коллекцию, понимаешь, что нельзя не согласиться с кураторами выставки, которые сумели почувствовать и понять автора, интерпретируя его сложные для восприятия про-

изведения. Одной из характерных особенностей творчества Скурихина, по мнению искусствоведа Светланы Мягих, является синкретичность как первозданное единство составляющих элементов, их доэволюционная нерасчлененность, выражаемая пластикой, фактурой произведения, его формой и содержанием.

Произведения художника часто рождаются в процессе творческой импровизации и лишь *a posteriori* (т.е. после сознания) осмысливаются автором как знакомые и обычные предметы реального мира. Здесь типичное для его пластических работ обращение к образам традиционного искусства древних народов Сибири. «Непредсказанность в идее, материале, форме, линии, цвете, основанная на истории культуры народов – есть моя мощная школа» [4], – так некогда утверждал и сам автор. Символы и знаки, живущие в народных традициях и подчиненные декоративной логике художника, обретают в его произведениях современное звучание, возвращая нас к нашим Истокам [5]. Такковы его садово-парковые произведения «Вестник» (1983), «Свонец» (1992), станковые «Берегиня» (1994) из собрания Государственного музея литературы, искусства и культуры Алтайского края, «Посох» (1990) из Новосибирского государственного художественного музея, а также «Вид на Фудзи из Сибири» (1990), «Собственность автора» (1990), «Конструкция» (1990) и другие из нашего музея.

Шестнадцать уникальных скульптур – достояние художественного музея. Большинство работ выполнено из шамота, о котором искусствоведа, глядя на работы Скурихина, не могли говорить без восторга, называя этот материал и «волшебным» и «гибким», а процесс работы с ним сравнивая с игрой, музыкой или театром [6]. И действительно, поддаваясь сиюминутному эмоциональному состоянию, импровизируя, художник порой не знает, как воплотится в материале первоначальный замысел. «Что сделают руки, то и будет» [7]. По словам художника, «работа может говорить, она живая, отдельная душа». Возможно, такой творческий метод, по мнению искусствоведов, влияет на зрительское восприятие работ. Их смысл, не выходя за пределы концепции, заданной автором, доступен каждому, хотя варьируется в зависимости от возраста, жизненного опыта и опыта эстетического восприятия. Художник считает, что между хорошей, «честной» работой, зрителем и самим художником или искусст-

воведем возникает даже физическая связь: «Вот висит работа: или она сразу отвергается, или предлагает посмотреть на себя, или же такова, что без нее никак нельзя, в нее влюбляешься, ... она воспитывает, это действительно искусство» [8].

Евгений Скурихин творит искусство, которое, «преображаясь», само «преображает» зрителя, на что обратила внимание искусствовед Светлана Мягких: «Перед зрителем тяжелая, примитивная, словно только что из неоформленной массы глины родившаяся, форма, еще не состоявшаяся как завершенная, а только рождающаяся на глазах у зрителя. Философия формы не развита ...это еще только платформа, только обещающая стать законченным во всех отношениях произведением: только что появившееся из неоформленной массы материала крыло уже зовет к полету, однако неспособно оторваться от тяжёлого, бесформенного основания, из которого оно вырастает, его «человеческие ноги» влипают в свой пьедестал без какой-либо надежды оторваться и дать возможность полета несомому ими крылу...» [9, с. 44]. Практически каждая работа Скурихина вызывала при появлении на выставках и вызывает сейчас бурю эмоций, желание вступить в диалог с автором и его искусством.

«Мы все визжали от восторга, настолько это было необычно для Барнаула. Но он неожиданно ушёл в сторону, и получилось красиво, слаженно и интересно» [10], – поделилась своими воспоминаниями на открытии очередной персональной выставки автора известный алтайский график и живописец Лариса Пастушкова. И это была выставка графики, еще одного любимого Евгением Скурихиным вида искусств.

Он всегда много рисовал. С 1970-х годов и до сегодняшнего дня Евгений Скурихин занимается цветной графикой. Нарботанный творческий материал художник представляет на выставках самого высокого уровня, краевых, региональных, всероссийских и международных. Но зритель ждет от художника персональных или сольных выступлений. И художник радует зрителя. В 2014 году он показал в барнаульской галерее «Кармин» выставку «Был чистый лист». Так назвал ее сам автор, имея в виду не только основу для рождения очередной творческой работы, но и вкладывая в это понятие более глубокий философский смысл. На вопросы о том, как рождаются его образы, темы, художник говорит: «Вижу чистый лист, который не терпится

заполнить. Предмет изображения возникает не в голове, а в пальцах, которые выводят изображение. И еще, люблю обращаться к творчеству детей, которые ничего не умеют, но создают такое, что диву даешься...» [11]. Искусствоведов-музейщиков на выставке привлекла графика эскизов к узорам керамических изделий, «которые у Евгения Скурихина получаются чудом, как хороши» [12]. В 2021 году Скурихин в Художественном музее открыл выставку «Близкие». Создавая экспозицию, художник воплотил свою давнюю мечту показать портреты близких, дорогих сердцу людей. «Кого-то из этих людей я больше никогда не видел, с кем-то до сих пор дружу, а кого-то уже нет с нами. В любом случае, это дорогие люди, в разной степени важные для меня» [13], – говорил о своих героях мастер. Эти портреты он рисовал на протяжении жизни. Художнику удалось поведать зрителю о том, как рождается портрет и как он живет во времени. Через свои работы мастер умел беседовать со зрителем о многом, в том числе и своих моделях и созданных им образах и, конечно же, о себе самом, художнике Евгении Скурихине.

Краткая биографическая справка:

В 1995 году Е.Е. Скурихин стал членом Союза художников России и Союза дизайнеров России. Сегодня художник – Лауреат краевой премии в области литературы, искусства, архитектуры и народного творчества, Лауреат премии краевого Союза художников, с 1996 по 2012 годы входил в состав правления Алтайской организации Союза художников.

В 2003–2004 годах он создает сложную конструкцию иконостаса для Храма Живоначальной Троицы в Антарктиде.

Его работы находятся в коллекциях Государственного исторического музея (Москва), в музеях Сибири и Алтайского края.

Библиографический список

1. Шокорова Л. В. Развитие художественного образования в области народного декоративно-прикладного искусства в Алтайском крае в XVIII–XX вв. // Молодой ученый. 2016. № 8 (112). С. 1062–1067. URL: <https://moluch.ru/archive/112/27362/>.
2. Карпова Л. В галерее «Кармин» продолжается выставка известного барнаульского художника Евгения Скурихина «Был

чистый лист» // Алтайская правда. 2014. 12 нояб. URL: <https://www.ap22.ru/paper/V-galeree-Karmin-prodolzhaetsya-vystavka-izvestnogo-barnaul-skogo-hudozhnika-Evgeniya-Skurikhina-Byl-chistyuy-list.html>.

3. Скурихин Евгений Евгеньевич. URL: <https://altapress.ru/person/653>.

4. Выставка номер 1. [Барнаул], 1995. С. 11 : ил.

5. Мягих С. Постичь тайну... // Вестник АТН. Барнаул, 1994. 6 авг. С. 13 : ил.

6. Лихацкая Л. Из звуков, слов и глины // Алтайская правда. 1993. 25 дек. : ил., фото.

7. Мягих С. «Сибирский блюз в керамике» // Свободный курс. 1993. 30 дек. – 6 янв. С. 10 : фото.

8. Вигант Л. Поделиться своим миром // Алтайская неделя. 1999. 20-26 мая. С. 12 : фото.

9. Мягих С.В. Архаическое в современном художественном мышлении // Искусство Сибири и Дальнего Востока: наследие, современность, перспективы : межрегион. науч.-практ. конф. Барнаул, 2015. С. 42–45.

10. Латышева Т. Ближний круг: персональная выставка Евгения Скурихина открылась в художественном музее // Вечерний Барнаул. 2021. 4 окт. URL: <https://barnaul.press/news/blizhniy-krug-personalnaya-vystavka-evgeniya-skurikhina-otkrylas-v-khudozhestvennom-muzee.html>

11. Шамина Л.Н. Был чистый лист. URL: <https://rest22.ru/c/byl-chistyuy-list-8965>.

12. Рыжов А. Альфа и омега Евгения Скурихина: выставка в галерее «Кармин»// Культура Алтайского края. 2014. N 4. С. 15.

13. Катренко Н. Музыка линий: на выставке в ГХМАК представлены графические портреты Евгения Скурихина // Вечерний Барнаул. 2021. 8 окт. URL: <https://barnaul.press/news/muzyka-liniy-na-vystavke-v-gkhmak-predstavleny-graficheskie-portrety-evgeniya-skurikhina.html>.

Статья написана при поддержке гранта «Экспликация потенциала художественной культуры Алтайского края и определения механизмов его использования в региональных и международных туристических проектах, 19-412-220003 p_a»

УДК 76.01

**Выставка иллюстраций Алексея Дмитриева
в Государственном художественном музее
Алтайского края**

Оксана Владимировна Сидорова

Государственный художественный музей Алтайского края,
Барнаул, Россия
semyasidorov@yandex.ru

Аннотация. Статья знакомит с искусством книги, иллюстрациями Алексея Константиновича Дмитриева к первой части дилогии Леонида Соловьева «Повесть о Ходже Насреддине», экспонировавшимися с 20 октября по 13 ноября 2022 года в Государственном художественном музее Алтайского края.

Ключевые слова: иллюстрация, книжная графика, Алексей Константинович Дмитриев, Государственный художественный музей Алтайского края, Леонид Соловьев «Повесть о Ходже Насреддине».

**Exhibition of illustrations by Alexey Dmitriev
at the Altay State Art Museum**

Oksana V. Sidorova

Altay State Art Museum, Barnaul, Russia,
semyasidorov@yandex.ru

Summary. The article introduces the art of the book, illustrations by Alexei Konstantinovich Dmitriev for the first part of Leonid Solovyov's dilogy «The Tale about Hoja Nasreddin», exhibited from October 20 to November 13, 2022 at the Altay State Art Museum.

Keywords: illustration, book graphics, Aleksey Konstantinovich Dmitriev, Altay State Art Museum, Leonid Solovyov «The Tale about Hoja Nasreddin».

В октябре 2022 года в Государственном художественном музее Алтайского края в рамках программы международной молодежной биеннале дизайна «PRO БУДУЩЕЕ» открылась выставка книжной графики Алексея Дмитриева. Мастер впервые показал жителям Барнаула свои работы в области искусства книги.

Это вторая выставка художника в Барнауле. В 2009 г. в галерее «Универсум» факультета искусств Алтайского государственного университета состоялось открытие выставки живописных произведений и графики художника [1].

Так сложилось, что художник, живущий сейчас на Алтае, чаще экспонируется в Москве и в Новосибирске. Тем отрадней, что знакомство жителей г. Барнаула с А.К. Дмитриевым, которого знают и любят подлинными ценители книги, состоялось. Выставка стала событием в культурной жизни города. Это тот редкий случай, когда посетители шли в музей целенаправленно, смотреть работы художника-современника и земляка.

Алексей Константинович Дмитриев родился в 1963 году в г. Ташкенте Узбекской ССР. Семья была творческой: мама – актриса, папа – режиссер, что во многом и определило вектор его жизненного пути [2, с. 102–106]. Учебу в общеобразовательной школе совмещал с обучением у Якова Фрумагарца в знаменитой на весь СССР Художественной студии Дворца текстильщиков г. Ташкента. После окончания общеобразовательной школы, он поступил в Ташкентский театрально-художественный институт (ТГТХИ) им. Островского и с первого курса начал работать художником театра в действующих постановках. В 1985 году получил диплом по специальности «художник театра», в 1988–1989 гг. работал главным художником ТЮЗа (г. Ташкент), 1989–1991 гг. – художником-стажером Центрального детского театра (г. Москва). В 1991 г. переехал в г. Горно-Алтайск (Республика Алтай) и в 1993–1997 гг. был главным художником Национального драматического театра Республики Алтай (г. Горно-Алтайск). С 1993 г. – член Союза Театральных деятелей России. С 2000 г. – член Союза художников России. Как театральный художник, он оформил множество спектаклей по всей стране, в том числе несколько в Барнауле, где последней его работой был «Ещё раз про любовь» в Молодежном театре Алтая.

С 2010 г. А.К. Дмитриев постоянно сотрудничает, как художник-дизайнер и иллюстратор, с Издательской группой «АРБОР» (г. Москва). На сегодняшний день на его счету 12 книг. В экспозицию выставки в ГХМАК вошло 29 иллюстраций к первой книге дилогии Леонида Соловьева «Повесть о Ходже Насреддине» и девять фотографий автора. Черно-белые фото, выполненные в поездках по Средней Азии, послужили смысло-

вой и визуальной преамбулой основной экспозиции. Они были размещены при входе в зал и готовили зрение входящего к неожиданно сдержанной палитре образного повествования о самом популярном персонаже восточных легенд и сказок.

Черно-белые фото, завораживающие игрой света и тени, многообразием и выразительностью фактур восточных зданий, погружали зрителя музея в атмосферу, в которой рождалась книга. Бескрайний свод небес, чинара, стена древней мечети ... Цветовой код книги тождественен предметным образам на фото и строится на сочетании сине-голубого и золотистой охры – цветов неба и воды, камня, мечетей и домов, построенных из глины...

Одна из любимых книг с детства – «Повесть о Насреддине». В 2017 году она была выпущена издательской группой «Арбор» (г.Москва) с иллюстрациями Алексея Дмитриева. В 2018 году отмечена дипломом на международном конкурсе «Образ книги» в номинации «Лучшие иллюстрации к произведениям для детей и подростков».

Обложка красивого издания соткана из восхитительных фактур, переносящих воображение читателя в поэтический, мудрый мир восточной притчи, сказки. Держа в руках издание, невольно вспоминаешь китайское образное выражение о «четырёх драгоценностях рабочего кабинета», одним из которых была бумага...

Иллюстрация «Священная Бухара» («Бухара священная»). Иллюстрация к диалогии Л.В. Соловьёва «Повесть о Ходже Насреддине». Книга 1. 2017. Бумага, смешанная техника. Собственность автора) встречала зрителей музея у входа в зал. Она готовила сознание современного человека, существующего в кутерьме беспокойных будней, к знакомству с главным персонажем книги, который позволил себе быть свободным от денег, от должностей, от дома. Наверное, поэтому, художник запечатлел его и город на разных сторонах полосы набора, меж ними – насыщенная цветом пустота: ритмическое построение смыслового поля иллюстраций основывается на равновесии наполненного и пустого пространства, этот же принцип был сохранен и в экспозиции выставки.

Одна из центральных в образном строе книги – иллюстрация «Чайхона» (Иллюстрация к диалогии Л. В. Соловьёва «Повесть о Ходже Насреддине». Книга 1. Глава 4. 2017. Бумага, смешанная техника. Собственность автора) – особое место для Востока, где

люди отдыхали во время полуденного зноя, пили, ели, узнавали новости и заключали сделки. Подле неё хочется подольше задержаться, здесь так много красивых тканей, утвари, людей... Слышатся оживленные голоса, звучит музыка, вот кто-то сладко спит под этот гомон! Художник постепенно вводит нас в пространство иллюстрации – от тувель вне полосы набора у входа в чайхану до обращенного к нам взора Насреддина, который словно наблюдает за тем, кто нынче его жизни книгу в руки взял. Неподалеку, также вне полосы набора, показан персонаж, ассоциативный главному герою, – черный кот, который вольно гуляет сам по себе, без зримых обязательств, как и Насреддин. Примечательно и то, что автор, зачастую, обозначает присутствие главного героя в контексте иллюстративного ряда опосредованно: в ряде иллюстраций он словно бы выглядывает из-за полосы набора.

Ходжа Насреддин свободен, ему принадлежит Вселенная, его жизненный путь – это путь странника, но в работе «Звездное небо» («Под звездным небом»). Иллюстрация к дилогии Л.В. Соловьёва «Повесть о Ходже Насреддине». Книга 1. Глава 36. 2017. Бумага, смешанная техника. Собственность автора) он ассоциативно связан не с дорожной пылью, а с рекой: он свободно течет по реке жизни, в гармонии с собой и небом [3]. Оно, это бескрайнее звездное небо, принадлежит ему: Насреддин существует вне привычных рамок бытия среднестатистического человека, вне религиозных догм и законов светской власти, живя по совести: равнодушно к горю ближних.

Примечательно в этой связи появление звездного неба в другой иллюстрации, «Гуссейн Гуслия в башне» («Гуссейн Гуслия в Башне»). Иллюстрация к дилогии Л.В. Соловьёва «Повесть о Ходже Насреддине». Книга 1. Глава 26. 2017. Бумага, смешанная техника. Собственность автора). Гуссейн, равно как и Насреддин, – мудрец, которого считают сведущим в вопросах бытия. Однако для него небо и свобода, которую оно сулит, недостижимо. Он устремляет к небу взор, но неподъемным грузом ложится на душу старца его страсть к материальным благам, желание угодить власти имущим сего земного мира... Поэтому художник рисует небо лоскутом в окошке башни, где он сидит, под самым сводом. Оно есть, но свет его минует старца, подле которого блюда с едой. Гусейн Гуслия тешит тело, над ним дов-

леет страх голода и нищеты, в силу чего он не может быть свободен.

Художник, следуя за автором текста, символизирует образно-смысловое пространство иллюстраций, строит его по законам театральной декорации, когда читатель постепенно вводится в повествование и словно попадает в закулисы, замороженный выразительно-театральной пластикой жестов персонажей, условным преобразованием реальности, где вещи так же говорящи, как и люди.

В иллюстрации «Спасение Джафара» («Спасение Джафара». Иллюстрация к дилогии Л.В. Соловьёва «Повесть о Ходже Насреддине». Книга 1. 2017. Бумага, смешанная техника. Собственность автора) сумка тонущего в священном водоеме ростовщика становится ключевой, отправной точкой повествования. Она вынесена художником за полосу набора, значит это важно. Важнее самой жизни... Ибо ростовщику расстаться с сумкой, полной серебра, – страшнее смерти.

В контексте иллюстративного ряда, художник уподобляет персонажей текста животным, птицам, ибо ведь мир – един. Насреддин у него подобен черному коту, что сам по себе гуляет, эмир подобен важному, заносчивому, пресыщенному павлину в иллюстрации «Состязание в острологии» («Состязание в острологии». Иллюстрация к дилогии Л. В. Соловьёва «Повесть о Ходже Насреддине». Книга 1. 2017. Бумага, смешанная техника. Собственность автора), где сонм придворных старается наперегонки угодить правителю, воспевая его достоинства наперебой. Художник красноречиво запечатлевает это в жестах царедворцев, один из которых устремляет руки вверх, сравнивая лик властителя с луною, другой падает ниц, ослепленный сиянием оного, третий сравнивает его с царственной благоуханной розой...

Образ птицы в работах Дмитриева также вариативен и символичен. Так, в сцене «Диван у эмира» («Диван у эмира». Иллюстрация к дилогии Л. В. Соловьёва «Повесть о Ходже Насреддине». Книга 1. 2017. Бумага, смешанная техника. Собственность автора) павлин становится разгневанной и хищной птицей, а пирамида из придворных, которую и завершает птица, – выглядит неустойчивой и шаткой: поневоле задумаешься о том, что ведь эти самые люди, каждый из коих только о себе печется, нашептывают эмиру мысли, которые слагаются в законы, неукоснительные для

большинства. В иллюстрации «Базар» («Базар». Иллюстрация к дилогии Л.В. Соловьёва «Повесть о Ходже Насреддине». Книга 1. Глава 22. 2017. Бумага, смешанная техника. Собственность автора) птицы – вольные жители, которых звук трубы глашатая пугает. Тем самым, город, где царит закон эмира, препятствует возможности свободно мыслить и дышать. Птицы сопровождают Насреддина и его любимую Гюльджан в сцене эпилога, являясь символом счастливого парения двух душ влюбленных («Отъезд Насреддина и Гюльджан». Иллюстрация к дилогии Л.В. Соловьёва «Повесть о Ходже Насреддине». Книга 1. Глава 37. 2017. Бумага, смешанная техника. Собственность автора).

Еще один образ, читающийся в иллюстрациях символично, это стена – непреодолимая преграда между стремлением к свободе и подлинной свободой или символ непроходимой тупости и жадности в иллюстрации «Побег Гюльджан» («Побег Гюльджан». Иллюстрация к дилогии Л.В. Соловьёва «Повесть о Ходже Насреддине». Книга 1. Глава 32. 2017. Бумага, смешанная техника. Собственность автора), где стражники предают свой долг за серебро, ибо Насреддин однажды в шутку им сказал, что звезды, к которым мы устремляем взор, мечтая о сокровенном, касаясь земли, где все покупается и продается, становятся разменной монетой...

В развороте «Влюбленные» («Влюбленные». Иллюстрация к дилогии Л.В. Соловьёва. «Повесть о Ходже Насреддине». Книга 1. 2017. Бумага, смешанная техника. Собственность автора), мужчина (Насреддин) и женщина (Гюльджан – его возлюбленная, его роза, его лунолика красавица, чей голос подобен звуку птицы) взаимно обращены, и в то же время порознь – меж ними пустота. И эта полоса бумаги меж двух влюбленных тоже может быть прочитана буквально, ибо сердца влюбленных сопричастны, но на одно и то же в мире они по-разному глядят. Но чувство этих двух людей друг к другу, вне всякого сомнения, настолько велико, что не далее как во второй книге, где Гюльджан станет женой и мамой, научится ворчать, прибавит в теле, она все равно останется в сознании и сердце Насреддина той хрупкой нежной девушкой, что он однажды полюбил.

Предметно-событийная наполненность, эмоциональность одних листов противопоставляется лаконичной созерцательности других. Пространство иллюстраций то погружает зрителя в

звонкую атмосферу восточного базара, то заставляет прислушаться к звенящей тишине восточной ночи. Этнические мотивы раскрываются автором в изображениях национальных костюмов и утвари, жилища, в орнаменте. Пластически, композиционно иллюстрации к «Повести о Насреддине» также в какой-то мере сопряжены со средневековой восточной миниатюрой. Однако, в целом, это всё же взгляд европейского человека на Восток.

Алексей Дмитриев – многогранный художник, философия творчества которого присуща созерцательность. Он пишет картины и делает эскизы для ювелирных украшений. Он – театральный художник и художник книги, для каждой из которых он находит свое образное решение. Все это, равно как и эстетика работ, роднит мастера с художниками «Мира искусства», творчество которых стало периодом высокого возрождения в искусстве книги, новой главой в истории книжной и журнальной графики.

Библиографический список

1. Выставка работ художника из Г.-Алтайска Алексея Дмитриева. 27 января 2009. Институт гуманитарных наук. Алтайский государственный университет. URL: <https://ign.asu.ru/about/news/3375/>.

2. Раменская Ю.В. Книжная графика в творчестве художника Алексея Дмитриева // Художественная культура Сибири и сопредельных территорий: страницы прошлого и современность: сб. материалов IV Межрегион. с междунар. Участием науч.-практ. конф. Барнаул: АКО ВТОО «Союз художников России», 2021. 176 с.

3. Назимко Евгений. Охота за смыслом. Сибирский Парнас 2021. №4. URL: <https://журнальныймир.рф/content/ohota-zasmyslom>

Исследование выполнено по: региональному гранту «Экспликация потенциала художественной культуры Алтайского края и определения механизмов его использования в региональных и международных туристических проектах, 19-412-220003 р_а»

УДК 72.011

**Предпосылки развития театрального искусства в Монголии
в контексте буддийской церемонии цам**

Михаил Юрьевич Шишин¹

Батхулэг Эрдэнэцогт²

¹Алтайский государственный технический университет

им. И.И. Ползунова, Барнаул, Россия

shishinm@gmail.com

²Монгольский государственный университет

искусств и культуры, Улан-Батор, Монголия

art.bathuleg@gmail.com

Аннотация. Статья представляет исследование известной религиозной монгольской церемонии цам как основания развития монгольского сценографического искусства, это определяет новизну подхода. При этом учитываются результаты исследований Н. Шастиной, Х. Нямбуу, В.Ц. Найдаковой. Показывается, что монгольский цам генетический связан с индийскими и тибетскими подобными церемониями, но обрёл в Монголии характерные черты. Дается краткое описание основных видов цам: Джахар цам, Тахил цам, Майдар цам, Бухан цам, Хангал цам, Эрлэг цам, Дарь эхийн цам, Гэсэр цам, Мял цам и др. Описываются основные элементы ритуальных костюмов – маски, атрибутивные элементы (мутрын тэмдэг), характерные атрибуты костюма разных божеств.

Ключевые слова: Монгольский цам, сценография монгольского театра, костюм цам, типы монголько цам.

**Prerequisites for the development of theatrical art in Mongolia
in the context of the Buddhist ceremony Tsam**

Mikhail Yu. Shishin¹,

Bathuleg Erdenetsogt²

¹Russian Academy of Arts, Moscow, Russia;
Altai State Technical University, Barnaul, Russia

shishinm@gmail.com

²Mongolian State University of Arts and Culture

Ulaanbaatar, Mongolia

art.bathuleg@gmail.com

Summary. The article presents a study of the well-known religious Mongolian ceremony tsam as the basis for the development of Mongolian scenographic art; this determines the novelty of the ap-

proach. At the same time, the authors take into account the results of studies by N. Shastina, H. Nyambuu, V.Ts. Naidakova. The analysis shows that the Mongolian tsam is genetically related to Indian and Tibetan similar ceremonies, but acquired characteristic features in Mongolia. The article gives a brief description of the main types of tsam: Jakhar tsam, Takhil tsam, Maidar tsam, Bukhan tsam, Khangal tsam, Erleg tsam, Dar Ehiin tsam, Geser tsam, Myal tsam, etc. The study describes the main elements of ritual costumes – masks, attributive elements (mutryn temdeg); the emphasis is on the characteristic elements of the costume of different deities.

Keywords: Mongolian tsam, scenography of the Mongolian theater, tsam costume, types of Mongolian tsam.

Сценография как вид художественного творчества имеет давние и богатые традиции и активно развивается в современной Монголии. Однако до последнего времени не было специализированных исследований по данному вопросу. О ней можно встретить упоминания в статьях и книгах, посвящённых творчеству отдельных художников, например Л. Гаваа, К.И. Померанцева.

Монгольская художественная культура – и современная, и та, которую принято относить к наследию – в последнее время стала предметом пристального внимания со стороны монгольских и российских искусствоведов [1; 2]. Уже удалось показать развёрнуто основные этапы формирования искусства в Монголии, в том числе наметить перспективные направления в изучении театрального искусства [3]. В российских искусствоведческих работах по данной тематике заметно, что складывается устойчивая линия исследования, основные результаты которой были нами учтены [4; 5].

Остановимся подробнее на религиозном ритуальном обряде, получившем название «цам» (по-тибетски – «чам»), где нашли своё отражение многие формы танцевального, драматического и сценического искусства, которые формировались в этой церемонии, активно развивавшейся в монастырях и при дворцах феодалов. Цам был широко принят в народной среде и активно поддерживался видными сановниками и крупными феодалами.

Будучи по форме танцевальным искусством, он естественно вобрал в себя многие древние традиции этого вида творчества.

Одной из осевых здесь стоит считать танец шамана, однако есть основания предполагать, что и многие другие евразийские хореографические традиции, в первую очередь тибетского и индийского медитативного танца и, вероятно, зороастрийских сект. Цам в Монголии сложился как крупный религиозный праздник, совершаемый с целью пропаганды буддизма, умиротворения гнева феодалов, устранения бед и несчастий народа. «Цам» – это тибетское слово, означающее сопротивление, борьбу сил света с тьмой, ниспровержение религиозного врага, и оно предназначалось для того, чтобы показать верующим силу бога в борьбе с дьявольскими сущностями, победу добродетели над грехом в формах и лицах персонажей буддийской мифологии. Содержание этих мифов было различным, и в определённом смысле можно заметить сходные черты с драматическими, трагическими и даже комедийными жанрами современного театра, что уже можно отметить в качестве основания рассматривать цам, как предтечу современного театрального искусства.

Само происхождение церемонии цам имеет интересные исторические и легендарные версии возникновения. Есть сведения, что он возникает в VIII веке в Тибете и связывается с великим проповедником, философом и магом Падмасамхавой. В Монголии наиболее популярной была легенда, которую описала российский учёный-монголовед Н. Шастина. Она повествует, что некогда тибетский царь Ландрам, живший в IX веке, был большим поклонником шаманизма и активно боролся с распространением буддизма в Тибете. В годы его правления храмы были безжалостно разрушены, а монахи подверглись гонениям. Таким образом, он причинил людям много страданий, но в конце концов жестокий правитель был побеждён героем по имени Лхалхумбалдорж. Храбрец сделал красивую мантию с чёрно-белой подкладкой, с широкими рукавами, спрятал в рукав лук и стрелы и так явился к царскому дворцу. Там он начал танцевать и прыгать с таким мастерством, что царь, заинтересовавшись, вышел посмотреть. Танцор воспользовался этим, выхватил лук и стрелы и выстрелил в царя. В связи с этим

главная идея танца цам заключается в победе над религиозным врагом [6].

Рисунок 1. Типичный костюм церемонии цам в Монголии

Цам проникает в Монголию из Тибета сначала в монастырь Эрдэнэ-Зуу, где вызвал живую заинтересованную реакцию у населения и духовенства. Здесь важно отметить, что основная церемониальная канва цамы заметно обогащается, в него включаются элементы местных танцев, дополняются новыми колористическими нюансами костюмы, появляются новые атрибуты. Привнесения были столь значительны, что со временем оформился многоликий, с включением новых образов, обряд. Об этом свидетельствует тот факт, что до революции более 700 монастырей имели свыше 500 уникальных церемоний этой мистерии, например: Джахар цам, Тахил цам, Майдар цам, Бухан цам, Хангал цам, Эрлег цам, Дариет цам, Гэсэр цам, Мял цам и др. Дадим описания наиболее крупных ритуальных представлений.

Джахар цам, или великий цам, показывает историю бога Ямандага, уничтожающего «греховных» людей и превращающего в руины их жилища. Как правило, он действует с обширной свитой из десяти помощников – хангалов и других персонажей. «Джахар» или «Джагар» имеет также значение «железный город», прибежище зловещих подземных птиц и

персонажей преисподней. Вся церемония была хорошо организована, порой насчитывала не менее 23 самостоятельных эпизодов, которые следовали один за другим. Каждому персонажу был разработан соответствующий костюм, продуманы особого рода действия.

В обряде *Тахил цам* – «Жертвенный купол» – проводилась идея приношения жертвы, прощения и искупления грехов. Этой идее была подчинена и общая сюжетная канва, и костюмы, ритуалы и танцы, которые могли видоизменяться в других монастырях [6].

Майдар цам (пришествие Майдара) исполнялся во время религиозных церемоний, посвящённых божеству Майдаре – Майтрее. Он считался богом будущего, поэтому был разработан обряд утверждения будущей светлой эпохи во главе с Майдаре.

Считается, что *цам Гесера* возникает в районе Ялгусан Хутагт провинции Засагт-хан в городе Улиастай. Он был одним из наиболее популярных в Монголии, главный персонаж – легендарный герой – носил одежду, похожую на костюм Джамсранга, свирепого буддийского божества-воителя. В церемонии представлялись деяния и подвиги народного героя, и одним из ярчайших эпизодов в нём был танец 32 богатырей.

Мял цам представляет деяния персонажа буддийского пантеона по имени Мял Богд, которому поклонялись как помощнику и защитнику людей и животных. Считается, что возникновение церемонии привязано к хребту Джалханз Хутагт в провинции Засагт-хан. Основная миссия этого божества – исцеление болезней крупного рогатого скота, а место пребывания связано с отрогами Хангая.

Подведём предварительный итог нашим рассуждениям – цам был привнесён из Индии и Тибета, но вобрал в себя уникальные обычаи и традиции монгольского народа и обрёл неповторимые черты, что позволяет идентифицировать его как «монгольский цам», что стало основанием для развития театрального искусства. Рассмотрим некоторых персонажей монгольского цамы, обладавших особой популярностью у народа.

Белый старец, одно из божеств монгольского буддийского пантеона занимает видное место в монгольском искусстве цам, особенно при Великом монастыре (Их-хурэ). В прошлых столетиях многие монголы посещали ритуал монастыря Цагаан

Хад, чтобы попытаться увидеть цама, где главным героем был Белый старец. В характере танца и в costume зрители пытались угадать, какой будет зима в этом году. Если ламы-астрологи полагали, что зима ожидается хорошей, то главный герой был дружелюбен, играл с детьми. Если же наоборот, то Белый старец был в пантомиме коварным и агрессивным [7].

Рисунок 2. Белый старец

Различного рода костюмы и аксессуары, жесты и движения в цапе, как и в театральном искусстве, играли важную роль.

Костюмы и атрибутивные элементы (мутрын тэмдэг)

Основной одеждой цама являются нагрудник, юбка, халат с длинными рукавами — шушив, туфли со шнурками из крокодиловой кожи и маска. Рукава халата были очень широкими на концах, что может быть связано с легендой о Ландраме. Их обильно украшали разноцветной аппликацией, широко использовались различного рода колокольчики, орнаменты, надписи из буддийских текстов, резные костяные изделия. Все костюмы выполнялись искусными мастерами. Использовались разноцветный шёлк, вышивка нитями и тонкой проволокой из дорогих металлов.

Важнейшая роль принадлежала ритуальным атрибутам, которые давали понять, какое именно божество сейчас находится перед зрителями. Это могли быть: копьё, меч, топор, лук и стрелы, курок, тесь, молот, серп, точило, крюк, нож, кнут, чаша бадара, барабан, колокольчик, ремень, зонт, сутра, корона,

череп, полная драгоценностей тарелка, украшенный разноцветными лентами пояс хадаг [9].

Маска цам является основным инструментом для изображения облика свирепых богов, а также природных объектов – гор и рек. В зависимости от характера персонажа маски богов могут быть черными, синими и красными. Например, те, кто борется с еретиками и грешниками, имеют чёрные маски.

Рисунок 3. Гомбо Махагал – великий защитник

Каждый элемент маски был символичен. Например, изображение пяти хотимои-херепов является символом победы над пятью вечными пороками: гневом, невежеством, тьмой, жадностью, гордыней и ревностью.

Само изготовление маски было долгим и сложным процессом. Сначала создавали ее скульптурную основу из дерева или глины. Затем в технике папье-маше наклеивали бумагу или ткань, после тщательно шлифовали и полировали и только после этого раскрашивали. Наконец, она золотится и сушится. Если в маске присутствует волос, то его тоже тщательно готовили, пряди закрепляли и укладывали согласно

традиции [9, с. 99–108]. Маска животного имитировала его внешность, включала рога, клыки, зубы, часть шкуры. Здесь важно отметить, что Д. Гурдорж, известный скульптор XX века в Монголии, использовал эту технику изготовления масок цам для спектаклей и другого сценического реквизита.

Согласно различным источникам, основной центр изготовления масок был в главных монастырях Монголии. Сохранились имена наиболее известных мастеров: Шамбон (Чамбон) Пунцаг-Осор, известный художник и скульптор провинции Барга; Ёндон провинции Намдлинг; Джагдер провинции Зугой; Лувсанцэрен, выдающийся мастер изготовления восковых форм, и другие.

Рисунок 4. Ламы в масках и костюмах, участвующие в религиозном ритуале (цам) в Гусиноозёрском дацане

Выводы

Церемония цам, зародившись в Индии и Тибете и будучи привнесенной в Монголию, оказалась очень востребованной и сыграла большую роль в распространении буддизма. Но одновременно необходимо отметить, что цам, вобрав многие

особенности народного искусства, сам видоизменился. По сути, сформировался свой особенный инвариант этой церемонии.

Популярность цам в Монголии, привлечение большого числа мастеров к изготовлению различных атрибутов, с одной стороны, обогатило его художественно; с другой стороны, опыт изготовления атрибутов цам помог монгольским художникам на первом этапе развития сценографии в театрах, возникших после революции.

Изучение цам позволяет увидеть, как современные театральные постановки прямо или косвенно обращаются к традициям мастеров этой церемонии. Возрождение её в современных условиях открывает возможность как для реконструкции главных ритуалов в прошлом, так и исследования взаимного проникновения двух различных сценографических традиций.

Библиографический список

1. Шишин М.Ю., Белокурова С.М., Иванов А.В. и др. Учение арга билиг как ось монгольской культуры / под общ. ред. М.Ю. Шишина. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2013. 181 с.

2. Шишин М.Ю., Уранчимэг Д., Белокурова С.М., Царева Н.С., Мушникова Е.А., Иккерт Т.В. и др. Искусство Сибири и Монголии XX – начала XXI в.: очерки истории и теории. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2018. 321 с.

3. Оюун Э. Историческая траектория монгольского театра. Улан-Батор: [б. и.], 1989. С. 3–5.

4. Бальжанов Ц.Д. Мистерия Цам как буддийский философский текст и ритуальное действо. Автореф. дисс. канд. филос. наук. Москва, 2002. 17 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/misteriya-tsam-kak-buddiiskii-filosofskii-tekst-i-ritualnoe-deistvo>

5. Жигмитова А.А. Мистерия Цам в современной Бурятии (этнотеатроведческие аспекты). Автореф. дисс. канд. искусствоведения. Санкт-Петербург, 2020. 30 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/misteriya-tsam-v-sovremennoi-buryatii-etnoteatrovedcheskie-aspekty>

6. Шастина Н.П. Религиозная мистерия цам в монастыре «Дзунхуре» // Современная Монголия. 1935. № 1. С. 92–113.

7. Найдакова В.Ц. Буддийская мистерия Цам в Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. Ин-т обществ. наук СО РАН, 1997. 39 с.

8. Сальмонт Б.П. Материалы к изучению бурят-монгольского искусства (песни, музыка, танцы). Рукопись // ОППВ ИМБИТ СО РАН. Инв. № 364. Верхнеудинск, 1928. 229 с.

9. Нямбуу Х. История монгольского костюма. Улан-Батор: [б. и.], 2004. 203 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Алтайского края в рамках научного проекта №19-412-220003 р_а «Экспликация потенциала художественной культуры Алтайского края и определения механизмов его использования в региональных и международных туристических проектах»

УДК 7.046.3

Генезис образа птицы Гаруды в монгольском искусстве

Софья Михайловна Белокурова¹,

Татьяна Николаевна Канарева²

¹ Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова, Барнаул, Россия
belle.sonet312@gmail.com

² Архитектор-дизайнер, Барнаул, Россия

Аннотация. Статья посвящена образу птицы Гаруды в монгольском искусстве. Исследуется онтология образа, его значение в буддизме, особенно в его монгольской версии. Авторы анализируют возможные пути адаптации Гаруды в шаманизме монгольских кочевников, рассматривают соотношение Гаруды с образами наскальных рисунков, грифоном. Особый акцент в исследовании делается на соответствии онтологической сущности Гаруды традиционному диалектическому учению монголов арга билиг. Авторы рассматривают различные направления актуализации образа в современном искусстве Монголии – светское и религиозное. В конце статьи авторы приходят к выводу об органичном соответствии образа Гаруды традиционному монгольскому мировоззрению, как символа победы над врагом.

Ключевые слова. Гаруда (Хангарид), современное искусство Монголии, традиционное искусство Монголии, буддистское искусство, храмовое искусство, арга билиг.

The Genesis of the Image of the Garuda Bird in Mongolian Art

*Sophia M. Belokurova*¹, *Tatyana N. Kanareva*²

¹ Altai State Technical University, Barnaul, Russia

belle.sonet312@gmail.com

² Architecture-designer, Barnaul, Russia

Summary. The article is devoted to the image of the Garuda bird in Mongolian art. The ontology of the image, its significance in Buddhism, especially in its Mongolian version, is being studied. The authors analyze the possible ways of adaptation of Garuda in the shamanism of the Mongolian nomads, consider the relationship of Garuda with the images of rock paintings, the griffin. Particular emphasis in the study is placed on the conformity of the ontological essence of Garuda with the traditional dialectical teaching of the Mongols *arga bilig*. The authors consider various directions of image actualization in the contemporary art of Mongolia - secular and religious. At the end of the article, the authors come to the conclusion that the image of Garuda organically corresponds to the traditional Mongolian worldview, as a symbol of victory over the enemy.

Keywords: Garuda (Khangarid), Mongolian contemporary art, Mongolian traditional art, Buddhist art, temple art, *arga bilig*.

Птица Гаруда – монг. Хангарид – является одним из ярчайших божеств в пантеоне монгольского буддизма. Более того, образ Гаруды в Монголии стал настолько популярным, что получил воплощение в различных видах монгольского искусства. Причем очевиден факт, что Гаруда – привнесенное божество. Тем ни менее, он настолько органичен не только религиозной, но и традиционной бытовой, светской и даже политической культуре монголов. Так, например, Гаруда стал символом Улан-Батора – столицы Монголии.

Изучая этот образ, мы можем поставить целую серию искусствоведческих вопросов, касающихся иконографии, особенно-

стей именно монгольского воплощения Гаруды, его трансформаций, семантики.

Анализ библиографии показал, что образ Гаруды в монгольском искусстве не исследовался достаточно глубоко, в этом отношении наша работа представляется актуальной. Тем более, нами не были обнаружены исследования, касающиеся генезиса данного образа от древности до современности. И все же, есть немало крупных работ, касающихся иконографии Гаруды в буддизме [1; 2].

Сначала рассмотрим само происхождение образа. Гаруда – это мифический царь птиц в буддизме, индуизме, джайнизме и сикхизме. Распространен в мифологии монголов, тибетцев, бурят и калмыков под разными именами. В Монголии – Хан Гаруди, Хангарид; в Бурятии – Хэрдиг; в Калмыкии – Хэрд. По легенде, Гаруда был сыном Кашьяпы и Винаты. Пятьсот лет находясь в яйце, он вылупился совершенно сформировавшимся. Небеса затмила его форма, наводящая ужас, от движения его крыльев сотряслась земля.

Когда сестра Винаты – Кадра (являющаяся матерью нагов), заточила ее в змеиной темнице, Гаруда ради спасения матери сокрушил небеса Индры и украл священную амриту для выкупа. Боги объединились, чтобы вернуть напиток бессмертия, но все они были слабы в сравнении с мощью Царя птиц. Только Вишну удалось подчинить Гаруду и вернуть амриту. Он связал его клятвой о покорности и повиновении. В более поздней мифологии говорится о том, что Вишну сумел оседлать Гаруду, чтобы подчинить великого змея-нага, и даровал ему бессмертие [3]. Гаруда всегда был злейшим врагом змей, и эта архетипическая вражда между хищными птицами и змеями является общей для многих мифологических традиций.

В буддизме Гаруда также появляется в ипостаси анагатйах в виде златокрылой птицы. Анагатйах или Восемь Легионов Дэвов и Нагов – это группа буддийских божеств, главная функция которых – защита Дхармы. В буддийском искусстве эти существа изображают сидящими и слушающими проповеди Будды. Гаруды были среди существ, назначенных Шакрой охранять гору Сумеру и небо Трайастрихша от нападений асуров, полубогов.

Обратимся к иконографии Гаруды. Первоначально его изображали как птицу, похожую на орла. Позднее он появляется как человек-птица – существа, в котором объединились верхняя часть тела, торс, руки и кисти человека с птичьей головой, бёдрами, ногами, когтями и крыльями. Это, в частности подтверждает и индийский исследователь Локеш Чандра в «Словаре буддийской иконографии», указывая две иконографические формы: более распространенную («тело человека, голова гаруды») и более редкую, но, видимо, более архаичную («тело гаруды, голова гаруды») [1, с. 1221]. Зооморфные вариации Гаруды распространились по всей Индии, Непалу, Шри-Ланке, Бирме, Таиланду и Юго-Восточной Азии. В буддийских текстах описывается, что в одном из своих прошлых земных рождений Шакьямуни был Гарудой, и именно поэтому Гаруда изображается в человеческом облике, но с головой и крыльями птицы.

Однако возникает закономерный вопрос: как образ Гаруды был встроен в мировоззренческую картину мира монголов? Адаптационные особенности буддизма очень ярко проявляются именно на монгольской почве. Одним из примеров может стать Жамсран Махагала (Бэгцэ, Улаан Сахиус). Фактически образ йидама, защитника Учения, стал логическим продолжением образа монгольского бога войны [4, с. 143]. Продолжая логику исследования, было бы целесообразно выявить некий устойчивый образ в монгольской культуре, ставший базисом для органичного принятия Гаруды. Повторимся, в основе иконографии божества отражена орнитоморфная сущность, следовательно, необходимо найти образ птицы, имеющий важное мировоззренческое значение для кочевой культуры Монголии.

Поскольку кочевые охотничьи и пастушеские сообщества начали формироваться в Центральной Азии в период позднего неолита и окончательно закрепляются в эпоху ранней бронзы, предположим, что наиболее ценный материал для нашего исследования представляют наскальные рисунки, входящие в наиболее крупные петроглифические комплексы на территории русского и монгольского Алтая. В статье В.Н. Кубарева «Образ птицы в петроглифах монгольского Алтая» справедливо указывается на связь между птицей и космогоническими представлениями монголов, алтайцев и тувинцев [5]. Кроме того, автор

также отмечает и сакральный характер орнитоморфных существ [там же]. Интересный рисунок приведен в монографии «Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур» [6, с. 105]. На одном из комплексов Республики Алтай существует изображение птицы, нападающей на рыбу (рис. 1). Несмотря на то, что рисунок относится к эпохе ранней или средней бронзы, В.Н. Кубарев обоснованно сравнивает эту композицию со сценами терзания в скифском искусстве. Если мы опираемся на сакральный образ птицы в традиционном кочевом мировоззрении, то вышеупомянутый рисунок несет важную символическую нагрузку. Кроме того, образ сложного зооморфного (орнитоморфного) существа хорошо известен в скифском искусстве. Большое количество находок произведений наскального искусства, декоративно-прикладного творчества, относящихся к скифскому времени, широко известны в Монголии. Мы имеем в виду, например, грифона.

Рис. 1.

А. Голан в известной монографии «Миф и символ» утверждает, что образ птицы восходит к солярной символической [7, с. 100] Локеш Чандра в вышеупомянутой статье со ссылкой

на Шпигельберга говорит: «Высшая птероморфная духовная форма жизни, парящая в небесах, победоносно ниспровергает и подчиняет низшую, связанную с земным существованием, изначально вредоносную форму бытия, имеющую лик амфибии. Гаруда – это высший символ божественной борьбы, пробуждающей самосознание, что является в итоге целью всех мировых процессов» [1, с. 1224].

Итак, подводя предварительный итог, отметим, что образ Гаруды, а именно птицы, побеждающей змею, является символом борьбы двух начал – высокого и низкого, неба и подземного мира. Таким образом, мы вплотную подходим к базовым шаманистским категориям мировоззрения монголов, именуемым «арга билиг». Арга билиг – это своего рода учение, согласно которому «арга» определяет внешнюю сторону явления или феномена, «билиг» – внутреннюю, и поскольку это касается абсолютно всего в мире, то формируется целостная система мироздания. Схема соотношения арга билиг выглядит следующим образом: «билиг» постоянно существует и развивается в «арга», в то время как «арга», будучи формой, защищает «билиг». В «арга» всегда есть «арга» и «билиг», а «билиг» снова содержит «арга» и «билиг». Таким образом, всё в мире, делясь на две части (противоположности) до бесконечности, сохраняет форму парности. Это обеспечивает бесконечное развитие всего сущего. Все явления в мире, так или иначе, могут быть подразделены на две категории по степени тяготения к тому или иному полюсу. Таким образом, всё в мире амбивалентно по своей природе [4, с. 138].

Безусловно, диалектические основы арга билиг во много соотносятся с буддизмом и даосизмом, хотя арга билиг является более «практичным» по своей сути и тяготеет к трактовке и восприятию окружающей действительности больше, чем к абстрактным философским построениям. Согласно традиционным представлениям монголов, с помощью арга билиг можно объяснить все. Вот пример из статьи Д. Гантулги и С.Г. Батыревой. Авторы рассматривают орнаментальный мотив хангарид (Гаруда) как образец мотива «билиг по арга», который подразумевает образы, содержащие главный смысл верхнего мира, но получающие развитие в образе нижнего мира [8, с. 59]. Таким образом, возвращаясь к иконографии Гаруды, мы видим, что трак-

товка авторов обоснованна. Гаруда – это орнитоморфное божество, в котором птица символизирует небо (арга), а змея означает землю (билиг). Обе эти сущности – арга и билиг – находятся в противоборстве, или в диалектическом единстве.

Иконографический образ Гаруды, закрепившийся в буддийском искусстве Монголии, оказался органичным монгольской традиционной культуре, во-первых, в связи с его идентичностью архаичным визуальным формам, а во-вторых, благодаря соответствию базовым мировоззренческим категориям кочевников.

Религиозное искусство Монголии сохранило немало примеров произведений, посвященных Гаруде. Мы остановимся на храмовом зодчестве. Рассмотрим подробнее, какое место данный образ занимает в общей композиции и как его изображают.

Фигуру Гаруды как одного из «Четырех сверхъестественных созданий четырех направлений» можно встретить в Зимнем дворце Богдо Гэгэна (г. Улан-Батор) на двери, ведущей в главный зал дворца, выполненного в русском стиле. Каждый из существ является хранителем одной из частей света, Гаруда оберегает южное направление. Именно на южной двери в одной из трех филенок изображен пятицветный Царь птиц с пятицветным хвостом, пожирающий змею, которую держит в руках.

На главных воротах этого же комплекса, среди десятка расписных сюжетов, также можно увидеть Гаруду, выполненного в более графическом стиле, но полностью совпадающего с Гарудой внутри дворца по внешнему виду, повороту головы, наличию атрибутов и положению ног.

Изображение Гаруды – Сверхъестественного создания также встречается в одном из храмов, построенных в комплексе, на острове Агваш. Здесь он находится на четвертой ступени объемной мандалы, служащей пьедесталом для Будды Майтрея, тогда как на других ступенях располагаются три других существа.

В центре столицы Монголии находится храмовый комплекс Чойлин Ламын Сум. С его южной стороны, перед главным входом построена каменная стена, состоящая из трех частей – Ямпай. В ее центральной части изображен Гаруда, в клюве он держит змею. Ям-пай является своего рода щитом от злых духов, той же функции служат и многофигурные рельефные композиции, изображенные на нем и направленные на юг (рис.2).

Рис. 2.

Очень часто Гаруду можно увидеть среди «Шести украшений торана». Торана – своего рода свод над тронем просветленных существ.

В храме Ундэр Гэгэна Занабазары, входящего в комплекс Чойлин Ламын Сум (г. Улан-Батор), центральное место занимает позолоченная, отлитая из металла фигура, являющаяся автопортретом Ундэр Гэгэна. Его окружают пять главных Дхиани-Будд Созерцаний, выполненные самим Занабазаром. Скульптуры объединяет торана – свод, являющийся символом непревзойдённого величия просветленных существ. Венчает свод Гаруда, стоящий на хвостах Нагов, держащий в клюве змею.

В храме Ядамын Сум, первоначально называвшемся Драгоценным храмом тайной мантры, находится статуя Дувчиннагва-жодбы. За позолоченной статуей расположена затейливая торана, представляющая собой сочетание множества объемных изображений и сложных орнаментов в ярких красках. Пятицветный Гаруда стоит на хвостах смиренных Нагов во главе композиции (рис. 3).

Рис. 3.

Не менее интересную торану можно увидеть в храме Зуу Сум этого же комплекса. Она находится над тронном Богда Зонхова. Изображение Гаруды в ее верхней части очень схоже с предыдущим, те же пять цветов, положение рук-крыльев, зооморфные формы.

Тораны, увенчанные Гарудой, встречаются: в Дашчойлин Хийд (г. Улан-Батор) над креслом главного служителя храма; в каждом храме комплекса Гурван Зуу, находящимся в Эрдэнэ Зуу (г.Хархорин); в Бутээлийн Сум (Тув аймаг) на тханке над тронном Будды.

На атрибутах и стенах храмов существуют изображения Гарудамукхи. Это разновидность Киртимукха или Лица величия, одного из символов буддизма. Выглядит оно как маска животного, держащего нити драгоценностей, нисходящие из его рта. Гарудамукха имеет лицо Гаруды с выпуклостью на макушке, на которой расположены луна и солнце. Он встречается в качестве стража ворот и дверных проёмов в храмах. По одной из интерпретаций, Киртимукха отпугивает нечестивцев и заверяет верующих в защитных силах божества.

Орнаментом из Гарудамукх украшены молитвенные барабаны – Хурды в храмовом комплексе Гандан (г. Улан-Батор). На колонах южных ворот комплекса маска служит капителью. Также она встречается на расписных стенах главного храма

Дашчойлийн хийд (г. Улан-Батор), среди композиций и в качестве дверных ручек на воротах Монастырского комплекса Эрдэнэ Зуу (г. Хархорин) (рис. 4).

Рис. 4

Практически в каждом буддийском сакральном сооружении, будь то ступа, ворота, храм или тем более монастырский комплекс, встречаются изображения Гаруды. Как правило, это отдельные изображения зооморфной фигуры, символизирующие защиту от злых духов, врагов веры, а также оберегающие от дурных помыслов и напастей. Очень часто пятицветный Гаруда появляется среди украшений торано. Кроме того, как составляющая композиции трех существ – Макара, Нага и Гаруда, символизирующих три измерения: водное, подземное и небесное соответственно, Гаруда прочно ассоциируется с небом.

Религиозное монгольское искусство на примере храмового зодчества и интерьеров демонстрирует множество вариантов воплощения этого яркого образа. С развитием светского искусства в постреволюционной Монголии и сменой идеологических парадигм образ Гаруды остается в прошлом. Однако в 60-е годы прошлого века намечаются интересные тенденции. Во-первых, возвращение к традициям национальной живописи монгол зураг и переосмысление их с учетом новых исторических реалий, но-

вых сюжетов, новой идеологии. Во-вторых, возвращение к образам буддийского искусства, результатом которого стало появление живописных работ, посвященных, например, Белому старцу, выполненных в полном соответствии с канонами. В контексте нашего исследования представляет интерес работа художника Г. Цогбаяра «Хангарьд» 1984г. [9, с. 252]. Это деревянный медальон круглой формы с рельефным изображением Гаруды. Божество держит змею руками и клювом. Хотя мы можем сказать, что данное изображение создано, скорее, по мотивам канона, чем в соответствии с ним. Так, например, Гаруда стоит на облаках (не на лотосе, или поверженном наге). Кроме того, здесь мы видим скорее женский вариант божества – Гаруди. Тем не менее, в данном случае мы имеем дело с произведением светского искусства, которое с 60-х годов обогащается за счет буддистских образов прошлого. Поэтому отметим третью тенденцию, касающуюся непосредственно объекта настоящего исследования: в XX веке Гаруда становится достоянием не только религиозного, но и светского искусства.

В современном религиозном искусстве Монголии образ Гаруды сохранен в соответствии с канонами. Теоретик буддистского искусства, художник, лама Г. Пурэвбат в своей монументальной работе «Их Монголын Бурхадын лагшийн дурийн хувь хэмжээний шугамын онол» («Иконография монгольских божеств») выделяет образ Великого (пестрого, пятицветного) Гаруды из танковой композиции «Пять Гаруд», а также Гаруды, попирающего луса. Лус, согласно традиционным представлениям кочевников Монголии, является духом, воплощением сил природы. В трактовке ламы Г. Пурэвбата лус – это женский вариант Нага (Наги): существо с телом женщины, нижняя часть которого превращена в змеиный хвост. Об этом в соответствующей статье своего «Словаря буддийской иконографии» пишет Локеш Чандра.

В работе ламы Г. Пурэвбата приводятся иконографические схемы построения танки Хангарид, пропорции, канон, согласно которому строится композиция. Помимо этого лама приводит пример, каким образом канонические образы могут соотноситься друг с другом в рамках «произведений, выполненных с по-

мощью приемов традиционной религиозной монгольской живописи» [2, с. 319] (рис. 5).

Рис. 5

Живописная работа Г. Пурэвбата «Гаруда и Лус», не являясь в строгом смысле танкой, однако сохранившая все характерные стилистические черты религиозного искусства, восхищает гармонией и динамизмом. Вытянутый по горизонтали (не по канонической вертикали) формат насыщает композицию воздухом и позволяет персонажам свободно «двигаться». Г. Пурэвбат дополнительно усиливает это впечатление, полностью открывая центр композиции. Фон картины – это соотношение многочисленных оттенков глубокого синего цвета, от почти фиолетового до насыщенного темно-голубого, иными словами, единство и борьба двух стихий – неба и воды. Фигуры Гаруды и Луса расположены по условной окружности. Гаруда спускается с неба, а Лус поднимается из волн. Г. Пурэвбат мастерски акцентирует их антагонизм: фантастический, даже пугающий Гаруда активен и стремителен, а прекрасная девушка Лус изящно и покорно

склоняется в поклоне. Момент решающей схватки еще не наступил, но «движение» по кругу вот-вот замкнется, и дух воды будет повержен духом неба. Круговое расположение персонажей крайне важно: художник показывает бесконечный процесс борьбы и единения двух полярных существ: неба и земли, мужского и женского, активного и пассивного. И, несмотря на то, что в композиции картины Гаруда и Лус не взаимодействуют, как например, в танке, Г. Пурэвбат очень точно передает их взаимное притяжение. Данный опыт ламы Г. Пурэвбата, яркого и самобытного художника, является интересным, поскольку задает вектор танковой стилизации, позволяющей расширять сюжет, усложнять или упрощать композицию, сохраняя основной смысл, который несут образы.

Из последних произведений монгольского искусства, посвященных Гаруде, хотелось бы отметить скульптурную композицию (2021г.) в районе горы Богдо-уул – «Хангарид» скульптора Т. Энхтайвана (рис. 6).

Рис. 6

Обращает на себя внимание целый ряд характерных черт этого произведения. Прежде всего, явно выраженный отказ от пространственного в Монголии иконографического канона: ника-

кой дополнительной символики, мифологического антропоморфизма. Мы видим огромную птицу, вступившую в борьбу с огромной змеей. Другой важный момент – мощная динамика всего произведения. Если в каноне зафиксирован момент победы, когда змея уже не может сопротивляться, то рассматриваемое произведение делает акцент на борьбе двух героев. Змея не побеждена окончательно, мы видим ее попытки вырваться из стальных лап и клюва птицы. Головы птицы и змеи обращены в разные стороны, что также усиливает общий эмоциональный настрой всей композиции. Однако, при всей эмоциональности и динамизме скульптуры, в ее конструкции сохраняется четкое соотношение вертикали (тело змеи) и горизонтали (крылья). Это делает композицию сбалансированной и гармоничной.

Кроме того, несмотря на внушительные размеры, образ Хангарид поражает скрупулезной проработкой деталей: чешуя змеи, различные варианты перьев и т.д. Нельзя не отметить и интересную находку художника, когда оперение крыла решено в виде стрел. Такое обилие деталей не перегружает композицию, а наоборот, вызывает желание ее рассматривать. Несмотря на сознательный отход автора от канона, мы не можем сказать, что данное произведение не имеет, кроме названия, ничего общего с Гарудой. Напротив, в уже упомянутом выше «Словаре буддийской иконографии» Локеша Чандры в качестве канонических указываются два варианта изображения Гаруды, и одни из них, более редкий, предусматривает именно изображение птицы без антропоморфных признаков.

Итак, скульптор Т. Энхтайван нашел новое, крайне выразительное решение канонического символа. Именно в этом воплощении борьба двух начал выглядит ярче, эмоциональнее и, возможно, ближе зрителю.

Подводя итог, отметим следующее. В первом приближении мы определили некую линию образа Гаруды в монгольском искусстве от петроглифов и храмовой архитектуры до современных живописных и скульптурных работ. Что касается семантики, то в монгольском мировоззрении Гаруда трактуется как победа над врагом. А, согласно традиционному учению арга билиг, Хангарид – это символ неба, а значит, мужского начала,

силы (арга). В свою очередь змея, символизирующая подземный мир, мудрость, или женское начало – это билиг. Образ Хангарид, побеждающей змею, это вечная тема диалектической борьбы противоположностей, устойчивый символ, близкий кочевому мировоззрению.

Библиографический список

1. Lokesh Chandra Dictionary of Buddhist Iconography. Vol. 4. – New Delhi: Additya Prakashan, 2002. – 1220-1233 pp.
2. Пүрэвбат Б. Их Монголын Бурхадын лагшийн дүрийн хувь хэмжээний шугамын онол. 3-р боть. Аглаг бүтээлийн сүм, 2017.
3. Бира Р. Тибетские буддийские символы. Справочник пер. с англ. Л. Бубенковой. М.: Ориенталия, 2013. 336с.
4. Белокурова С.М., Шишин М.Ю. Монгольское учение арга билиг: культурологический потенциал и основание в анализе произведений искусства // Идеи и идеалы №3(29). 2016. С. 137–145.
5. Кубарев В.Н. Образ птицы в петроглифах монгольского Алтая. URL: <https://arheologija.ru/petroglifyi-ptitsyi-altay/>
6. Кубарев В.Н., Цэвэндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. 640с.
7. Голан А. Миф и символ. М: Русслит, 1993. 375с.
8. Гантулга Д., Батырева С.Г. Основные принципы смысловыражения в декоративно-прикладном искусстве древней Монголии // Наследие веков №4. 2020. С. 53–63.
9. Соцреализм в Монголии [альбом]. Улан-Батор, 2022. 689с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Алтайского края в рамках научного проекта 19-412-220003 p_a «Экспликация потенциала художественной культуры Алтайского края и определения механизмов его использования в региональных и международных туристических проектах»

УДК 902.01

**Реконструкция поясного набора из погребения №7
могильника Пинчуга-6 (Нижнее Приангарье)**

Полина Олеговна Сенотрусова

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
polllina1987@rambler.ru

Аннотация. В погребении №7 могильника Пинчуга-6, впервые в Нижнем Приангарье, зафиксированы элементы поясной гарнитуры финала раннего железного века *in situ*. Они располагались на дне могильной ямы, двумя плотными скоплениями. В одном из них отмечены два ряда круглых выпуклых нашивок, овальное кольцо и небольшой нож. Другое скопление худшей сохранности, но здесь отмечены аналогичные нашивки и кольцо. Хронология материалов укладывается в рамки второй четверти I тыс. н.э. Предложены два варианта реконструкции наборного пояса.

Ключевые слова: Нижнее Приангарье, финал раннего железного века, наборный пояс, погребение, реконструкция.

**Reconstruction of a belt set from burial №7 of the
Pinchuga-6 burial ground (Lower Angara region)**

Polina O. Senotrusova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia *polllina1987@rambler.ru*

Summary. The burial ground of Pinchuga-6 is the first burial ground of the End of the Early Iron Age in the Lower Angara region. In burial №7, iron elements of a belt set were found *in situ*. They were located at the bottom of the pit, in two dense clusters. One of them shows two rows of round raised buttons, an oval ring and a small knife. Another accumulation is worse preserved, but similar buttons and a ring are also found here. All these finds are dated to the second quarter of the 1st millennium AD. Two options for the reconstruction of the belt set are proposed.

Keywords: Lower Angara region, end of the Early Iron Age, belt set, burial, reconstruction.

Полевые работы на могильнике Пинчуга-6 позволили впервые получить значительный корпус источников эпохи Великого переселения народов для территории Нижнего Приангарья. На памятнике найдены оружие, керамика, предметы культового литья, инструменты, украшения и детали костюма. Среди последних выделяются пряжки, нашивки и накладки, которые могли входить в состав ременной гарнитуры. Все погребения некрополя выполнены по обряду трупосожжения на стороне. В большинстве могил материал залегал не упорядоченно вперемешку с фрагментами обожжённых костей. Только в погребении №7 могильника Пинчуга-6 удалось отметить железные детали поясного набора *in situ*.

Могильная яма погребения прямоугольной формы с закругленными углами, размерами 48×37 см, глубиной не более 7 см. Южнее могилы отмечена грабительская яма, на борту которой найден сильно коррозированный трехлопастной наконечник стрелы, три железные выпуклые нашивки и одиночные обожжённые кости. Несмотря на нарушения, удалось зафиксировать контуры могильной ямы погребения №7.

На дне ямы находились два скопления обожжённых человеческих костей. Первое из них размещалось возле западной стенки. Скопление прямоугольной формы, размерами около 22×15 см. Здесь найдены две стеклянные бусины и фрагменты гребня из рога. На дне могильной ямы лежали две группы сильно коррозированных железных предметов. Второе скопление отмечено возле западной стенки могилы, оно прямоугольной формы, размерами 20×15 см. Предметов сопроводительного инвентаря здесь не отмечено.

В результате антропологических определений установлено, что в погребении № 7 в обоих скоплениях обломков костей находились останки одного взрослого индивида, пол не установлен. Отличий между двумя скоплениями фрагментов обожжённых костей не выявлено [1, табл. 1].

После камеральной обработки удалось выявить две группы металлических элементов наборного пояса. Первая из них лучшей сохранности, расположение вещей сохранилось *in situ*. Здесь отмечено два ряда круглых железных нашивок, диаметром около 2,4–2,5 см. Нашивки лежали выпуклой стороной вниз,

петлей – вверх. В нижнем ряду шесть нашивок, в верхнем – восемь. С одной стороны, частично под нашивкой, фиксируется железное овальное кольцо высотой 3,0 см. Общая длина представленной детали 21 см., ширина около 5,0 см. Вдоль ряда нашивок лежал небольшой черешковый нож, размерами 11,6×2,0×0,3 см.

Во второй группе предметов так же фиксируется два ряда круглых нашивок. Нижний ряд состоит из семи нашивок, заканчивается железным овальным кольцом плохой сохранности. Длина этого ряда около 19 см. Верхний ряд сохранился не полностью, часть нашивок сломаны, некоторые лежали на боку или вниз петлей. Здесь отмечено не менее 10 нашивок.

Вероятно, на дно могильной ямы был положен сложенный пояс, украшенный круглыми железными выпуклыми нашивками. Такие круглые нашивки являются самой частой находкой на могильнике Пинчуга-6. Они присутствуют в 10 погребениях из 16 раскопанных. Чаще всего они залегают разрозненно, в заполнении могильной ямы или внутри скопления фрагментов костей. В отдельных случаях удалось зафиксировать попарное размещение изделий. В погребении №9 на дне могильной ямы зафиксировано крупное скопление круглых нашивок, расположенных без какого-либо порядка. Упорядоченное залегание нашивок, позволяющее рассматривать их как часть поясного набора, отмечено только в погребении №7.

Выпуклые железные нашивки из железа на сопредельных к Приангарью территориях встречаются редко. Известны они в булан-кобинских комплексах Алтая II–IV вв. н.э., особенностью алтайских находок является преобладание шпенькового способа крепления [2, с. 88]. Круглые выпуклые нашивки с петлей на обратной стороне присутствуют в елгинских комплексах Прибайкалья [3]. Есть аналогичные изделия в материалах фоминской культуры Кузнецкой котловины [4, с. 75]. Вытянутые по вертикали овальные кольца известны в составе наборных поясов на Алтае во II–V в. н.э. и в кокэльских комплексах Тувы [5, с. 95]. Датировка зафиксированных в этом погребении элементов ременной гарнитуры укладывается в рамки второй четверти I тыс. н.э.

Расположение и сохранность нашивок в этом погребении не позволяют предложить однозначный вариант реконструкции

пояса. Нашивки располагались двумя параллельными рядами, вплотную друг к другу. Крайние нашивки (возле колец) несколько смещены. Между двумя скоплениями предметов отмечено пустое пространство. Отталкиваясь от зафиксированного в ходе полевых работ размещения вещей, можно предположить, что попарно расположенные нашивки, украшали концы пояса (рис. 1 – Б). «Спинка» ремня ничем дополнительно не декорировалась. Ширина основной части пояса составляла около 5,0 см. При переходе к кольцам, пояс сужался до 2,4–2,6 см. Вероятно, к кольцам крепились шнурки или завязки, позволяющие фиксировать ремень на поясе.

Пояса такой ширины не характерны для периодов поздней древности и раннего средневековья, а предложенная реконструкция не находит прямых аналогий на территории Сибири и Центральной Азии. Исходя из этого, можно предложить другой вариант реконструкции поясного набора из погребения №7 (рис. 1 – А). Нашивки могли располагаться на поясе в один ряд, общая длина ремня, учитывая количество нашивок, составляла не менее 80–90 см. Такая конструкция пояса больше соответствует эпохальным тенденциям развития ременной гарнитуры в хунно-сяньбийское время. Но в таком случае не ясно каким образом пояс был настолько компактно сложен и помещен в могилу.

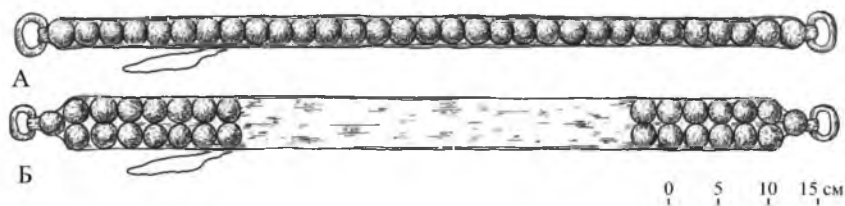

Рисунок 1. Варианты реконструкции поясного набора из погребения № 7 могильника Пинчуга-6.

Сложность изучения ременных наборов этого периода обусловлена радикальным стилистическим изменением облика на-

борного пояса, поскольку на смену бронзовой гарнитуре пришла железная. В это время не существовало одного устойчивого поясного набора, напротив, происходил постоянный поиск новых форм и типов элементов поясной гарнитуры [6, с. 30]. Сейчас для территории Нижнего Приангарья не известно никаких изобразительных или археологических источников, позволяющих реконструировать внешне наборные пояса, использовавшиеся местным населением в это время. Новые материалы позволят уточнить предложенные реконструкции.

Библиографический список

1. Сенотрусова П.О., Дедик А.В., Мандрыка П.В. Погребальный обряд населения Нижнего Приангарья в финале эпохи железа (по материалам могильника Пинчуга-6) // КСИА. 2022. Вып. 266. С. 297–307.
2. Тишкин А.А., Матрёнин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка) Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с.
3. Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 198–215.
4. Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2003. 288 с.
5. Матрёнин С.С. Хронологические индикаторы снаряжения верхового коня кочевников сяньбийско-жужанского времени // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та., 2018. С. 188–195.
6. Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та., 1990. 164 с.

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»)

УДК 930.24+902.6

**Вопросы хронологии средневековых древностей
Волго-Камья (историографический аспект)**

Константин Александрович Руденко

Государственный институт культуры, Казань, Россия

murziha@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы хронологии древностей волжских булгар в VIII–XIV вв. Анализ историографии этого вопроса, показал, что основные положения современной концепции хронологической шкалы сформировались в середине XX века. Они были разработаны известным археологом А.П. Смирновым. По его мнению, история и археология Волжской Булгарии делилась на дофеодальный и феодальный периоды. После монгольского завоевания Волжской Булгарии наступил Золотоордынский этап, мало чем отличавшийся по материальной культуре от домонгольского. Эта концепция, поменяв названия на добулгарский, булгарский, домонгольский и золотоордынский, существует в настоящее время. Нарушает ее выделенная в 1980-е гг. Е.П. Казаковым, идея раннебулгарского этапа VIII–X вв. С конца XX в. появились новые подходы к разработке булгарской хронологии по данным булгарских поселений (стратиграфия, типология).

Ключевые слова: миграции, волжские булгары, хронология, датировка, историография, переходный период.

**Issues of Chronology of Medieval Antiquities
of the Volga-Kama Region (historiographic aspects)**

Konstantin A. Rudenko

Kazan State Institute of Culture, Kazan, Russia

murziha@mail.ru

Summary. The article deals with the problems of the chronology of the antiquities of the Volga Bulgars in the VIII–XIV centuries. An analysis of the historiography of this issue showed that the main provisions of the modern concept of the chronological scale were formed in the middle of the twentieth century. They were developed by a famous archaeologist A.P. Smirnov. In his opinion, the history and archeology of the Volga Bulgaria was divided into pre-feudal

and feudal periods; after the Mongol conquest of the Volga Bulgaria, the Golden Horde stage began, which differed little in material culture from the pre-Mongolian. This concept, having changed its names: to pre-Bulgarian, pre-Mongolian Bulgar and Golden Horde, exists at the present time. It is violated by the idea of the early Bulgarian stage of the VIII–X centuries, singled out in the 1980s by E.P. Kazakov. Since the end of the twentieth century, new approaches to the development of the Bulgar chronology have appeared, according to the data of the Bulgar settlements (stratigraphy, typology).

Keywords: migrations, Volga Bulgars, chronology, dating, historiography, transition period.

Изучение процессов этнокультурных взаимодействий и миграций на территории Евразии в эпоху средневековья невозможно без разработки вопросов хронологии. Достаточно сложно это сделать в тех случаях, когда данные явления сопровождались значительными трансформациями материальной культуры при сочетании различных факторов, например, седентаризации кочевников в новых природно-географических условиях. К таким событиям можно отнести миграцию с юга на север племен болгар в Волго-Камье, в конце I тыс. н.э., а также активное движение с востока на запад в это время других народов, в той или иной степени затрагивавшее этот регион.

До середины XX в. обсуждение данной темы носило умозрительный характер, и только с 1950-х – 60-х гг., благодаря планомерным археологическим раскопкам, прежде всего, Булгарского городища под руководством А.П. Смирнова, наметился существенный сдвиг. Но на тот момент хронологически разграничить болгарские древности было весьма затруднительно, поскольку многие болгарские памятники существовали длительное время. Кроме того, большинство исследователей были убеждены, что даже серьезные катаклизмы, такие, например, как монгольское нашествие, не могли изменить материальную культуру болгар. А.П. Смирнов уточнял, что объективными препятствиями в разработке вопросов хронологии в болгаристике являлись недостаточная исследованность погребальных памятников, единичность раскопок поселений, прежде всего городищ, и полная неизученность селищ [1, с. 4].

Первые разработки общей археологической хронологии в болгаристике в 1950-х гг. основывались на теории формаций. Исходя из этого, история и, соответственно, археология болгар делилась на два периода: дофеодальный и феодальный, внутри последнего выделялись домонгольский и золотоордынский этапы. Эти положения впоследствии стали аксиоматичными, хотя основой их послужил не археологический, а исторический контекст. Иначе говоря, до прихода болгар (VII–VIII вв. н.э.) был дофеодальный период, после этого события – феодальный. Причем к последнему относилось начало болгарской государственности на Средней Волге. Этот рубеж опирался на известное историческое событие, арабское посольство к болгарам в 922 г., с которым связывалось и принятие новой религии болгар – ислама. Отмечалось, что это событие является «твердой нижней гранью домонгольского периода истории государства болгар» [2, с. 27]. К нему чуть позже были «привязаны» и археологические памятники, например, Билярское городище, масштабные исследования которого начались в 1967 г. Отметим, что в этой исторической гипотезе отсутствовало важное логическое звено: волжские болгары в период «обретения Родины» до 960-х гг. находились в составе хазарского государства, с его политическими институтами и экономикой, что должно было иметь археологическое отражение.

Решить эту проблему должно было включение в болгарскую хронологию в 1980-х гг. раннеболгарского этапа, выделенного Е.П. Казаковым по археологическим данным. Он охватывал, по мнению исследователя, VIII–X вв. и был кочевым, догосударственным, то есть «переходным». Однако эти рамки, как и интерпретация, сразу стали предметом дискуссий. Если нижняя дата – середина VIII в., после работ В.Ф. Генинга и А.Х. Халикова до начала XXI в. не оспаривалась, то верхняя граница по сей день не имеет достаточно четких, обоснованных критериев. При этом остается неопределенным и этно- и историко-культурное содержание финальной части этого этапа [3, с. 170].

Если Е.П. Казаков определял верхнюю границу раннеболгарского этапа третьей четвертью X в. [4, с. 272–298], то Т.А. Хлебникова – рубежом IX и X вв. [2, с. 28]. Она считала, что обоснованием этому является возникновение качественно новых

образований – оседлых поселений. С ее мнением солидаризировался А.Х. Халиков, а затем Ф.Ш. Хузин [5, с. 32, прим 28].

Второй, домонгольский период завершился монгольским нашествием в 1236 г. В 1970-х гг. домонгольский период стал разделяться по археологическим данным на две половины, условным рубежом которых был XI в. Это деление не получило тогда четкой аргументации, и поэтому редко используется в археологических штудиях. Верхняя граница этого периода логически обоснована – в 1236 г. Волжская Булгария вошла в состав монгольской империи, но в археологических материалах этот рубеж не столь очевиден, особенно в массовых находках [6]. Золотоордынский этап по археологическим материалам (стратиграфии Булгарского городища), делился на ранний и поздний [7, с. 45].

Попытки решить проблемы хронологии болгарских поселений только на археологическом материале (керамике) были предприняты Т.А. Хлебниковой в 1960-х гг. [8]. Ее наблюдения были подтверждены исследованиями Р.Г. Фахрутдинова в 1970-х гг. [9]. В эти же годы Е.П. Казаков разработал хронологию ранне-болгарского этапа по материалам некрополей, а в 1980-х гг., изучив находки с болгарских селищ приустьевой части Камы X–XIII в., сделал интересные наблюдения по хронологии изученного им массового поселенческого материала [10]. С конца XX в. начались поиски новых критериев в разработке вопросов болгарской хронологии, на основе сравнительного анализа закрытых поселенческих комплексов в увязке со стратиграфией исследованных раскопками болгарских селищ одного микрорегиона в нижнем течении Камы [11; 12].

В настоящее время, при сохранении условной историко-археологической хронологии в болгаристике, сложившейся в середине XX в., наметилась тенденция к усилению ее археологической составляющей. Однако и здесь акцент делается, в основном, на поиске аналогий к отдельным категориям изделий. Корректировка хронологии на основе археологических материалов в увязке со стратиграфией, комплексным анализом данных с болгарских памятников, делает важные основания к пониманию процессов миграций, приведших к появлению болгар на Волге, внутренних переселений и смене этнокультурных парадигм в XI–XIV вв.

Библиографический список

1. Смирнов А.П. Волжские булгары. М.: ГИМ, 1951. 280 с.
2. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 240 с.
3. Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние булгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 201 с.
4. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (Этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 332.
5. Казаков Е.П. Об археологическом изучении раннебулгарского периода // Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань: ИЯЛИ КФАН, 1982. С. 29–37.
6. Кокорина Н.А. Керамика Волжской Болгарии второй половины XI – начала XV в.: (К проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культуры). Казань, 2002. 383 с.
7. Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 32-129.
8. Хлебникова Т.А. Гончарное производство волжских болгар X – начала XIII века // Труды Куйбышевской археологической экспедиции, т. IV. М., 1962. С. 93–152 (Материалы и исследования по археологии СССР. № 111).
9. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Болгарии и ее территория. Казань: Тат. кн. изд-во, 1975. 219 с.
10. Казаков Е.П. Булгарское село X-XIII веков низовий Камы. Казань: Тат. кн. изд-во, 1991. 276 с.
11. Руденко К.А. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Болгарии XI–XIV вв. (на примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Материалы Международного полевого симпозиума, / отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск-Глазов: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 73–102.
12. Руденко К.А. Исследования VI Алексеевского и Мурзинского селищ в Татарстане в 1992–1996 гг. Казань: ЗАО «Изд-дат. дом «Казанская недвижимость», 2015. 400 с.

НАШИ АВТОРЫ

Анищенко Виктория Валериевна, магистрант АлтГУ (Барнаул). viktoria.anishchenko@yandex.ru

Артамонова Татьяна Александровна, к.ф.н, доцент кафедры гуманитарных дисциплин АГАУ (Барнаул) art-katun@mail.ru

Батхулэг Эрдэнэцогт, Монгольский государственный университет искусств и культуры (Улан-Батор, Монголия). art.bathuleg@gmail.com

Банников Дмитрий Вадимович, студент АлтГУ (Барнаул). kss667@mail.ru

Белокурова Софья Михайловна, к.ф.н., доцент АлтГТУ им. И.И. Ползунова (Барнаул). Belle.sonet312@gmail.com

Бондаренко Светлана Ивановна, к.и.н., доцент, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин АГАУ (Барнаул). bonsvet@bk.ru

Гонашвили Александр Сергеевич, к.с.н., помощник проректора по научной работе, старший преподаватель кафедры коммуникативных технологий и сервисной деятельности Университета при МПА ЕврАзЭС (Санкт-Петербург). nauka9iieel@univevrazes.website

Григорьев Илья Владимирович, к.б.н., доцент кафедры нормальной физиологии и основ безопасности жизнедеятельности НГМУ (Новосибирск). ilyag2@yandex.ru

Демин Иван Валериевич, старший преподаватель кафедры философии и социологии АлтГТУ им. И.И. Ползунова (Барнаул). IvanValDemin2012@mail.ru

Ерохина Елена Анатольевна, д.ф.н., доцент Института философии и права СО РАН (Новосибирск). leroh@mail.ru

Зазулина Мария Рудольфовна, к.ф.н., старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск). zamashka@yandedx.ru

Иванов Андрей Владимирович, д.ф.н., профессор, директор Центра гуманитарного образования Алтайского государственно-аграрного университета (Барнаул). ivanov a v 58@mail.ru

Изгарская Анна Анатольевна, д.ф.н., ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск). aizgarskaya@gmail.com

Инговатов Владимир Юрьевич, д.ф.н., директор Гуманитарного института АлтГТУ, заведующий кафедрой «Философия и социология» (Барнаул). ingvlad@mail.ru

Инговатова Аурика Германовна, к.ф.н., доцент АлтГТУ им. И.И. Ползунова (Барнаул). auriking@mail.ru

Иродов Илья Евгеньевич, студент АлтГУ (Барнаул). irodov.ilya@mail.ru

Искаков Ирлан Жангазыевич, к.ю.н., ректор АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС», член Российской академии юридических наук, Русского географического общества (Санкт-Петербург). Iiel2002@mail.ru

Каланчина Ирина Николаевна, к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин АГАУ (Барнаул). kalanchina62@mail.ru

Канарева Татьяна Николаевна, архитектор-дизайнер (Барнаул).

Качусов Дмитрий Анатольевич, аспирант кафедры философии и политологии АлтГУ (Барнаул). dmitrij.kachusov@mail.ru

Корчагина Анжелика Олеговна, аспирант кафедры философии и политологии АлтГУ (Барнаул). angelika2401@yandex.ru

Костюк Всеволод Григорьевич, к.ф.н., старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск). demosros2017@gmail.com

Ланина Елена Евгеньевна, к.ф.н., проректор по учебно-методической работе АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС» (Санкт-Петербург). elenalan@inbox.ru

Логинова Надежда Сергеевна, к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных наук АГМУ (Барнаул). philosophia@mail.ru

Мадюкова Светлана Александровна, к.ф.н., старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск). sveiv7@mail.ru

Михалев Максим Сергеевич, д.и.н., профессор учебно-научного центра социальной антропологии РГГУ (Москва). maxmikhalev@yahoo.com

Мушникова Елена Анатольевна, кандидат искусствоведения, директор Центра языков и культур народов Большого Алтая, АлтГТУ им. И.И. Ползунова (Барнаул). mushnikova77@mail.ru

Наседкина Ольга Артемовна, магистрант Сибирского института управления филиала РАНХиГС (Новосибирск). olyanasedkina@icloud.com

Останин Вадим Владимирович, к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин АГАУ (Барнаул). vadim_bh@mail.ru.

Павленко Олег Викторович, студент Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль). pisatel10@mail.ru

Персидская Ольга Алексеевна, младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск). olga_alekseevna@mail.ru

Плебанек Ольга Васильевна, д.ф.н., зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС» (Санкт-Петербург). plebanek@mail.ru

Пономаренко Ольга Павловна, к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин АГАУ (Барнаул). o.ponomarenko2018@mail.ru

Попков Юрий Владимирович, д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск). yuripopkov54@mail.ru

Руденко Константин Александрович, д.и.н., профессор кафедры истории, философии и культурологии Казанского государственного института культуры (Казань). murziha@mail.ru

Сенотрусова Полина Олеговна, к.и.н., старший научный сотрудник Сибирского федерального университета (Красноярск). polllina1987@ Rambler.ru

Сидорова Оксана Владимировна, к.и.н., главный научный сотрудник Государственного художественного музея Алтайского края (Барнаул). semyasidorov@yandex.ru

Сосновский Борис Алексеевич, д. псих. н., профессор кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург). sosnovsk@list.ru

Спирина Марина Юрьевна, к.и.н., проректор по научной работе АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС», Заслуженный учитель России, член Русского географического общества (Санкт-Петербург). mus931@inbox.ru.

Старкин Александр Дмитриевич, кафедра ГМУ Сибирского института управления филиала РАНХиГС (Новосибирск). alexander.starkin@icloud.com

Суслова Екатерина Александровна, магистрант АлтГУ (Барнаул). kate98-12@mail.ru

Ткачук Лина Николаевна, аспирант кафедры философии и политологии АлтГУ (Барнаул). linok_1984@mail.ru

Троценко Данил Романович, магистрант АлтГУ (Барнаул). danil.trocenko.2013@mail.ru

Тюгашев Евгений Александрович, д.ф.н., доцент Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск). filosof10@yandex.ru.

Тюпенкова Елизавета Эдуардовна, магистрант АлтГУ (Барнаул). tyupenkova@list.ru

Ушаков Дмитрий Викторович, к.ф.н., старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск). ushakovdmitrii@mail.ru

Флаот Наталья Сергеевна, студентка АлтГУ (Барнаул). natali.flaot2013@mail.ru

Фотиева Ирина Валерьевна, д.ф.н., профессор кафедры теории и практики журналистики АлтГУ (Барнаул). fotieva@bk.ru

Царева Наталья Степановна, кандидат искусствоведения, Государственный художественный музей Алтайского края (Барнаул). Nattsareva@gmail.com

Чернышева Дарья Дмитриевна, студентка АлтГУ (Барнаул). dchemysheva2002@yandex.ru

Широкова Марина Алексеевна, д.ф.н., профессор кафедры философии и политологии АлтГУ (Барнаул). mshirokova1@rambler.ru.

Шишин Михаил Юрьевич, д.ф.н., профессор, академик Российской академии художеств; директор института комплексных исследований Большого Алтая АлтГТУ (Барнаул). shishinm@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Плебанек О.В. Сто лет евразийства: взгляд в историю и в будущее.....	3
Иванов А.В. Наука и религия в наследии евразийцев.....	8
Попков Ю.В., Костюк В.Г. Проблемы интеграции евразийского пространства и подходы России к их решению	15
Широкова М.А. К вопросу о политических идеях А.С. Пушкина	24
Инговатов В.Ю. О роли русского мира на евразийском пространстве	30
Изгарская А.А. Противоречия идеологии евразийства в интеграционных процессах на постсоветском пространстве	34
Спирина М.Ю. Традиционные ценности и евразийская культура	38
Михалев М.С. Великий восточный лимитроф: Междуирье в сердце Евразии	43

СЕКЦИЯ 1. ЕВРАЗИЙСТВО КАК ФЕНОМЕН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ. СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ ВОКРУГ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИДЕИ

Фотиева И.В. Тема «Россия – Запад» в трудах евразийцев: оценки, прогнозы и сегодняшние реалии	48
Артамонова Т.А. Евразийская ценность коллективизма: современное состояние (по результатам опроса студенческой молодежи Сибири)	53
Демин И.В. Евразийский патриотизм и смысл русской идеи в современном мире.....	58
Каланчина И.Н. Консолидирующая роль русского языка в межнациональном диалоге.....	64
Инговатова А.Г. Духовно-идейные и социокультурные основания диалогической миссии русской культуры в современном глобализирующемся мире	73
Сосновский Б.А. Духовность как основа интегрированного социокультурного пространства	80
Останин В.В., Григорьев И.В. Экотеология Прахупады.....	88
Корчагина А.О. Славянский культурно-исторический тип в работе Н.Я. Данилевского «Россия и Европа»	95
Суслова Е.А. Евразийский федерализм: теоретические основы, возможности реализации на практике, перспективы функционирования	100

СЕКЦИЯ 2. ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ НА ИНТЕГРАЦИОННЫЕ И ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ТРАНСФОРМАЦИИ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА: ОПЫТ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН

Тюгашев Е.А. Феномен магистральных традиций.....	105
Ерохина Е.А. «Национальный вопрос» и закат глобализма: цивилизационная перспектива	109
Зазулина М.Р. Цивилизационная идея и логики ее трансформации в условиях современных глобализационных процессов: опыт России и Европы	114
Мадюкова С.А. Роль института культуры в становлении этнической и цивилизационной идентичности	119
Персидская О.А. Институционализация этничности в социально-гуманитарных интерпретациях.....	124
Ушаков Д.В. Деятельность национально-культурной организации Новосибирска по социальной поддержке монгольских студентов.....	129
Искаков И.Ж. Политический тренд евразийской интеграции	135
Гонашвили А.С. Механизмы сотрудничества России и Узбекистана в сфере высшего образования.....	140
Ланина Е.Е. Туризм в формировании евразийского пространства	143
Пономаренко О.П., Логинова Н.С. Культурно-оздоровительный потенциал развития туризма на Алтае	147
Бондаренко С.И. Трудовые праздники как элемент советской этнокультурной практики во второй половине XX века	153

СЕКЦИЯ 3. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Качусов Д.А. Авторитарная модернизация в странах Востока XIX века.....	158
Иродов И.Е., Чернышева Д.Д. Отражение внешнеполитических идей «отцов-основателей» в современной внешней политике США	164
Наседкина О.А. Мотивация и лидерство в управлении субъектом РФ	168
Ткачук Л.Н. Анализ проблем правового регулирования институтов гражданского общества в субъектах Российской Федерации	173
Старкин А.Д. Международный опыт противодействия идеологии терроризма и экстремизма (на примере ЕС)	179

Банников Д.В. Особенности реализации молодежью пассивного избирательного права в Алтайском крае	184
Флаот Н.С. Образ электронного голосования в российских СМИ в период избирательной кампании 2021 г. на примере «Российской газеты» и «Новой газеты»	190
Павленко О.В. Новое обличье «Красного пояса»	195
Анищенко В.В. Роль праймериз в политическом процессе Алтайского края.....	198
Тюпенкова Е.Э. Роль интернет-коммуникаций в формировании протестных настроений молодежи Российской Федерации.....	203
Тропенко Д.Р. Этика эгоизма как основа жизнедеятельности гражданина в современном мире	208

СЕКЦИЯ 4. ОСОБЕННОСТИ ИСКУССТВА ЕВРАЗИЙСКИХ НАРОДОВ

Мушникова Е.А. Художественные произведения и документальные материалы о творчестве художника Н.П. Иванова из Государственного архива Алтайского края	213
Царева Н.С. Произведения Евгения Скурихина в собрании Государственного художественного музея Алтайского края. Обзор коллекции	218
Сидорова О.В. Выставка иллюстраций Алексея Дмитриева в Государственном художественном музее Алтайского края	225
Шишин М.Ю., Батхулэг Э. Предпосылки развития театрального искусства в Монголии в контексте буддийской церемонии цам	232
Белокурова С.М., Канарева Т.Н. Генезис образа птицы Гаруды в монгольском искусстве	241
Сенотрсова П.О. Реконструкция поясного набора из погребения №7 могильника Пинчуга-6 (Нижнее Приангарье)	256
Руденко К.А. Вопросы хронологии средневековых древностей Волго-Камья (историографический аспект)	261
НАШИ АВТОРЫ	266

Научное издание

**ЕВРАЗИЙСТВО:
теоретический потенциал и практические приложения**

*Материалы
XI Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции
Барнаул, 23-24 июня 2022 г.*

Отпечатано в авторской редакции

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 14.12.2022.

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 15,81. Тираж 100. Заказ 605.

Типография Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66